

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
БИОГРАФИИ

Вольфганг Ферстер

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ФЮРЕРУ

**ТРАГЕДИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ
НЕМЕЦКОГО ГЕНШТАБА**

1933–1944

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Wolfgang Foerster

**EIN GENERAL
KAMPFT GEGEN
DEN KRIEG**

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Вольфганг Ферстер

ПРОТИВОСТОЯНИЕ
ФЮРЕРУ

ТРАГЕДИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ
НЕМЕЦКОГО ГЕНШТАБА

1933–1944

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Ф43 **Ферстер Вольфганг**
Противостояние фюреру. Трагедия руководителя немецкого Генштаба. 1933—1944 / Пер. с нем. А.Ю. Фроловой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 255 с. — (За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-9524-3421-9

Людвиг Бек никогда не был пацифистом, но прекрасно понимал, какие страшные последствия повлечет война и для проигравших и для победителей. Один из организаторов вермахта, Бек открыто критиковал сосредоточение всей полноты власти в руках Гитлера.

Оппозиция Гитлеру рассматривала Бека как возможного главу государства в случае устранения фюрера с политической арены. Бек принимал участие в Июльском заговоре, после провала покушения на Гитлера был арестован и покончил жизнь самоубийством.

ББК 63.3(0)62

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2008
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2008

ISBN 978-5-9524-3421-9

Глава 1

ЖИЗНЬ БЕКА ДО 1933 ГОДА

Нам нужны офицеры, которые до конца пройдут путь, руководствуясь нравственными принципами, чьи характер и нервы достаточно сильны, чтобы сделать то, что диктует им рассудок.

Бек, 15 октября 1935 г.

Людвиг Август Бек родился 29 июня 1880 года в Бибрихе, на Рейне. Его отец, доктор философских наук Людвиг Бек, руководил литейным производством в Бибрихе (Рейнский металлургический завод) и был видной фигурой в этой отрасли индустрии. Написав пятитомную работу об истории железа и опубликовав многочисленные статьи о металлургической промышленности и о месте и роли в ней железа, он приобрел большую известность в научных и промышленных кругах. В 1905 году в знак признания его научных достижений ему присваивают звание профессора, а в 1909 году вручают памятную медаль Карла Люга — высшую награду ассоциации немецких металлургов. В 1910 году от технического университета в Ахене он получает звание почетного доктора инженерных наук.

Людвиг провел свое детство в родительском доме в Бибрихе, где помимо него росли еще два брата, один на два года старше, а второй на два года младше его. Вначале семья жила в доме при Рейнском металлургическом заводе, потом на вилле, Райнгаухштрассе, 3. В сво-

ей статье, написанной в память об отце к его столетию, Бек писал: «В воспитании сыновей отец и мать редко прибегали к нравоучениям; гораздо чаще они собственным примером показывали нам, как следует себя вести; здесь уместно вспомнить слова Теодора Фишера: «Моральное всегда понимается исходя из самого себя». Они демонстрировали это всем укладом своей семейной жизни, отношением к работе и обязанностям. Большое внимание уделялось самообразованию и соблюдению порядка и дисциплины.

Главным талантом отца было то, что у него всегда, несмотря на огромное количество дел и безумное напряжение, было время для сыновей и что он всегда оберегал покой семьи. Родители жили просто и скромно и старались, чтобы у сыновей материальное не возобладало над духовным, к чему, возможно, располагало общение с некоторыми состоятельными и известными семьями. Всякий раз, когда позволяло время, почти всегда по воскресеньям, отец вместе с сыновьями предпринимал прогулки по окрестностям, нередко эти прогулки длились по несколько часов. Дома он охотно читал вслух драмы немецких классиков, Шекспира, Библию, а также произведения современных писателей.

Оба родителя, религиозно терпимые, часто посещали церковь и приучали к этому сыновей. Среди житейских мудростей, которые отец любил повторять сыновьям, помимо настоятельного призыва избегать недооценки человеческих знаний, были слова Сократа «познай себя» и наставления Полония, которые он дал своему сыну Лаэрту: «Будь верен сам себе». А от себя отец добавлял: «В долг не бери и взаймы не давай; легко и ссуду потерять, и друга, а займы тупят лезвия хозяйства».

Мать была выдающейся пианисткой, и в доме часто звучала прекрасная музыка. Устраивались вечера в исполнении сыновей и других близких родственников и друзей. Все, принимавшие участие в этих домашних кон-

цертах, получали огромное удовольствие¹. Родители не любили большого скопления людей и предпочитали простое общение с родственниками и близкими знакомыми в собственном доме или на природе в окрестностях Рейна, в больших великолепных садах, раскинувшихся на его берегах. Гостей ждали яркие и незабываемые впечатления от веселых занятий водным спортом на Рейне. Гости могли плавать на собственной лодке, совершать прогулки на пароходе или на весельной лодке, осматривать живописные окрестности. Красота родного края так завораживала всех членов семьи, что даже во время летних каникул родители очень редко уезжали куда-либо с сыновьями. Когда же это происходило, то довольны были не все. Ни отец, ни мать не хотели оказывать влияние на сыновний выбор профессии и, каким бы он ни оказался, всегда поддерживали сыновей, а когда они покинули отчий дом, родители постоянно переписывались с ними».

По окончании гуманитарной гимназии в Висбадене, весной 1898 года, Бек сдал экзамен на аттестат зрелости, после чего, согласно семейной традиции — все предки до его отца были гессенскими офицерами, — 12 марта поступил на службу в 15-й полк полевой артиллерии в Страсбурге. 18 августа 1899 года он становится лейтенантом. До этого в течение трех лет он посещал военную академию в Берлине, по окончании которой был откомандирован для несения службы в Генеральный штаб. 1 октября 1913 года Бек становится капитаном Генштаба.

В Первой мировой войне

В годы Первой мировой войны Бек занимал различные должности в качестве офицера Генерального штаба, причем исключительно на Западном фронте. Во время

¹ Людвиг очень хорошо играл на скрипке. (Здесь и далее, кроме особы оговоренных случаев, примечания автора.)

сражения на Марне он был свидетелем успешных военных операций штаба VI запасного корпуса немецких войск с обеих сторон Мааса. Тогда он служил в составе генерального командования VI резервного корпуса. Будучи офицером Генерального штаба 117-й пехотной дивизии, осенью 1915 года в районе Лооса он пережил кровопролитное оборонительное сражение 6-й армии в Артуа. Позже, в 13-й резервной дивизии, в той же должности, он присутствовал при длительных и тяжелых наступательных и оборонительных сражениях под Верденом.

12 мая 1916 года Бек сочетался узами брака с дочерью торговца из Бремена Амалией Пагенштехер. Но его семейная жизнь была недолгой: в ноябре 1917 года Амалия умерла, произведя на свет дочь Гертруду. Потеря жены сделала его, от природы серьезного человека, еще молчаливее и сдержаннее. Больше Бек в брак не вступал.

Зимой 1916/17 года Бек получил назначение в Генеральный штаб недавно созданного Верховного командования группы армий «Кронпринц». Здесь Бек, вскоре получивший звание майора, пользовался особым доверием начальника Генерального штаба графа фон Шуленбурга. Бек отвечал ему взаимностью. После войны их отношения переросли в крепкую дружбу. Бек всегда с благодарностью признавал, что он очень многим обязан служебному и личному влиянию этого одаренного человека и прекрасного солдата. Верховный главнокомандующий группой армий «Кронпринц» Вильгельм также питал к молодому офицеру Генерального штаба особое доверие и позже ввел его в круг своих самых близких друзей.

Служа в штабе этой группы армий, Бек принял участие в планировании и успешном проведении массированных оборонительных сражений в 1917 году на Эне, в Шампани и около Вердена, а затем, весной и летом 1918 года, в наступательных операциях на Амьен и в окрестностях Реймса и, наконец, в начавшихся в конце июля отступлении и обороне.

То, как Бек сумел оценить смысл и значение происходивших событий, участником и свидетелем которых он был, становится ясно из письма, написанного им вскоре после перемирия 28 ноября 1918 года. Здесь он излагает причины, по которым для немцев наступил трагический конец Первой мировой войны.

«...То, что мы все без исключения пережили в последние недели, столь чудовищно, что еще будет являться нам во сне. В самый тяжелый момент войны заранее подготовленная революция — в чем я сейчас ни мгновение не сомневаюсь — нанесла нам удар в спину. Это произошло в тот самый момент, когда армия и правительство должны были напрячь все свои силы, чтобы помешать прорыву и снизить опасность положения, которое могло бы привести к неслыханной военной катастрофе. С тыла мы были полностью беззащитны, полностью! Именно этим вначале характеризовался проход революционеров. Я не знаю ни одной революции, которая была бы проведена столь подло и которая, что гораздо хуже, сильно увеличила тяжелую нужду, в которой мы находимся уже давно, что, возможно, приведет к полной гибели. Это безумие — проводить революцию в государстве, которое с напряжением всех сил и полным сохранением всего своего очень сложного организма должно было превратить **поражение в терпимый мир и здоровое мирное хозяйство**. Как правильно пишет «Кёльнская газета», это почти то же самое, как если бы человек, страдающий от заболевания легких, захотел бы привести операцию на слепой кишке. Этого не вынесет даже самый лучший организм.

Конечно, есть множество причин для резкой смены настроений, растерянности и отчаяния. Об этом нужно думать проще и не обижаться на народ, который после четырех лет страданий и лишений на время потерял самообладание. Но то, что эта реакция примет такие формы, мы предугадать не могли. Я не считаю это проявление результатом краха, я считаю его вступлением в силу

давно принятых решений, которые лишь ждали благоприятного момента для своего осуществления. Я, после того как примерно за два года до этого получил возможность поближе ознакомиться с причинами, еще больше укрепился во мнении об исходе войны, с небольшим отличием — нам нужно было искать взаимопонимание. Это мнение совпадает с суждениями начальника штаба и кронпринца. Мнения этих людей я могу приводить сотни раз, некоторые из этих суждений зафиксированы документально и еще не раз станут известны. Но с «диктатором» Людендорфом, порядочным, умным и энергичным человеком, никто не сравнится. Он мог уйти лишь по собственному желанию. Если бы кто-либо осмелился преждевременно его сместить и если бы этим кем-то оказался кайзер, то народ объявил бы его инициатором поражения, которое вскоре должно было последовать, и «побил бы его камнями». Слишком глубоко доверие народа и армии к Людендорфу. Лишь немногие с тревогой смотрели в будущее и видели приближающуюся беду. Но, несмотря на это, Людендорф был одним из величайших людей своего времени, за время нашего общения я очень хорошо его узнал и искренне им восхищался. Он — одна из самых трагических фигур нашей истории.

Но все это, и даже еще большее количество причин, не объясняет нашего теперешнего положения. На нашу армию на родине в течение нескольких месяцев революционеры систематически оказывали влияние, именно этим и объясняется большая часть наших неудач после 15 июля. Некоторые войска не устояли, и не потому, что не хотели, нет, а потому, что не смогли. Тут не помогло сопротивление других храбрых войск, весь организм был уже нездоров. Слишком много было переносчиков инфекции. Но при совместной работе мы легко снова встали бы, чтобы дать отпор, на короткой линии — Антверпен—Мец или Люттих—Мец и поставили бы нашего противника перед выбором: мир или продолжение войны до 1919 года. И враг тоже был на грани. При всем

уважении к французской армии должен заметить: то, что Фош был великим полководцем, — это лишь молва, и ничего более. Если бы он им был, то нас бы ждало совсем другое поражение, а не то, что произошло.

История когда-нибудь расскажет, как мы, в течение многих недель сражаясь на обширном фронте без резерва, имели множество дыр в нашей обороне, и все же полководец Антанты не прорвался. Наши войска, наши офицеры и наше правительство — все они, каждый на своей должности, делали невозможное.

Поэтому сейчас особенно неприятно, когда люди, которые ни разу не слышали выстрелов, которые не знают, какого ужасного напряжения, самоотречения и других качеств требовала война от каждого на фронте, — когда эти самые люди создают противоречия между офицером и обществом. Ведь худшее, что они могут сделать, — это подорвать офицерский авторитет, а это приведет к анархии. Люди, которые совершили это преступление, должны взглянуть на французскую армию, которая по меньшей мере в течение нескольких лет переживала тяжелые времена, когда все, а особенно Клемансо, действовали более чем решительно, когда мятеж часто наказывался смертной казнью. Сегодня французская армия — самая дисциплинированная в мире. Для офицеров, таких как я и многие другие тысячи, которые это переживают, закат нашей армии является чем-то ужасным...»

Это обстоятельное письмо является не только показателем тогдашнего **суждения Бека о немецком крахе 1918 года**. Оно также представляет собой изложение той точки зрения, которой он, более чем 20 лет спустя, был верен и во время Второй мировой войны. С годами мнение Бека о событиях 1918 года не изменилось или изменилось незначительно. Он всегда помнил этот удар кинжалом в спину армии. Правда, не той армии, которая (как позже будут старательно утверждать легенды) тем самым была лишена победы и которая, израненная и истекающая кровью, приблизила поражение, а той армии, у которой от-

няли последние силы к сопротивлению. Нужно помнить об этих взглядах Бека; чтобы потом оценить его роль в заговоре против главы государства. Потребовался ужасный наглядный урок, который Гитлер преподал немецкому народу и всему миру, чтобы понять Бека, истинного патриота, выросшего в священных традициях, и оценить условия, в которых открытый протест против преступного тиранства становился высочайшим моральным долгом и наущной государственной и политической необходимостью.

Работа Бека в рейхсвере

После краха 1918 года Бек остался преданным своей профессии — служил в маленькой стотысячной армии Веймарской республики. Его служба шла параллельно как в армии, так в Генеральном штабе. После службы в Бадене и Силезии 1 октября 1920 года Бека переводят в столицу Вестфалии — Мюнстер. Там он вначале получает назначение командиром дивизиона 6-го артиллерийского полка, а спустя два года, уже в звании подполковника, возглавляет вспомогательные военные курсы в штабе 6-го военного округа. Находясь на этой должности, он не только с большим успехом организовал подготовку будущих офицеров Генштаба, но и снискдал любовь и уважение своих подчиненных. Вот небольшой пример этого.

Во время учебной поездки верхом Бек из-за столкновения с легковым автомобилем упал вместе с лошадью. Один из его учеников, тогда старший лейтенант, а позже генерал Хоссбах, пишет об этом в одном из своих писем: «...Все произошло очень быстро: я услышал визг тормозов машины и в ту же секунду увидел залившего кровью Бека. Он лежал на земле. Ты не представляешь, как больно мне было видеть это и как прекрасно держался этот человек, несмотря на боль. Ни одного стона не услышали мы от него. Вначале он спросил о своей лошади и лишь потом позволил отнести себя в

машину (которая и была причиной его падения) и отвезти в лазарет в Мюнстере. Во время нашего возвращения мы, к нашей великой радости, узнали, что врачебное обследование не выявило никаких опасных для жизни повреждений. Чтобы порадовать Бека, сегодня мы подарили ему цветы, а в скором времени хотим доставить ему и другую радость. Завтра утром мы хотим по очереди посетить его...»

1 октября 1925 года Бек был переведен в Генеральный штаб 4-го военного округа в Дрездене. Там он стал начальником Генштаба и был произведен в полковники. С осени 1929 по осень 1931 года он командовал 5-м артиллерийским полком в Фульде. Тогда же ему присваивается звание генерал-майора.

Уже в этот период его военной карьере хватало кризисов, которые ставили под вопрос его пребывание на военной службе. Уверенность и независимость, с которыми он вел себя во время процесса над несколькими молодыми офицерами его полка, привели к откровению с тогдашним министром по делам рейхсвера Гренером, который не отправил Бека в отставку лишь благодаря ходатайству начальника управления сухопутных войск генерала фон Хаммерштайна.

«Я, хорошо зная себя, прекрасно понимаю, — писал Бек тогда Хоссбаху, — что на моем пути обязательно встретятся подводные камни. Но я поставлю новый палрус и спокойно поплыву до следующего рифа. Уверенность и вера должны быть внутри человека».

Начиная с осени 1931 года род его службы менялся очень часто. После короткого пребывания в Генеральном штабе 1-го командования группы армий в Берлине 1 февраля 1932 года Бек возвращается в Дрезден и становится командующим артиллерией 4-го военного округа. Оттуда 1 октября 1932 года отправляется в Франкфурт-на-Одере, чтобы стать командиром 1-й кавалерийской дивизии. 1 декабря 1932 года становится генерал-лейтенантом. В те же годы пишет труд «Управление войска-

ми», на основе которого до войны готовилась германская армия и который изжил себя к осени 1935 года.

1 октября 1933 года Бек перешел на службу в министерство рейхсвера в Берлине. Тогда же в управлении сухопутных войск, во главе которого стоял генерал фон Хаммерштайн, был назначен начальником управления. Должность эта 1 июля 1935 года была переименована в руководителя Генерального штаба армии. Правда, за смешной названия не последовало расширения полномочий.

1 октября 1936 года он стал генералом артиллерии.

Сердце Бека было переполнено любовью к своей стране. Обладая высоким национальным самосознанием, он с тревогой следил за внутриполитическими событиями, происходившими в Веймарской республике. Бек был солдатом и ярым сторонником точки зрения Зекта, заключавшейся в том, что рейхсвер должен находиться вне сферы партийной политики. Он считал сделанную в начале 30-х годов попытку поставить перед офицерским корпусом определенные политические условия, такие как вербовка офицеров в национал-социалистическое движение, несовместимой с неприкосновенными принципами их положения вне внутриполитических противоречий. Поначалу он приветствовал принятие власти Адольфом Гитлером, считая это многообещающей предпосылкой восстановления равноправного положения вооруженных сил. Однако вскоре он почувствовал опасность, которая грозила независимости и частной жизни офицеров вермахта, который нужно было создавать заново. Исходила эта опасность из рядов национал-социалистической партии и от СА, а позже от СС, которые не скрывали своей жажды власти. Оборонительная война стала для Бека самым горьким долгом.

Бек скептически относился к внутриполитическому развитию Веймарской республики и поведению большинства правящих личностей, резко осуждая бесчисленные преступления и террористические акты, совершаемые против справедливости и закона.

Глава 2.

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРУД В 1934—1937 ГОДАХ

В настоящее время происходит столь многое, а как может развиваться будущее — особенно без нашего участия, — столь трудно предвидеть, что я хотел бы принять как действительно ценный военно-политический лозунг: из-за наших интересов ни с кем не испортить отношения.

Бек, весна 1935 г.

Рамок этой книги не хватит, чтобы дать полную картину или хотя бы в общих чертах обрисовать деятельность Бека в течение тех пяти лет, когда он был руководителем войскового управления и затем Генерального штаба. Важно осветить лишь одну сторону его деятельности: влияние Бека на создание и развитие новой армии и его борьбу против стремлений и планов, несовместимых с этой целью.

Положение и задачи руководителя Генерального штаба

Положение руководителя Генерального штаба во времена Бека так и не приобрело того значения, которое оно имело в королевской прусской армии при таких людях, как Мольтке, Шлифен и Гинденбург. Тогда руководителю Генштаба, выше которого был лишь Верховный главнокомандующий, поручали главную ответ-

ственную работу по подготовке к войне и ее проведению. Согласно выработанному порядку в заново воссозданном немецком вермахте высшую должность его главнокомандующего занимал государственный военный министр фон Бломберг; на ступень ниже его стояли три главнокомандующих частями вермахта (сухопутными войсками, морским флотом и люфтваффе): фон Фрич, Редер и Геринг. Верховное командование сухопутных войск, во главе которого находился главнокомандующий армией, состояло из пяти частей: Генеральный штаб армии, управление кадров сухопутных войск, общее управление, управление вооруженных сухопутных войск и административное управление сухопутных войск. Руководитель Генерального штаба также был одним из пяти помощников своего главнокомандующего, конечно самым важным: в его обязанности входили все работы по обороне страны и по подготовке и проведению сухопутных военных операций.

И Бек находился на месте, которое обеспечивало ему определяющее влияние на возрождение и развитие армии. Но в его жизни, полной самоотверженности и самоотречений, оказалось трагическим стечением обстоятельств, что на пике его офицерской карьеры ему не позволили стать во главе армии, где он мог бы многое исправить, лично отдавать приказы, высказывать и убежденно отстаивать свое мнение. Будучи руководителем Генерального штаба, он был главным начальником всех офицеров Генерального штаба сухопутных войск и мог оказывать непосредственное влияние на этот маленький, но избранный круг особо талантливых офицеров, что он с успехом и делал. Но остается фактом, что в том, что касалось вопросов подготовки войск, их вооружения, организации, обороны страны, оперативного ведения войны и отношений между военным и политическим правлением, он должен был довольствоваться ролью творческого советника. Он был помощником, а не главнокомандующим.

На его первой, дающей право отдавать приказы должности, которая, казалось, была создана для него, для его деятельной волевой натуры, необходимость в постоянном самоотречении давалась ему нелегко. К счастью, в этом человеке сознание собственной значимости и собственных возможностей соседствовало со скромностью и душевной уравновешенностью, которые позволяли ему ради дела приносить в жертву собственные стремления и надежды. Ради дела! А дело, Бек знал и с готовностью признавал это, находилось в надежнейших руках его непосредственного шефа, генерала барона фон Фрича. Кратковременное недоверие между ними, возникшее из-за подозрения Фрича, что вновь появившиеся понятия «Генеральный штаб» и «начальник Генерального штаба» могут, пусть и косвенно, уменьшить количество его собственных полномочий, было устраниено. В дальнейшем Фрич и Бек, как и раньше, полностью доверяя друг другу, с успехом вместе работали и вместе боролись.

«Перевооружение, как таковое, не является преступным актом...»

Когда Фрич 1 февраля 1934 года отрапортовал Гитлеру о своей готовности принять пост командующего сухопутными войсками, фюрер сказал ему: «Сотворите армию могущественную, внутренне единую, как можно с более высоким уровнем образования».

Выполняя поручение, Фрич, высокоодаренный офицер, истинный патриот, работал самоотверженно, активно и с большим успехом. Гораздо позже, когда Вторая мировая война была уже в самом разгаре, Гитлер с неслыханным цинизмом хвастался: «В основном я создал вооруженные силы не для того, чтобы не наносить удар. Решение нанести удар всегда существовало во мне. Рано или поздно я хотел разрешить эту проблему».

Нельзя доказать, действительно ли эта точка зрения соответствовала первоначальным намерениям Гитлера, или ее нужно рассматривать как «целевую». В любом случае Фрич и другие принимавшие участие в создании армии офицеры ничего не подозревали о подобных планах Гитлера.

Фрич и Бек видели в строительстве хорошо вооруженной державы не только предпосылки для успешного внутреннего развития государства, но и твердую уверенность в том, что никакая внешняя война не поставит под вопрос и не помешает этому развитию¹. Оба хотели строить армию спокойно, планомерно и без спешки. Нужно было избежать того, чтобы молодые войска оказались в центре военных действий. Закон о создании вермахта и всеобщей воинской повинности появится позже. Вначале нужно было провести все необходимые приготовления материальной части — обеспечить создаваемую армию вооружением, обмундированием, обустроить полигоны для учений и т. д.

Но были и те, кто считал, что нужно ускорить темпы формирования армии. Так, общее управление предложило использовать время до появления закона о строительстве вермахта таким образом, чтобы уже к 1 октября 1934 года сухопутные войска насчитывали 300 тысяч человек. Это предложение обосновывалось тем, что рост германской боевой мощи служил бы сдерживающим фактором по отношению к иностранным державам и к жаждущим власти СА.

¹ В связи с этим обратимся к тому, что установил приговор Международного военного суда в Нюрнберге в отношении обвиняемого Шахта: «Первооружение, как таковое, не является преступным актом в соответствии с Уставом. Для того чтобы оно явилось преступлением против мира, как оно предусматривается статьей 6 Устава, должно быть доказано, что Шахт проводил это первооружение как часть нацистского плана для ведения агрессивной войны. Шахт утверждал, что он принимал участие в программе первооружения лишь потому, что он хотел создать сильную и независимую Германию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение и равное положение с другими европейскими странами».

В документе от 20 мая 1934 года¹ Бек протестовал против этого предложения, поскольку оно означало «не строительство армии, а мобилизацию»:

«Этой меры не избежать. Но она повлечет за собой прочие многочисленные, труднообосновуемые меры, которые усилият уже существующие подозрения и которые в результате этого станут еще сильнее преувеличивать. Как таковая эта мера может стать последней каплей, которая переполнит чашу терпения. Также это даст Франции, которая только и ждет условного сигнала, столь страстно желаемую возможность выйти из изоляции. До сих пор нашим лозунгом было то, что у нас в течение десяти лет не должно быть войны. Аргумент, что, когда у нас будет трехсоттысячная армия, нас невозможно будет победить, неубедителен. Силой француз сможет остановить как трехсоттысячную армию, так и ее строительство. Не используя силу, он не сможет сделать ни первого, ни второго. Подобная мера способствует военной опасности и оправданна лишь во внешней политике, если люди полагают, что не удастся избежать вооруженного конфликта. Также я считаю невозможным, чтобы Гитлер смог ждать до 1 апреля 1935 года наступления *fait accompli*², ввиду беспорядков, которые будут ему предшествовать...

...С точки зрения внутренней политики неправильно, чтобы так быстро построенная армия была более ценным орудием власти государства, чем созданная в процессе тщательной работы, хотя бы на треть или на половину. Наоборот, ненадежное орудие власти может стать причиной опасности. И тогда костяк прежней наемной армии, растворившись в нем, окончательно потеряет свою ударную силу. Я скорее стану опираться на десять надежных, чем на пятьдесят ненадежных людей. Таким образом, с СА (и СС!) не решить вопрос власти. Для миллионов их членов не играет никакой роли, противо-

¹ Пометка, собственноручно сделанная Беком.

² Свершившийся факт (*фр.*). (*Примеч. пер.*)

стоят ли им 100 тысяч или 300 тысяч солдат (даже квалифицированных). Этот вопрос нужно решать иначе. 300 тысяч человек — такой ответ является попыткой уклониться от решения проблемы. <...>

Закон о всеобщей воинской повинности вступит в силу самое раннее 1.10.35. На построенную до этого трехсоттысячную армию он не влияет. Также влияние закона о всеобщей воинской повинности кажется мне сомнительным, пока не будет обеспечен авторитет государства, как таковой. Впрочем, под этим понимается лишь 50 процентов годных к военной службе. <...>

Слишком быстрое строительство армии — это то же самое, что преждевременные роды со всеми слабостями и изъянами. В общем и целом эти недостатки можно преодолеть, но понадобятся годы, чтобы полностью их устранить. Мы еще не раз во многом вернемся к соотношениям 1920—1923 годов. Нарушится прежний принцип, что сплоченность офицерского корпуса и войск является важнейшей и самой главной целью».

Бек заканчивает рядом примеров, которые показывают недостатки этого предложения.

Возражения Бека совпали с мнением главнокомандующего и были приняты. Это предложение так и не было претворено в жизнь. Закон о строительстве вермахта от 16 марта 1935 года установил службу в вермахте на основе всеобщей воинской повинности. Германская армия делилась на 12 командных корпусов и 36 дивизий. Срок активной службы, согласно распоряжению от 21 мая 1935 года, составлял один год.

Одновременно с принятием закона о всеобщей воинской повинности не был установлен двухлетний срок действительной службы ввиду невозможности выделить для этой цели необходимый инструкторский состав. Преимуществом одногодичной службы в действующей армии являлось то, что можно было быстрее подготовить рядовой состав. Но Фрич и Бек считали, что в интересах строительства прочной и надежной армии нуж-

но отказаться от этого преимущества. Они решили после того, как улучшится ситуация с инструкторским составом, вопреки другим желаниям внутри Главного командования армией как можно скорее ввести двухгодичный срок службы. Что и было сделано Указом фюрера и рейхсканцлера от 24 августа 1936 года.

Когда друг поздравил Бека с назначением начальником Генерального штаба, тот ответил ему вопросом: «Что сказал граф Шлифен, став начальником Генерального штаба?» Ответ был следующим: «Меня не покидает тревога» — так Шлифен писал своей сестре, испытывая чувство глубокой ответственности после того, как на его долю выпало управление наследием великого Мольтке. Бек говорил: «Меня тоже не покидает тревога, потому что свой теперешний пост я даже примерно не могу сравнить с положением Шлифена. Я боюсь, что мы можем оказаться втянутыми в войну до того, как будем в состоянии сражаться, имея перспективы на успех. Мы должны сделать все, чтобы не позволить этому случиться. Но все ли это ясно понимают?».

Бек требует «нравственно обоснованной политики»

Конечно же пацифистом Бек не был, но его отличало глубокое чувство ответственности, и он прекрасно сознавал, какие последствия повлечет за собой война не только для проигравших, но и для победителей. Поэтому он чувствовал отвращение к наступательной войне — войне, которая ведется не из-за непреодолимых обстоятельств, а для самоутверждения государства и народа. Также Бек опасался превращения современной войны в тотальную. Но он был убежден, что это можно преодолеть не обращаясь к инструменту войны, а «путем нравственно обоснованной политики, которая всегда сохраняет первенство и на основе которой появляется новый

моральный идеализм в государстве и в отношении к другим народам». Первую предпосылку к этому Бек видел в том, чтобы «руководитель политики был высоконравственным человеком, который даже в последней инстанции подчинялся бы собственному внутреннему моральному закону, собственной совести».

Бек знал из истории, что внешняя политика государства в ответе за то состояние, в котором его вооруженные силы вступят в войну. Записи, сделанные им после отставки, показывают его точку зрения на взаимодействие политического и военного руководства: «Различные мнения об отношениях между политикой и военным руководством, как и отсутствие компромисса между политическими требованиями и целями и военной работоспособностью государства, могут оказаться первым и, возможно, решающим шагом к поражению в войне. Не случайно история знает множество примеров, когда война была выиграна или проиграна еще до своего начала. И это всегда была либо заслуга, либо вина политики... Ни одного человеческого гения не хватит, чтобы военно и политически успешно провести будущую войну, как это делали Фридрих Великий и Наполеон I. Ни одно государственное правительство, каким бы оно ни было, не может закрывать глаза на этот факт. Дуализм государственного деятеля-полководца также является данностью, с которой нужно смириться. Вероятно, повезет государству, в котором различные мнения двух людей находят необходимый компромисс в решениях Верховного главнокомандующего, который командует хоть и лично, но при успешном содействии государственного деятеля и полководца. Но между вышеназванными личностями сохраняется необходимость в том, чтобы в политическом управлении было понимание боевых задач военного командования, а в военном руководстве — политических устремлений. Также нужно, чтобы они обменивались информацией, взаимодействовали в полном согласии друг с другом и не лезли не в свои дела».

Такова была точка зрения Бека. При этом он и сам в своих мыслях, предложениях и суждениях, если они касались обороны страны и оперативного ведения войны, всегда исходил из конкретной политической ситуации. Он выискивал любую возможность, в том числе и посредством бесед с компетентными должностными лицами, чтобы знать о целях внешней политики, о средствах их достижения и о результатах, которые могли бы получиться в случае их осуществления. Именно с этой целью он завязал близкие отношения с тогдашним статс-секретарем министерства иностранных дел Бюловом. Последний по его просьбе время от времени в доверительных беседах рассказывал Беку о внешнеполитической ситуации. Бек имел привычку записывать информацию, полученную при таких беседах. Часто это были лишь несколько слов без собственных комментариев. Приведем выдержки одной из этих записей, сделанной 30 июля после темных событий 30 июня 1934 года¹ и «дела Дольфуса»².

«Недоверие Англии к немецкому вооружению относится к люфтваффе, а не к сухопутной армии. Шпионы докладывают обо всем и Англии, и другим заинтересованным государствам. Прежде всего, они узнают о вооружении на борту бомбардировщиков, о штабелировании большого количества бомб и так далее, они понимают, что этот факт противоречит словам рейхсканцлера, и, соответственно, больше Германии не доверяют. Попытка доверия к Гитлеру и частично к Бломбергу. Герингу не верят абсолютно. Маскировку продолжать ни в коем случае нельзя. <...>

¹ «Ночь длинных ножей» (путч Рема) — убийство высшего руководства СА, в том числе и начальника штаба этой организации Эрнста Рема, силами СС (с 30 июня по 2 июля 1934 г.), осуществленное по приказу Гитлера. Во время «ночи длинных ножей» погибли также несколько политических противников нацистов, не имевших отношения к СА. (Примеч. пер.)

² Д о л ь ф у с Энгельберт (1892—1934) — австрийский политический деятель, лидер христианско-социальной партии; канцлер Австрии в 1932—1934 гг. Убит путчистами. (Примеч. пер.)

События 30 июня вызвали отвращение и ужас. В том, что касается внешней политики, фюрера или, соответственно, правительство считают способными на все. <...>

Мир еще не успел прийти в себя от жутких впечатлений 30 июня, как 25 июля грянул гром в Вене. Благодаря тому, что пишут в газетах, и тому, что правительство уже объяснило или еще пояснит, никто не верит, что Гитлер ко всему непричастен, тем более после того, как стал известен министерский список, согласно которому Габихт¹ исполняет обязанности вице-канцлера. Муссолини вне себя от ярости. У него в гостях фрау Дольфус для подготовки визита ее мужа. Он должен в деликатной форме сообщить ей о смерти мужа. Муссолини видит в этом деле разоблачение фашизма, а на основе встречи в Венеции² он должен будет еще сильнее поверить в двойственность политики Гитлера — в худшем случае неудача после Венеции. Венский путч с невероятной легкомысленностью инсценируется. <...>

Наша внешнеполитическая ситуация безнадежна. Сейчас на кону стоит все, в особенности вооружение. Все, чего мы с трудом добились в вопросе вооружения, потеряно. Все державы, от которых это зависит, против нас. Франции, которая, как и прежде, находится на заднем плане со своими угрозами, даже пальцем шевелить не нужно, чтобы создать благоприятную для себя ситуацию. Необходимо понять всю серьезность положения и разъяснить ее авторитетным лицам. При таком положении вещей у нас есть две возможности. Либо ни о чем не беспокоиться, а потом на первый план выйдут силовые меры, за которые сегодня будут все державы (даже Польша не останется в стороне). Затем последует безнадежная последняя битва. Либо можно подчиниться. В обоих случаях Третий рейх будет в большой опаснос-

¹ Габихт Теодор был в то время руководителем национал-социалистов в Австрии.

² В июне 1934 г. в Венеции состоялась первая встреча Гитлера и Муссолини.

ти. Таким образом, армия должна будет лишиться авторитета, завоеванного благодаря событиям 30 июня. <...>

Австрия является источником всех зол. Здесь нужно покончить с двойственной политикой. Наступит медленное и трудное охлаждение. Папен¹ не получил ответа, и все-таки он должен взять на себя этот труд, но вести себя при этом очень осторожно».

Фактически Гитлер, после смерти Гинденбурга ставший главой государства, в связи с «делом Дольфуса» решил, по крайней мере внешне, направить отношение Германии к Австрии по «нормальному и дружелюбному руслу». В мае 1935 года он сообщил в рейхстаге, что Германия не имеет намерения захватывать Австрию или вмешиваться в ее внутренние дела. При этом он, естественно, выразил желание улучшить таким образом и отношения с Италией, которые стали весьма напряженными после убийства Дольфуса.

По поводу этого Бек, согласно его записям от 22 июня 1935 года, узнал от статс-секретаря Бюлова следующее: «Смена настроений в Италии в пользу Германии производит большое впечатление. Муссолини заметил, что Дунайский пакт, как он его себе представляет (гарантирующим благодаря великим державам господствующее положение Италии по отношению к Австрии, которое, согласно договору, обязана была бы признать и Германия), неосуществим, так как вопрос слишком многосторонен и сложен. Он натягивал одни нити, а другие слегка отпускал, стараясь как можно больше их держать в своих руках — не расставаясь с мыслями об Австрии. На настроения Муссолини влияла также предстоящая абиссинская авантюра, не стоит говорить о том, как она завершилась. Осенью, вероятно, начнется внимательнейшее обсуждение абиссинского вопроса, когда один из членов Лиги Наций начнет войну против другого. Точно, что Муссолини является одним из самых ненадеж-

¹ 26 июля 1934 г. фон Папен был назначен немецким посланником в Вене.

ных политиков. В отношении Австрии мы ничего не сделали ввиду отсутствия интереса. Рано или поздно вопрос решится сам по себе в нашу пользу. Так же мы участвуем в абиссинском деле не как «непослушные школьники» и авось получим благодаря ему дальнейшую передышку».

Также и венгерский начальник Генерального штаба Верт, 24 июня 1935 года беседовавший с Бломбергом в присутствии Бека, сделал достойные внимания замечания относительно политики Муссолини. Согласно записям Бека, Верт объяснил: «Важнейшим пунктом для Италии в австрийском вопросе является то, что она не хочет общей пугающей ее границы с «восьмидесятимиллионной Германией». У нее нет территориальных претензий на Австрию. Было бы нелогично, если бы Италия таким образом приобрела непосредственную границу с Германией, ведь она очень хочет этого избежать. Если бы Италию можно было успокоить заведениями, что у Германии нет территориальных претензий на Австрию и что она не хочет аншлюса, то австрийский вопрос больше бы итальянцев не волновал. Венгрия предложила посредничество по отношению к Италии. Муссолини был в основном пронемецки настроен, но в том, что касается армии, он германофоб. Муссолини не обратился к Венгрии с предложением создать фронт против Германии. Италия успокоена последней речью Гитлера».

Согласно заключенному год спустя, 11 июля 1936 года, договору между Германией и Австрией, немецкое правительство признавало полный суверенитет федеративного государства Австрии. «Каждое из правительств, — говорится в нем, — рассматривает форму внутренней политики другой страны, в том числе и вопрос австрийского национал-социализма, как дело другой страны. Дело, на которое оно не станет оказывать ни прямого, ни косвенного влияния». Наряду с этим отношение Германии к Италии вновь приняло дружеский вид. А после того как 23 октября 1936 года Германия признала захват

Эфиопии Италией, связи между ними стали еще более тесными.

И все же стремления Гитлера были направлены на то, чтобы мирным путем провести аншлюс Австрии через усиление там национал-социалистического движения. Но на случай, если вопрос о восстановлении габсбургской монархии станет остро, весной 1937 года Верховному командованию армии нужно будет подумать и о возможности военного вмешательства.

«Германия не в том положении, чтобы рисковать и давать повод к войне...»

20 мая Бек высказался очень категорично: «Группировка сил в Европе сейчас такова, что можно не волноваться о войне лишь между двумя из держав. Насколько я знаю Австрию, а в особенности австрийскую армию, я уверен, что немецкое военное вступление в Австрию, направленное против восстановления габсбургской монархии, означает войну между Германией и Австрией. В случае войны Францию и Чехию нужно считать врагами номер один, Англию, Бельгию и Россию — врагами номер два, Польшу и Литву — врагами номер три. У меня недостаточно информации, чтобы судить о позиции остальных держав. Но эту информацию лучше заведомо считать неблагоприятной, как в случае навязанного нам конфликта. То же самое относится к Венгрии и Италии».

Затем Бек обратил внимание на стоящую тогда в Германии очень серьезно проблему снабжения продовольствием, которую можно было решить, по его мнению, путем внедрения ускоренных технологий переработки урожая и обработки полей при участии всех имеющихся в распоряжении рабочих сил¹. Затем он продолжил:

¹ Бек опирался здесь на информацию о развитии народного хозяйства Германии, полученную от бывшего рейхскомиссара по ценам обер-бургомистра доктора Герделера.

«Ограниченный военный успех — захват Австрии до Трауна, — на мой взгляд, не поможет достижению политической цели. Полный захват Австрии должен будет повлечь за собой такое количество военных мер, что, даже если все удастся, нужно будет опасаться, что будущие немецко-австрийские отношения будут проходить не под знаком аншлюса, а под знаком грабежа... Иногда утверждается, что Франция в одиночку не ведет войну. Не учитывая позиции Англии, которую предвидеть невозможно, в данном случае можно утверждать, что Франция была бы не одна. Она борется вместе с Австрией против Германии, и со временем, о чем можно говорить довольно уверенно, может рассчитывать, что и Чехия будет на ее стороне».

Далее Бек цитирует известное и часто употребляемое им высказывание фон Клаузевица: «Задачей и правом военного искусства по отношению к политике является главным образом следующее: не дать политике требовать того, что противно природе войны, чтобы из-за незнания влияния инструмента она не совершила ошибки в его использовании».

Подводя итог, Бек подчеркивал: «Германия во всем, что касается армии, находится не в том положении, чтобы рисковать и давать повод для войны в Центральной Европе. Реально ни в настоящее время, ни в ближайшем будущем она вообще не сможет вести войну. На основе оценки военно-политических и прочих предпосылок военного вмешательства в дела Австрии, направленного против восстановления габсбургской монархии, я считаю, что дальнейшая разработка этой мысли была бы безответственностью со стороны армии».

Несмотря на оценку Бека, в изданной 24 июня 1937 года «Директиве о единой подготовке вермахта к войне» Верховное командование вермахта спланировало вооруженное вторжение в Австрию, если там начнется восстановление габсбургской династии (план «Отто»).

Наряду с австрийским вопросом также остро стоял вопрос об отношении Германии к Чехословакии, которому начальник Генерального штаба должен был уделять повышенное внимание с самого начала своей служебной деятельности. Эта проблема наравне с Судетами таила в себе опасность военных осложнений, а вследствие двойной уверенности, которую давали Чехословакии Франция и Россия¹, — опасность большой европейской войны. Бек отстаивал точку зрения, что Германия не должна использовать судетский вопрос как повод для нападения на соседнее государство и вообще она должна избегать всего, что может повлечь за собой военную стычку с таким результатом.

Возможность выразить свою точку зрения высшему военному начальству впервые предоставилась ему весной 1935 года. Военный министр рейха, опираясь на оперативное исследование, призывал главнокомандующего сухопутными войсками в своем письме от 2 мая высказать его мнение о приготовлениях, которые нужно было провести для выполняемой «молниеносной» операции (условное название *Schulung* — «Учения») против юго-восточного государства, «не принимая во внимание теперешнее неудовлетворительное состояние нашего вооружения» и предполагая, что «любое улучшение ситуации с вооружением сделает возможным расширение готовности и, таким образом, создаст более благоприятные перспективы на успех».

Бека беспокоила мысль, что за этим «оперативным исследованием» укрывалось намерение провести серьезные приготовления для нападения на Чехословакию. Уже на следующий день, 3 мая, он предоставил главнокомандующему письменное изложение своей точки зрения. Прежде всего он поясняет: «По зрелом размышлении я считаю своим долгом сообщить уже сегодня, что если в письме господина министра имеются в виду не пла-

¹ Договор о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. (Примеч. пер.)

ны оперативного исследования, то этим самым письмом задумывается вступление в практические военные приготовления. Но тогда я должен покорно просить снять меня с должности начальника управления, так как я не чувствую, что справляюсь с последней задачей».

Затем Бек беспощадно раскритиковал основы этого так называемого «оперативного исследования». Он писал: «В постановлении господина министра нет ничего о военной цели, которая поставлена командующему действующей армией на основе указанной государственным деятелем руководителю вермахта цели «молниеносной операции». Только когда военная цель для сухопутной армии будет полностью понятна, можно будет начать заниматься практическими и точными стратегическими проработками... Операция «Учения» выдвинет на первый план другие державы и сделает их противниками тех, кто ее проводит. Кроме того, нужно упомянуть, что Франция в настоящее время привела в боевую готовность 11 пехотных дивизий, 1 кавалерийскую, 1 мотомеханическую дивизию для «молниеносного нападения на Германию». В любом случае во время операции «Учения» нельзя рассчитывать на то, что хотя бы единожды будут задействованы только два противника. Скорее правильнее предположить, что при примерно неизменном военно-политическом положении, по меньшей мере, противники на западе и юге как можно быстрее пустят в ход превосходящую по силе военную машину против атакующего. Таким образом, операция «Учения» может рассматриваться в гораздо более широких рамках. Последнее следует учитывать в первую очередь».

Бек считал безнадежным и бесперспективным для Германии в такой обстановке, определенно сложившейся на долгое время, предпринимать наступательную войну против Чехословакии. Он писал следующее: «Хотя подготовка операции «Учения», «не принимая во внимание теперешнее неудовлетворительное состояние нашего вооружения», идет и предполагается, что «любое

улучшение ситуации с вооружением сделает возможным расширение готовности и, таким образом, создаст более благоприятные перспективы на успех», все же я могу рассматривать подобную операцию не более чем жест отчаяния. Жест отчаяния, при котором германская армия, оставляя на произвол судьбы немецкую землю, сама себя выведет из игры для непосредственной обороны страны и, вероятно, за пределами Германии найдет свой бесславный конец. А в это время у себя дома противники будут диктовать самые благоприятные для себя условия. Подобное военное руководство, которое, вероятно, вскоре лишится не только доверия Родины, но и, прежде всего, доверия собственной армии, должно быть готово к суровому осуждению не только современников, но и истории».

Сказано было жестко и ясно и... не достигло результата. Автор того «оперативного исследования» мог почувствовать себя лишь смущенным при чтении этого оперативного разъяснения. Само собой разумеется, так Бек дал понять, что речь в основном идет о теоретических рассуждениях, а не о практических подготовительных мерах.

Но, по мнению Бека, теоретические соображения имеют смысл лишь тогда, когда они опираются на реальные или, по крайней мере, близкие к действительности основания. При решении поставленных стратегических задач или в проводимых военных играх, в руководимых им оперативных разработках он предостерегал офицеров Генерального штаба от конструирования желательных мыслей, от «исполненного фантазий стремления в темное будущее», что легко могло бы «учинить насилие» над вещами и привести к роковым последствиям.

В представленной ему на утверждение разработке военно-политического содержания он написал: «Обоснованная в меморандуме политическая постановка цели ведет, естественно, к военно-политическим и военным выводам. У этого есть как преимущества, так и недостат-

ки. Я считаю не вызывающим сомнений, что уже сегодня нужно иметь в виду точную картину будущего развития, к которому надо стремиться. В настоящее время происходит так много, а будущее, как оно может развиваться — особенно без нашего участия, — столь трудно предвидеть, что я хотел бы принять за действительно ценный военно-политический лозунг: из-за наших интересов ни с кем не испортить отношения. Также я абсолютно уверен, что любой военно-политический и военный вопрос может рассматриваться нами лишь в рамках отношения к нам Франции, а не самостоятельно и что Франция всегда будет находиться на другой стороне и являться нашим злейшим и сильнейшим противником».

Структура Верховного командования вермахта

Одной из сложнейших проблем, которой занимались мыслящие головы молодого вермахта в отношении возможности будущей войны, была целесообразная структура Верховного командования вермахта. В этом вопросе мнения управления вермахта, в котором уже тогда будущий генерал Йодль¹ имел весомый голос, и Генерального штаба сухопутных войск сильно различались. Первый хотел не только предоставить главнокомандующему вермахта (в мирное время военному министру рейха) общее руководство военными действиями, но и считал желательным, чтобы он имел непосредственное влияние на руководство операциями отдельных частей вермахта (сухопутные войска, люфтваффе, военно-морские силы). Бек придерживался иной точки зрения: главнокомандующий сухопутными войсками должен требо-

¹ В свое время Бек считал Йодля одним из самых способных офицеров Генерального штаба в управлении вермахта, надеясь, что найдет в нем особенно подходящего и действенного защитника своих взглядов. Бек был сильно разочарован. Йодль в тот самый момент, когда вошел в управление вермахта, радикально изменил свои взгляды.

вать право принимать участие в обсуждении и решении вопросов общего военного руководства. Одно из представленных исследований, в котором не рассматривалась война на несколько фронтов — против Франции и Чехословакии — и в котором не принималась во внимание подобная ситуация, дало Беку повод в подробной памятной записке от 9 декабря 1935 года изложить и обосновать свою точку зрения на данную проблему.

«В ведении войны против Франции и Чехословакии, — пояснял он, — которая в первую очередь является сухопутной войной, главная ответственность лежит на сухопутных войсках. Само собой разумеется, что главнокомандующему сухопутными войсками должна быть дана мера влияния на ведение военных действий, на которую он имеет право, как руководитель сухопутных вооруженных сил, и его обязанности не должны сводиться к положению только исполнительной власти. Это влияние распространяется в первую очередь на руководство военными действиями, но также и на их политические основания. Он является подходящим человеком, чтобы решать, что в военном плане является осуществимым, а что — нет. Для этого у него в Генеральном штабе есть служба, которая дает ему советы и которая оснащена превосходно — как только может быть оснащен штаб Верховного командования вермахта. Поэтому если где бы то ни было ведутся исследования, касающиеся Верховного командования частей вермахта, в особенности командования сухопутными войсками, то нужно действовать согласно вышеизложенной точке зрения. Наши военные планы, так же как и большие военные операции, должны быть результатом тщательной и обширной работы мысли при участии авторитетных служб. Так было всегда — иначе можно было поплатиться — и всегда будет.

Основная часть этой мыслительной работы в стране, которая находится в таком военном положении, как Германия, принадлежит сухопутным войскам. Главно-

командующий вермахта должен принимать ее в расчет, или ему пришлось бы взять на себя непосредственную ответственность и самому руководить подготовкой и проведением войны. Это было бы выше его сил, а в иных конкретных ситуациях, как, например, в сегодняшней, и выше его мастерства. Главнокомандующему сухопутными войсками нельзя давать полномочия, которые будут означать тяжелейшие изменения в ведении войны (как произошло в спорном исследовании вермахта). Он должен требовать для себя права и обязанности первого и единственного советника главнокомандующего вермахта по всем решающим вопросам ведения сухопутной войны. <...>

Важнейшим условием успешных действий командования является доверие между руководителем и его советником. Обе стороны могут как поколебать это доверие, так и никогда его не достичь. Путем к достижению и сохранению доверия является непрерывный обмен мнениями. **В этой связи чисто военные отношения невозможны».**

В качестве требований к главнокомандующему сухопутными войсками Бек назвал следующее:

«а) участие во всех важных делах обороны страны и подготовки к войне, как в кабинете министров, так и у фюрера;

б) право быть первым и единственным советником главнокомандующего вермахта по всем решающим вопросам ведения сухопутной войны в мирное и военное время;

в) командная власть в мирное время над всеми частями сухопутной армии;

г) полная самостоятельность в ведении операций сухопутной армии в рамках предписаний, данных военным министром рейха вермахту».

В конце Бек упомянул **обязанности руководителя Генерального штаба как верховного командира всех офицеров Генерального штаба**: «Как таковой он ответственен за

теоретическое и практическое образование офицеров Генерального штаба, за их воспитание, формирование характера и личности. То, что он говорит, должно соответствовать его личному поведению. Несоответствие между словами и поступками было бы для него смертельным и губительно повлияло бы на Генеральный штаб. Если он понимает, что находится перед ситуацией, которая при тщательнейшем рассмотрении субъективно оставляет ему только этот выход — и абсолютно все равно, если его точка зрения объективно ошибочна, — то в интересах Генерального штаба он должен оставить свое место другому. Сомнения в его прямолинейности исключены. На место руководителя Генерального штаба новых сухопутных войск нужно будет найти замену. В этом отношении он находится в более выгодном положении, чем главнокомандующий сухопутными войсками, который привязан к своей должности абсолютно другими обязательствами по сравнению с руководителем Генерального штаба».

Борьба вокруг вопроса о наиболее целесообразном устройстве военного командования в то время не была закончена. Со все возрастающей остротой она продолжалась в течение всего срока службы Бека и тянулась до начала войны. Затем, без сомнения благодаря огромному влиянию генерала Йодля (но решающим фактором была военная мания величия Гитлера), было найдено решение: Решение, дававшее главнокомандующему сухопутными войсками, по мнению Бека, не полагающуюся ему возможность влияния на общее ведение войны. Для такого человека, как Бек, было немыслимым исполнение его обязанностей как руководителя Генерального штаба сухопутной армии в той обстановке, что была с самого начала войны, а в ходе ее только ухудшилась и в конце концов привела к хаосу. Его заключительные слова, приведенные выше, позволяют оценить всю его глубоконравственную и высокопрофессиональную позицию, а также переполнявшее его чувство ответственности. Уравновешенный и прямолинейный человек, он

не мог мириться с противоречиями между мыслями и поступками. В тяжелейших условиях, находясь во враждебном окружении, Беку все же удалось сохранить свою порядочность и мужество. Добровольным уходом в решающие часы с должности руководителя Генерального штаба и всем своим дальнейшим жертвенным путем Бек доказал, что для него нет «несоответствия между словами и поступками».

Бек как воспитатель Генерального штаба

Завершая этот краткий рассказ, взглянем на Бека как на воспитателя офицеров Генерального штаба и дадим слово ему самому. О том, какое значение придавал он духовному развитию и совершенствованию характеров своих офицеров и их смены, как понимал он подготовку лидеров, которые были бы в состоянии выполнить все разнообразные и постоянно увеличивающиеся задачи будущей войны, видно из его речи 15 октября 1935 года на праздновании стодвадцатипятилетия военной академии:

«Как появляются великие военные лидеры всех времен — неизвестно. Точно известно только то, что нужно пройти путь от военного ученика через подмастерье к мастеру, особенно в новое и новейшее время, путь, полный тщательной непрерывной и мучительной работы над собой, которая позволит стать настоящим мастером. В этом смысле очень хорошо подходят слова генерал-фельдмаршала Мольтке: «Гений — это работа!» «Это, — отметил Шлифен 25 лет назад, — изречение человека, который лишь после 65 лет непрерывной работы использовал закат своей жизни, чтобы наголову разбить две державы. <...>

Стремящемуся к совершенствованию офицеру необходимо обладать богатым и прочным багажом знаний о войне, полученным в мирное время, хотя подобные те-

оретические знания образуют лишь фундамент действительного мастерства. Последнее нужно постигать отдельно. Это понимали уже тогда, когда Шарнхорст сдавал Всеобщую военную школу. Позже это понимание нашло особо преданного защитника в лице Клаузевица, который боролся с переносом студенческих отношений в стоящее более высоко военное учебное заведение, не сумев справиться с духом времени. Постепенно мысль, которая сегодня кажется само собой разумеющейся, пробивала себе дорогу от теории к практике. Но так как одобрение правильной идеи далеко не всегда означает ее одновременное исполнение, то, как уже было сказано в сегодняшние памятные дни, путь от знания к мастерству, к свободной и творческой деятельности, основанной на научной базе, требует воспитания и обучения духа на основе военной науки. Понимание и рассмотрение военных вопросов в их взаимосвязи, поиск первоначальной возможны лишь при систематической работе мысли, которая шаг за шагом проникает в суть проблемы. Это является необходимым требованием. Это требование сегодня больше, чем когда-либо, должно быть предъявлено к каждому, кому разрешено руководить. Только его выполнение дает правильный фундамент ответственности, самостоятельности и самодеятельности руководителя.

Подобное системное мышление требует глубокого образования и постоянных упражнений. Нет ничего опаснее, чем не до конца продуманные внезапные мысли, пусть даже они и выглядят умными и гениальными, — нельзя им уступать или принимать желаемое за действительное. Как бы их ни лелеяли, их нельзя сразу воплощать в жизнь. Нам нужны офицеры, которые систематически пройдут до конца этот путь логических выводов, сохраняя духовную самодисциплину, чей характер и нервы достаточно сильны, чтобы сделать то, что диктует им разум. «Человеком с сильным характером, — говорит Клаузевиц, — является не тот, кто способен лишь на сильный

порыв, а тот, кто при сильном порыве сохранит равновесие, что позволит ему вести тонкую игру вопреки бурям убеждений в груди, как стрелка компаса на корабле во время шторма».

Раньше по праву восхваляемое *coup d'oeil*, так называемое «молниеносное восприятие момента», конечно, в будущем в некоторых ситуациях ведения сухопутной войны может иметь большое значение, но вообще, по крайней мере среди высшего командного состава, оно является менее значительным, чем осознание потребностей положения, созревшее из учитывающей все возможности четкой и проницательной работы мысли. Подобная умственная самодисциплина не больна «бледностью мысли», она лишь придает «природным цветам решения» необходимый оттенок. Именно так, на основании здравого смысла, появляются великие, смелые и героические решения, кроме того, именно так облагораживается поражение благодаря «гордости славной гибели». Такая систематика мышления совсем не противоречит душевной гибкости. Предпосылкой для гибкости в решениях применительно к обстоятельствам, на которые заранее нельзя оказать влияние и которые нельзя с уверенностью предвидеть, основой приспособляемости к изменяющейся ситуации, проявления присутствия духа при случайностях, нечувствительности к ответным ударам, так как от этого зависит успех, является предварительная напряженная работа мысли.

Вот что восхищает нас в великом Мольтке, что делает его примером для всех офицеров на особенно ответственных постах: серьезное, основательное взвешивание всех факторов перед отважным деянием, внутренняя уверенность, которая возникает из-за спокойствия и готовности ко всему, что может быть, точность суждений, которая в тумане неопределенности находит правду, так как он предчувствует действительность. Чем выше мы поднимемся при наших лидерах, — говоря еще раз словами Клаузевица, — тем необходимее будет, чтобы дух

пришел на помощь смелости, чтобы она не была бесцельной, чтобы она не была слепым порывом страсти; нужно меньше самопожертвования и больше поддержки других ради общего блага. В этом духовном и умственном воспитании в преемнике нашего лидера ясного и логического мышления и решительного поведения я вижу главнейшую и важнейшую задачу военной академии.

При этом напрашивается другая мысль. Мировая война, вызванное ею изменение развития людей и их отношения друг к другу, как и огромный уже достигнутый и еще ожидаемый прогресс техники, повсюду революционно влияли на точку зрения о сущности будущей войны и ее ведения. Так же и взгляды на руководство сухопутными вооруженными силами покорились изменению времени и во многих отношениях претерпели решающие изменения. Новым проблемам уделяется столько времени и внимания, о которых в прошлом не могло быть и речи.

Соответственно этому, области образования вообще и учебные материалы в частности должны будут в послевоенное время претерпеть кардинальные изменения. Они должны и дальше продумываться и взвешиваться, и необходимо приспособиться к их быстрому развитию. Но так формируется обучение основам военного ведения войны, которые становятся все многостороннее и сложнее, чем те, что преподавались в аудиториях военной академии 25 лет назад.

Если, с одной стороны, благодаря этому возросла прелест занятий и интерес к ним со стороны настоящих солдат, то, с другой стороны, к преподавателям и ученикам предъявляются все более высокие требования. В основном достаточно отделить существенное от несущественного и среди огромного количества новых идей и мыслей сохранить способность выносить трезвое и точное суждение и здоровое воображение.

В этом отношении сегодняшние памятные дни являются указанием на то, что меняется только форма, а эле-

ментарные законы военного ведения войны во все времена неизменны, такими и останутся, завися лишь от физических и душевных сил и сил разума и от окружающей среды. Поэтому наряду с умозрительными развивающимися директивами и принципами для будущего военного ведения войны такие категории, в особенности **решающее превосходство душевного фактора**, нельзя обходить стороной, иначе появится опасность, что фюрер и данные ему помощники будут учитывать не реальное положение вещей, а такое, каким они хотят его видеть.

Для восприятия сущности войны и ее ведения — и не в последнюю очередь господствующего над ними всеми морального величия — военная история будет неиссякаемым источником, пока знания нельзя будет черпать из собственного опыта. Военная история, как часто повторял Шлифен, открывает нам, как все было, должно было быть и как все повторится. То, что история мировых войн может рассматриваться не только с точки зрения уменьшения взаимных вооруженных сил противников, но и с точки зрения народных ресурсов, как экономических, так и духовных, является для учителей и учеников молодого вермахта непременным условием для понимания сущности будущей войны. При этом вермахт всегда представляет собой лишь часть сил, в которых нуждается народ, когда в битве речь идет о жизни и смерти...»

Бек и Гитлер как противоположности

Речь, произнесенная перед большим кругом высокопоставленных офицеров и другими руководящими персонами, произвела сенсацию и обратила внимание Гитлера (конечно, ненадолго) на руководителя Генерального штаба, который очень впечатляюще указывал на серьезность солдатской профессии, на ее высокие духовные и нравственные задачи, на сущность совре-

менного полководческого искусства и будущего ведения войны и настоятельно предостерегал от того, чтобы видеть вещи какими мы хотим их увидеть, а не такими, какими они действительно являются. Но о сближении между Гитлером и Беком речь никогда не шла.

Однажды Бек рассказал одному своему другу, что Гитлер после этой его речи выразил желание, чтобы на одной из официальных встреч руководитель Генерального штаба сидел рядом с ним за столом. После короткой беседы Бек понял, что внутренний контакт между ними исключен. У них не выявилось ни одного общего интереса. И действительно, их характеры очень сильно различались, чтобы духовный контакт был возможен. С одной стороны, Бек — одухотворенный, воспитанный на незыблемых традициях прусского офицерского корпуса, который, по его собственным словам, «не выдвигал других требований, кроме как, глубоко уважая и понастоящему восхищаясь великими наставниками, не отставать ни от одного из них». Он видел в этих людях не только «элиту военного руководства, но также личностей с сознанием ответственности и высоким моральным уровнем», для него «самая привлекательная черта этих великих прусских образцов для подражания наряду с их историческими успехами заключалась в их моральных качествах, в воспитании характера, в личной, основанной на глубокой нравственности манере держаться». Серьезный, основательный, самоотверженный человек, который при всей его готовности к действию и огромной работоспособности не хотел ничего другого, — говоря словами Бисмарка, — кроме как «наглядно продемонстрировать в истории свое честолюбие, способности войск и собственный дар руководить армией», который ненавидел, когда рациональные мотивы объединяли с иррациональными. С другой стороны, Гитлер — коварная личность без нравственных обязательств и моральных порывов, чьи неоспоримые умственные способности были направлены исключитель-

но на службу необузданному тщеславию и жажде власти и который поэтому мог использовать солдатских помощников лишь как наемников. Откуда здесь взяться духовной общности и взаимодействию? Непреодолимая пропасть разделяла олицетворяемый Беком исторически обусловленный тип представителя «солдатчины» мольтке-шильфенского типа, как говорят, «военная косточка», и лишенный традиций, абсолютно ненемецкий, хвастливый полет мысли Гитлера.

Мы полагаем, что лучшим доказательством правоты этого суждения о Беке могут быть слова, которые сказал один из его самых преданных помощников как руководителя Генерального штаба. Хоссбах, позже ставший генералом, а в те годы будучи руководителем центрального отдела Генерального штаба, близко общался с Беком как на службе, так и вне ее. Он пишет:

«Благороден и добр по образу мыслей, скромен в поведении и манере держать себя, приятен в обращении, умнейший и образованнейший глава сухопутной армии, трудоголик. Точен в малом и щедр в великом, конкретен в суждениях. Непредубежденный к людям и вещам, он ценил хорошие советы, признавал другие и противоречащие его точки зрения и был прекрасным слушателем. Большое самообладание и самодисциплина защищали его от поспешных суждений и решений. Обширные знания, доброе сердце и острый ум делали служебное или личное общение с ним целым событием.

Он был выдающимся наставником в области оперативной деятельности и тактики. Руководимые им большие операции Генерального штаба не должны были уступать в значимости операциям его самых выдающихся предшественников. Его духовное превосходство, основательные знания, его отточенная логика, ясность и обдуманность речи и суждений, умение охватить военную действительность благодаря фантазии и пониманию и правдоподобно ее изобразить — все это, связанное с глубочайшей нравственной серьезностью и мудрой уравненно-

вешенностью его личности, делало его операции не только служебной необходимостью, но и истинным человеческим наслаждением. Командующие офицеры испытывали большие нагрузки во время игр и подготовки. Но чаще всего именно руководитель Генерального штаба просиживал ночи напролет за письменным столом. Было трудно вытащить его на часовую прогулку из кабинета хотя бы раз в несколько дней.

Наблюдая за иностранными державами, не только за их военными происшествиями, но и за всеми факторами, которые обуславливают связь между государствами, он составил очень точные и меткие суждения. Он был человеком, который очень редко выходил на улицу, но в то же время не пренебрегал знаниями о грубой действительности. Своей необычайной скромностью он мне всегда напоминал старого фельдмаршала графа фон Мольтке, которым он столь вдохновенно восхищался».

Заботы о сохранении мира

Связанные со строительными работами тех лет разнообразные военные и политические проблемы, о важнейших из которых здесь можно рассказать лишь вкратце, предъявляли необычайно высокие требования к умственной и душевной энергии руководителя Генерального штаба. Принимая во внимание непредсказуемость внутриполитического развития и ненадежность внешнеполитической ситуации, на его чувство ответственности давили **заботы о сохранении мира**. Бек был воплощением добросовестности. Он ни капли не сомневался в том, что, учитывая страдания народа от последствий Первой мировой войны, именно **руководство вермахта обязано сделать все, чтобы избавить Германию от ужасов новой войны**, которая ввиду своей тотальности должна была принести гораздо более глубокие потрясения с гораздо более тяжелыми последствиями, чем предыдущая вой-

на. Бек чувствовал истинное настроение народных масс, он знал, как горячо хотели мирного существования желавшие работать и строить люди всех слоев и званий, как они ненавидели войну и как надеялись на то, что руководство вооруженных сил предотвратит возникновение военных осложнений. Но он также знал, что если эта цель не будет достигнута и если война закончится неудачно, что было вполне вероятным, учитывая неготовность вермахта, — то разочарованные люди могут взвалить всю вину на военное руководство.

В составленном к началу 1937 года подробном труде нашли отражение все эти мысли и заботы¹:

«Вермахт должен ясно понимать, что его положение сильно отличается от того, что было при монархии. Тогда он был в стороне от всех политических течений и проблем. Благодаря командной власти кайзера вермахт был лишен возможности парламентских и прочих политических действий. Все попытки партий подчинить армию своему влиянию разбивались о непреклонное сопротивление короны. Так после Бисмарка был построен вал, который нельзя пересечь. Как известно, только в октябре 1918 года это парламентское препятствие было взято благодаря Максу Баденскому. Так получилось, что у народа с подорванной партийно-политической системой в 1914 году армия шла на войну в полностью рабочем состоянии. В часы опасности безграничная командная власть кайзера оказалась для Германии самой большой защитой. Ответственность за политику рейха, за войну и за мир армии не касалась. Армия была укрыта монархией, которая сама была солдатом со времен Фридриха-Вильгельма I. У него были необходимые знания, которые позволяли выносить компетентное мнение в военных вопросах. Он в любой момент мог узнать о положении и

¹ Точно не установлено, принадлежит ли этот напечатанный на машинке труд, найденный в бумагах Бека и подписанный им 6 января 1937 г., перу самого Бека, или бумага была представлена ему на утверждение. В любом случае содержание труда полностью совпадает с мнением Бека.

успехах армии от своего военного кабинета и от генералитета, так как он был специалистом, а не дилетантом. Он всегда был осведомлен о соотношении немецких вооруженных сил и сил другой державы. Ответственность короны базировалась на ее истинных познаниях. Чувствуя защищенность, армия могла сосредоточиться исключительно на выполнении собственных задач.

Сегодня ситуация полностью изменилась. Сегодня вермахт несет стопроцентную ответственность за все возможные военные осложнения.

Современная война является тотальной. Ее мобилизация охватывает все военные, экономические и духовные народные факторы. То, что вся ответственность сегодня лежит на вермахте, не требует дальнейших пояснений. Назначение военного министра Верховным главнокомандующим также выставило этот факт напоказ. Тем самым на вермахт была возложена полная военная ответственность. **Вермахт в военном плане больше не защищен главой рейха, он больше не является инструментом политики рейха, теперь он — самостоятельно действующий фактор, он находится в свете рампы великой политики, то есть истории.**

Так как современная война является тотальной, то ответственность вермахта не ограничивается военной областью. Экономическая мобилизация является неограниченным делом вермахта. Когда мы в 1914 годушли на войну, мы имели в своем распоряжении огромные резервы очень богатой страны, чьи разнообразные запасы были скоплены без всяких препятствий за более чем 40 мирных лет. Если бы это делалось планомерно, то мы были бы непобедимы. Третий рейх энергично взялся за строительство экономики и напряг все силы, чтобы путем ликвидации безработицы установить социальное спокойствие. Об этом успехе дальше даже говорить не нужно.

Но для экономической мобилизации, с которой это связано, у этого успеха есть и другая сторона. Наши за-

пасы сырья, продуктов питания и иностранной валюты полностью израсходованы (президент Национального банка — доктор Шахт). Промышленность едва сводит концы с концами, ведь самообеспечение требует, во-первых, времени — и все же фабрики еще не стоят, а во-вторых, мы постоянно импортируем марганцевую руду, медь, масло, хлопок и так далее. При наших темпах вооружения было невозможно никакое накапливание запасов, израсходованы даже незначительные резервы. Специалисты констатировали, что положение 1936 года похоже на положение 1917-го. Возможно, еще серьезнее сейчас обстоят дела с продуктами питания. Мы без запасов вступили в новый продовольственный год, оценка имеющегося количества зерна оказалась иллюзией, мы не сможем продержаться до нового урожая, не растягивая запасы, предпосылкой для чего является значительный ввоз жира и зерна. Если в мае или июне 1937 года дело дойдет до военных осложнений, то наше положение станет невообразимым. Так как военную и экономическую мобилизацию разделить нельзя, то большая часть ответственности лежит на вермахте.

Но в конце концов, духовная мобилизация населения является решающим фактором. Наш народ отважно в течение нескольких лет переносил лишения войны, потому что знал, почему страдает. Истощил лишь 1918 год. **Сегодня народные массы находятся в тревожном беспокойстве, они боятся войны.** Некоторые речи вообще можно воспринимать как подготовку к войне, но никто не видит причины для справедливой войны. Можно говорить о полностью открытой устной пораженческой пропаганде, которая очень опасна. Все попытки успокоить людей и подчеркнуть желание фюрером мира разбиваются часто о немое сопротивление, против которого нет мер принуждения. Они бы, наоборот, удесятерили эти настроения.

Вермахт пользуется у нашего народа почти безграничным доверием. Если вдруг какие-то вызывающие не-

доразумение речи тревожат народ, то тут же находится утешение: **вермахт не позволит случиться авантюре**, так как во главе стоят мудрецы и знатоки своего дела. В глазах этих людей вермахт является одновременно и народом, и государством, но не партией. У человека с улицы вызвало бы большие опасения то, что стремлению армии и партии приобщить народ к господствующей идеологии дана такая большая свобода действий. Это противоречит традиционному взгляду крестьян и рабочих. Громкий успех интеллигенции не вызывает отклика в народе. С людьми нужно говорить без форменной одежды и без партийного знака различия, отклик ошеломляет.

Здесь речь идет не о недовольстве, которое никогда не охватывает всех, — нет, речь идет о силах, в чьих руках находится Германия. Все можно построить заново, но вермахт обязан соблюдать традицию. Эта традиция не касается ни одной партии: армия со времен Шарнхорста остается народной, она не подвластна никаким политическим взглядам, и весь народ принимает участие в борьбе за Отечество. Каждый в армии чувствовал себя защищенным, и эта традиция не забыта и сегодня.

Из этого вытекает, что народ в едином порыве обременяет вермахт, и исключительно его, ответственностью за возможные трудности.

Если сейчас, чему может помешать только Господь Бог, дело дойдет до военных осложнений, то моральный ущерб для вермахта будет непредсказуемым. Немцы знают, что такое война. Но они знают и гораздо больше — они знают о нашей неготовности. В 1914 году народ шел воевать, сознавая, что все в порядке. Сейчас же он понимает, что не может быть все в порядке, что сейчас многое гораздо сложнее, чем было два десятилетия назад. Если бы произошла военная катастрофа, первая со времен Йены и Ауэрштедта, то ореол армии, который еще сохраняли солдаты после 1918 года, исчез бы окончательно. Вермахт мог предотвратить несчастье, — таким

было бы мнение людей. Тогда величайшая традиция немецкой истории была бы безвозвратно уничтожена.

Исключительно на армии лежит ответственность за будущие события. От этого факта некуда не денешься. Внутри страны и за ее пределами все так считают, и это мнение соответствует истине.

В старом Риме во времена опасности действовала обязательная военная формула: «Консулы следят за тем, чтобы государство не понесло ущерба». Консулы, как известно, руководили римскими легионами».

11 января 1937 года Бек ознакомил с этой записью главнокомандующего сухопутными войсками.

Поездка в Париж

В 1937 году произошло значительное как для Бека лично, так и для его карьеры событие — поездка в Париж на проходившую там Всемирную выставку. Несмотря на частный характер визита, он имел политическое значение. Бек получил возможность лично пообщаться с руководителями французских вооруженных сил. Пребывание в Париже длилось четыре дня (16—19 июня). 17 июня Бек нанес визит руководителю Генерального штаба французских вооруженных сил генералу Гамелену. Генерал был согласен с Беком в том, что «перед лицом чудовищных страданий и нужды, которые принесла бы с собой война — как мы все знаем из нашего собственного горького опыта, — любой солдат, находящийся на руководящей должности, должен считать своей главнейшей задачей избежать войны и неосознанно не вызывать никаких столкновений». Тогдашний военный министр и будущий премьер-министр Даладье также встретился с Беком и в беседе с ним подчеркнул, что ему особенно хотелось бы хороших отношений между обеими армиями. Очень яркой была встреча с маршалом Петеном, которому тогда было более 80 лет. Маршал, ссылаясь на

существовавшую в стране напряженную внутриполитическую ситуацию, отметил необходимость того, чтобы армии это не коснулось. **Только неполитическая армия может выполнять свою работу.** Особенно он порадовался тому, что смог пожать руку руководителю Генерального штаба Германии, «пусть и спустя 20 лет, а не 2 часа после завершения боя, как это было принято во времена рыцарей». Честные слова французского маршала произвели на Бека сильное впечатление. По желанию Гамелена давая короткое интервью представителю «Темпс», Бек выразил свое удовлетворение тем сердечным приемом, который был ему оказан во Франции. Поездка завершилась 20 июня посещением района Марнского сражения.

Французские газеты, в зависимости от их политической направленности, давали поездке Бека различные, порой фантастические комментарии; они стали более разумными лишь после опубликования интервью в «Темпс». В конце концов эту поездку посчитали «признаком настоящего ослабления напряжения». 25 июня Бек представил главнокомандующему сухопутными войсками свой письменный доклад о впечатлениях, полученных им во время поездки. Доклад у Гитлера не состоялся, что посчитали признаком второстепенности положения, которое отводилось руководителю Генерального штаба сухопутных войск согласно должностной иерархии в новом вермахте.

Полученные за время поездки впечатления были для Бека подтверждением его знаний французских военных и политических реалий, основанных на подробнейших исследованиях. Благодаря своей склонности к изучению исторических и этнопсихологических аспектов проблемы Бек прекрасно чувствовал менталитет и поведение людей другой нации, умел учитывать действенные, подчас трудноуловимые факторы, которые нередко определяли исторические судьбы народов. Он постоянно старался получить как можно больше информации о

чувствах и настроениях англичан и американцев. Загруженный текущей работой руководитель Генерального штаба тем не менее регулярно брал уроки английского языка, чтобы изучать английскую литературу в подлиннике, беседовать с носителями языка и, не в последнюю очередь, чтобы слушать британское и американское радио. С близкими ему людьми, которые знали язык, он охотно беседовал в тишине собственного дома — часто до глубокой ночи — о духовной жизни, истории, экономике и политике Соединенных Штатов и Англии. Он внимательно изучал оперативные и тактические суждения в британской специальной литературе и американские труды о войне 1914—1918 годов. На него произвела большое впечатление забота о духовном воспитании солдат, о чем шла речь во многих сочинениях. Таким путем ему удавалось взглянуть на исторические, политические и военные проблемы глазами американцев и англичан.

Глава 3

ГИТЛЕР РАСКРЫВАЕТ СВОИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАМЕРЕНИЯ

Политика является искусством возможностей. Все три державы — Германия, Франция, Англия — равны и в мире, и в Европе. Что означает в первую очередь необходимость использовать и исчерпать все возможности, в особенности ввиду соотношения сил.

Бек, 12 ноября 1937 г.

Довольно часто, став начальником Генерального штаба, Бек тревожился по поводу того, что молодой вермахт можно было легко уничтожить путем силового вмешательства. Не раз вопрос о войне и мире висел на волоске. Но в конце концов иностранные державы, хотя и критикуя и протестуя, мирились с политическими акциями Гитлера — наращиванием вооружений, Саарским плебисцитом, захватом Рейнской области, морским соглашением с Англией, союзом с Италией, — не делая их поводом для военного вмешательства. Бек хотел видеть в этом молчаливом согласии иностранных держав то, что усилия Германии на внешнеполитической арене не будут прекращены силой. Он надеялся, что Гитлер, сдержанно оценив свои успехи, не перегнёт палку и направит внутреннюю политику так, чтобы использовать обретенные выгодные политические позиции для дальнейшего мирного подъема немецкого народа и как гарантию против опасностей извне.

Точка зрения Бека на результаты немецкой политики вооружения явствует из следующей записи, сделанной им вскоре после отставки: «Попытки склонить сегодняшнюю Германию к выполнению чужой воли путем силового воздействия, то есть войны, представляет собой значительный риск для тех, кто захочет это сделать; о ком-то одном и речи не идет. Опыт показывает, что даже и выигранная война для победителя означает большое количество потерь и, в общем, она гораздо дороже, чем самый дорогой мир. Все это действует ужасно. Нападение на Германию, по мнению других, сегодня представляет собой большой риск, обусловленный переломом и прогрессом последних пяти лет: недостаток в военной силе устранен. Германии больше не нужно опасаться военного применения силы как инициативного действия других. Германия ему не подвергнется, пока сама им не воспользуется».

Гитлер раскрывает свои военные цели

Темным ноябрьским днем 1937 года руководитель Генерального штаба внезапно и неожиданно лишился всех своих иллюзий, которые он испытывал относительно политических целей и намерений фюрера. 5 ноября Гитлер в речи, длившейся несколько часов, изложил главам вермахта — Бломбергу, Фричу, Редеру, Герингу и министру иностранных дел рейха Нейрату свое мнение о политической ситуации и раскрыл свои планы на будущее, которые он во вступительном слове назвал «завещательным наследием на случай его кончины»¹.

¹ Основываясь на заметках, сделанных во время обсуждения, и собственной памяти, тогдашний адъютант вермахта полковник Хоссбах, спустя несколько дней, сделал запись речи Гитлера и вызванной ею дискуссии. На этой записи стоит дата: 10 ноября. В прессе эту запись часто называют «протоколом», что в принципе неверно, так как там имеется лишь подпись самого автора, полковника Хоссбаха, а не всех участников заседания. Из последних лишь Бломберг читал труд Хоссбаха и взял его на сохранение.

Суть речи фюрера заключалась в следующем. Целью немецкой политики является обеспечение, сохранение и увеличение немецкой народной массы, сдавленной в Центральной Европе на узком пространстве, как цельное ядро расы. Так что речь идет о проблеме пространства. Немецкое будущее зависит от решения территориальной проблемы, что, естественно, может занять некоторое время: от одного до трех поколений. Для рассмотрения вопроса, как устранить нехватку пространства, нужно проверить, можно ли достичь перспективного решения немецкой проблемы путем автаркии или повышенного участия в мировой экономике. Гитлер пришел к выводу, что автаркия возможна лишь в области сырья, да и то не полностью, в то время как в области продовольствия она совсем невозможна.

Для участия в мировой экономике существуют определенные границы, которые мы будем не в состоянии преодолеть. Мы живем в век экономических империй, в котором стремление к колонизации близко к естественному состоянию. В основе стремления к расширению у Японии и Италии лежат экономические мотивы, так же как и стимулом у Германии является экономическая нужда. Для стран, находящихся вне больших экономических областей, экономическая экспансия особенно трудна. Так как наша внешняя торговля идет через морские районы, где господствует Англия, то речь идет больше о безопасности перевозок, чем о безопасности иностранной валюты, из чего явствует большая слабость нашей продовольственной ситуации в войне.

Отсюда оратор сделал вывод, что единственным, кажущимся нам сказочным, выходом из затруднительного положения является завоевание большего жизненного пространства — стремление, которое во все времена было стимулом для формирования государства и для народных движений. Пространство, необходимое для гарантии нашей продовольственной ситуации и пригодное для сельского хозяйства, нужно искать не в эксплуата-

ции колоний, а в Европе. Сырьевые области также нужно искать в непосредственной близости от государства, а не за морем. То, что любое расширение пространства происходит, только если сломить сопротивление и рисковать собой, доказала история всех времен — Римская империя, Британская империя, — ответные удары неизбежны; ни раньше, ни сейчас не было и нет бесхозных территорий, атакующий всегда сталкивается с владельцем. Для Германии вопрос сейчас стоит так: где можно достичь большой выгоды при меньших усилиях.

Решение возможно лишь путем применения силы

Гитлер подверг длительному разбору силовые возможности обоих «ненавистных противников» — Англии и Франции. Он не разделял точки зрения, что Британская империя непобедима. Отпор ей организуют скорее не захваченные страны, а конкуренты. Уже сейчас рядом с империей находится некоторое количество превосходящих ее государств. Английская метрополия лишь в союзе с другими государствами, а не в одиночку способна защищать собственные колониальные владения. Как, например, Англия должна защищать Канаду от нападения Америки или свои восточноазиатские интересы от натиска Японии? Назвать английскую корону носителем единства империи — значит признать, что мировая империя не сможет долго продержаться. На это указывают: стремление Ирландии к самостоятельности; конституционная борьба в Индии, где Англия своими полумерами открыла для индийцев возможность использовать невыполнение конституционных и правовых обещаний как средство борьбы; слабость английской позиции в Восточной Азии; противоречия в Средиземном море с Италией, которая, ссылаясь на свою историю, приводимая в движение нуждой и руководимая ге-

нием дуче, все больше поворачивается против английских интересов. Исход абиссинской войны был потерей престижа для Англии, которую Италия стремилась увеличить путем подстрекательства в мусульманском мире. В общем, можно констатировать, что, вопреки идеальной крепости, империя с 45 миллионами англичан не сможет долго держаться насильтенными методами. Соотношение числа жителей империи с числом жителей метрополии составляет 9:1, что является предупреждением для нас: при расширении территории не делать слишком маленькой платформы, основанную на собственном количестве населения.

Положение Франции Гитлер оценил как более благоприятное. Французское государство было лучше расположено в территориальном плане, жители колоний представляли собой силовой прирост. Но Францию ожидали внутриполитические трудности.

Решение немецкой проблемы возможно лишь путем применения силы. А это всегда очень рискованно. Борьба Фридриха Великого за Силезию и войны Бисмарка против Австрии и Франции сопровождались неслыханным риском. Быстрота прусских действий в 1870 году уберегла Австрию от вступления в войну. Если будет принято решение о рискованном применении силы, то все равно остаются вопросы: «когда» и «как».

При этом Гитлер выделил три случая.

С л у ч а й I. Период 1943—1945 годов. Вооружение армии, военно-морского флота, люфтваффе, так же как и формирование офицерского корпуса, должно подойти к концу, материальное снабжение и вооружение должны быть современными. Если долго ждать, они морально устареют, особые виды оружия нельзя будет долго сокрывать в тайне. Резервы ограничиваются текущим призывом, пополнение из людей более старшего возраста и не прошедших специального обучения больше не имеется в наличии. В соотношении с проведенным до этого момента вооружением окружающего мира мы стали силь-

нее. Если мы не начнем действовать до 1943—1945 годов, то вследствие ошибок в создании резерва каждый год может принести продовольственный кризис, для устранения которого иностранной валюты в распоряжении не будет. В этом можно увидеть слабость режима. Кроме того, мир будет ждать нашего удара и встретит его своими контрмерами, которые из года в год будут все более значительными. В то время как весь мир отгородится, мы будем вынуждены начать наступление. Каким в действительности будет положение в 1943—1945 годах — сейчас не знает никто. Но точно, что мы не сможем больше ждать. После этого времени можно будет ожидать лишь изменения не в нашу пользу.

С одной стороны — создание большого вермахта с необходимостью обезопасить собственное существование, взросление национал-социалистического движения и фюрера, с другой стороны — перспективы снижения жизненного уровня и ограничения рождаемости не оставляют никакого выбора, кроме как действовать. Если фюрер будет жив, то его вывод будет неизменным: самое позднее в 1943—1945 годах решить вопрос с немецким пространством.

Необходимость действовать до 1943—1945 годов будет рассмотрена в случаях II и III.

Случай II. Если социальное напряжение во Франции перерастет во внутриполитический кризис, так что французская армия не будет в состоянии участвовать в войне против Германии, то настанет время для действий против Чехии.

Случай III наступит, если Франция так будет занята войной с другим государством, что не сможет выступить против Германии. В этом случае для улучшения военно-политического положения страны нашей первой целью явятся военные осложнения, в ходе которых должны быть подавлены Чехия и Австрия, чтобы исключить угрозу с флангов в случае возможного продвижения на запад. В случае конфликта с Францией

не нужно ожидать, что Чехия в тот же день, что и Франция, объявит нам войну. Чем слабее мы будем, тем больше вырастет желание Чехии участвовать в войне, причем ее вмешательство может дать себя знать нападением на Силезию, север или запад. Если Чехия подавлена, а общая немецко-венгерская граница завоевана, то можно ожидать нейтрального поведения Польши в немецко-французском конфликте. Наши соглашения с Польшей останутся в силе, так как мощь Германии будет непоколебима; при ответных ударах Германии нужно будет учитывать возможность выступления Польши против Восточной Пруссии, возможно также против Померании и Силезии.

Далее Гитлер набросал картину того, как он, взяв за основу три вышеназванных случая, представляет себе позиции Франции, Англии, Италии, Польши и России. Предполагая развитие ситуации, которое приведет к планомерному наступлению с нашей стороны в 1943—1945 годах (случай I), вполне вероятно, что Англия, Франция и Чехия тайком свяжутся и придут к соглашению о том, что проблема будет улажена самой Германией. Трудности империи и перспектива оказаться втянутой в длительную европейскую войну будут определяющими для неучастия Англии в войне с Германией. Английская позиция будет определенно оказывать влияние и на французскую — нападение Франции маловероятно без поддержки Англии и если предвидеть, что ее наступления на наши западные укрепления зайдут в тупик. Также без английской поддержки не нужно ожидать прохождения французских войск через Бельгию и Голландию, которое нам также не нужно учитывать при конфликте с Францией, так как это повлечет за собой английскую враждебность. Но в этом случае, естественно, будут необходимы заграждения на западе во время осуществления нашего нападения на Чехию и Австрию. При этом нужно учитывать, что оборона Чехии из года в год становится сильнее и со временем будет иметь место усиле-

ние австрийской армии. Гитлер предположил, что присоединение Чехии и Австрии будет означать приобретение продуктов питания для 5—6 миллионов человек, учитывая принудительную эмиграцию из Чехии двух, а из Австрии — 1 миллиона человек. Насильственное присоединение обоих государств к Германии позволит осуществить более выгодное проведение границ, освободит вооруженные силы для других целей и сделает возможным сформировать до двенадцати новых дивизий, при этом на 1 миллион жителей придется одна новая дивизия.

Со стороны Италии не следует опасаться возражений против устраниния Чехии. Какую реакцию следует ожидать от нее в австрийском вопросе, сегодня сказать невозможно, она будет зависеть от того, будет ли жив дуче. Решающими для поведения Польши будут скорость и неожиданность наших действий. Вести войну против победоносной Германии Польша, с Россией за спиной, не очень-то захочет. Военное вмешательство России должно быть предупреждено быстротой наших операций. Нужно ли учитывать позицию Японии — является более чем спорным вопросом.

Если наступит случай II — парализация Франции гражданской войной и выход опаснейшего противника из борьбы, то **в любое время** можно будет напасть на Чехию.

Случай III, который станет результатом напряжения на Средиземном море, по мнению Гитлера, был делом ближайшего будущего. Этот случай фюрер был решительно настроен использовать **в любое время, даже уже в 1938 году**. Он обосновывал это тем, что, по его мнению, война с Испанией будет длиться еще долго, возможно три года, и может повлечь за собой дальнейшее упрочнение Италии на Балеарских островах. Но ни для Франции, ни для Англии это неприемлемо и может привести оба государства к войне против Италии. Мы заинтересованы в продолжении войны в Испании.

пании и в сохранении напряжения на Средиземном море. Уверенная победа франков нежелательна с немецкой точки зрения, так как она исключит возможность дальнейшего итальянского вмешательства и пребывания Италии на Балеарских островах. Задачей немецкой политики будет являться в ближайшее время усиление тылов Италии на Балеарских островах. Поражение Италии в войне против Франции и Англии будет маловероятным. Путь через Германию для пополнения сырьевых ресурсов будет открыт. При оборонительном поведении на альпийской границе Италия могла бы вести войну против Франции из Ливии против ее североафриканских колониальных владений. Здесь есть сложность, так как высадка франко-английских войск на итальянские берега будет исключена, и французское наступление через Альпы, вероятно, насткнется на сильные итальянские укрепления. Будет существовать угроза французским морским путям из Северной Африки во Францию со стороны итальянского флота, который окружит и парализует транспорт вооруженных сил, так что Франция на границах с Италией и Германией сможет использовать лишь сухопутные вооруженные силы.

Если Германия использует войну для решения чешского и австрийского вопросов, то можно будет с вероятностью предположить, что Англия, находясь в войне с Италией, не решится напасть на Германию. Но без английской поддержки нельзя будет ожидать военных действий со стороны Франции против Германии. Время нашего нападения на Чехию и Австрию должно зависеть от хода войны в Средиземном море, но оно не должно совпадать с началом военных действий этих трех государств. Он, Гитлер, думал не о военном соглашении с Италией, а хотел самостоятельно, используя эту представившуюся благоприятную возможность, начать кампанию против Чехии, при этом нападение должно быть «молниеносным».

Сомнения генералов

После речи Гитлера началось обсуждение, в котором принимали участие все присутствующие. Бломберг и Фрич снова указали на необходимость того, чтобы Англия и Франция были на нашей стороне, а не нашими противниками, и констатировали, что в войне против Италии французская армия не будет связана окружением, которое могло бы помешать ей с превосходством появиться на нашей западной границе. Фрич оценил часть французских вооруженных сил, которая предположительно вступит в бой на альпийской границе против Италии, примерно в 20 дивизий, так что все равно сохранится внушительное французское превосходство на немецкой западной границе. По его мнению, задачей этих войск будет вступление в Рейнскую область, где, несмотря на незначительную боеспособность наших оборонительных сооружений — что Бломберг особенно подчеркнул, — предположительно 4 моторизированные дивизии французов не смогут пройти дальше. В том, что касается нашего наступления, Бломберг настоятельно обращал внимание на силу чешских укреплений, которые носили характер линии Мажино и которые сильно усложняют наше продвижение.

Фрич упомянул, что целью исследования, которое он приказал провести, было рассмотрение возможности оперативного ведения войны против Чехии, обращая особое внимание на преодоление чешских укрепительных систем. Следующую высказанную им идею — отказалось при данных обстоятельствах от начинаящегося 10 ноября его заграничного отпуска — Гитлер отклонил, сказав, что не нужно рассматривать возможность конфликта как нечто близкое. На возражение Нейрата, что военный конфликт в Европе не является делом ближайшего будущего, как это представляется Гитлеру, последний назвал в качестве кажущейся ему реальной даты лето 1938 года. На замечание Бломберга и Фрича в

отношении позиций Англии и Франции Гитлер повторил, что он убежден в неучастии Англии в войне против Германии и вследствие этого не верит в военные действия против Германии со стороны Франции. Если упоминающийся в речи конфликт на Средиземном море приведет к всеобщей мобилизации в Европе, то мы сможем тотчас выступить против Чехии. Если не участвующие в войне державы выразят при этом равнодушие, то Германия, прежде всего, должна будет присоединиться к ним. Принимая во внимание высказывания Гитлера, Геринг счел необходимым подумать о прекращении испанской операции. Гитлер согласился с этим, так как он полагал, что решение должно быть принято в подходящее время.

Выше было приведено содержание речи Гитлера и последовавшего за ней обсуждения, как оно было отражено в записи полковника Хоссбаха, присутствовавшего на дискуссии. В связи с публикацией в 1946 году в газете «Ди Вандлунг» генерал Хоссбах сделал ценные дополнения к материалам, связанным с этим событием.

«В порядке вещей, — писал он, — что целью этой записи было сохранение полных высказываний Гитлера, в то время как дискуссия упоминается кратко. Не в последнюю очередь по этой причине, а также потому, что я не был в состоянии передать тезисно и достоверно все ее эмоциональное напряжение и результаты диалога, последующее воспроизведение обсуждения проблемы было исчерпывающим... Обсуждение проходило таким образом, что Гитлер, имея под рукой ранее написанные бумаги, спокойно и бесстрастно развивал свои политические взгляды. После этого началась дискуссия и относительно короткий разбор состояния военной техники и вооружений.

Собственно говоря, вопросы вооружения изначально были причиной созыва совещания. Однако при обсуждении политической части речи Гитлера произошли неожиданные изменения, и совещание растянулось, так

что ожидавшие в рейхсканцелярии эксперты в области вооружения не были вызваны на обсуждение, как это намечалось ранее, и были отосланы. После окончания обсуждения Гитлер забрал свои записи. Я их не видел и не мог использовать как основу для своей работы от 10 ноября 1937 года. По упомянутым выше причинам я не мог полностью передать содержание дискуссии. Но не вызывает сомнений, что она была гораздо длиннее, чем я ее изобразил в своих записях.

Дискуссия временами принимала очень резкие формы, прежде всего во время спора Бломберга и Фрича, с одной стороны, и Геринга — с другой, в котором Гитлер принимал участие главным образом как внимательный слушатель. Я не могу сейчас вспомнить причину спора. С точностью у меня в памяти осталось лишь то, что резкость противостояния, по сути и по форме, произвела впечатление на Гитлера, во всяком случае, так я понял из его мимики. **Поведение Бломберга и Фрича должно было ему ясно показать, что ход его политической мысли вместо поддержки и одобрения вызвал трезвые и разумные возражения. И он понял, что оба генерала отрицательно относятся к военным осложнениям, которые могли быть вызваны его политикой.** Это мое упущение перед историей, что высказывания Бломберга и Фрича во время заседания 5 ноября 1937 года приведены в моем труде от 10 ноября не полностью и не со всей диалектической резкостью, которая на самом деле имела место».

Позже Гитлер впервые ясно и недвусмысленно высказал свои военные планы в узком кругу своих сотрудников, работавших в военной и внешнеполитической сфере. Не должен вызывать ни малейших сомнений тот факт, что он был абсолютно серьезен, говоря о своих намерениях, хотя двое из принимавших участие в заседании, Геринг и Редер, говорили во время Нюрнбергского процесса, что тогда они не поверили в то, что Гитлер действительно хочет захватить Австрию и Чехию. По их словам, целью заседания было лишь оказать давление

на Фрича, чтобы он ускорил вооружение армии. Нейрат, наоборот, на том же процессе заявил, что он был так напуган сообщением Гитлера, что заработал сердечный приступ и вскоре после этого попросил об отставке, которая была принята 4 февраля 1938 года — в то же самое время, когда были уволены Бломберг и Фрич.

Первое предупреждение Бека

Бек не принимал участие в этом заседании, однако от Хоссбаха он узнал о содержании готовящейся записи. Как пишет Хоссбах, она произвела на Бека «гнетущее впечатление». Столь сильное потрясение вызвали не поверхностные, подчас прямо-таки дилетантские суждения, проявившиеся в высказываниях Гитлера по военным вопросам, а, прежде всего, необдуманность, с которой тот считал «единственным решением» немецкой пространственной проблемы применение военной силы, рискуя вызвать большую европейскую войну. Преданный своей привычке бороться с душевным волнением путем письменного разбора, Бек и здесь взялся за перо и 12 ноября 1937 года сделал к записи Хоссбаха следующие замечания:

«Проблема территории, без сомнения, существует для Германии, в первую очередь по причине ее центрального расположения в Европе, издавна и, возможно, навсегда, но также и по причине территориальных изменений по Версальскому договору. Но с другой стороны, нельзя не замечать того, что население в Европе за тысячу или более лет так стабилизировалось, что едва ли можно достичь каких-либо далекодущих изменений без тяжелейших потрясений, продолжительность которых невозможно предсказать. Для Европы нельзя провести параллели с территориальным изменением, как для Италии — в Африке или для Японии — в Восточной Азии. Как и прежде, незначительные изменения кажут-

ся вполне возможными. Но они не должны привести к тому, чтобы из-за них единство немецкого народа, немецкого ядра расы снова оказалось в опасности. <...>

Намерения в отношении автаркии в том виде, в котором они заложены в основе четырехлетнего плана, по нашему мнению, являются вынужденной мерой, при этом временной, а никак не постоянной. Абсолютно точно, что любые стремления к автаркии, которая таит в себе будущую опасность — расходование собственных запасов, — это непостоянная мера. <...>

То, что в отношении участия в мировой экономике мы не независимы, это действительно так. Но делать из этого факта вывод, что единственным выходом из положения является завоевание большего пространства для жизни, кажется мне малопродуманным способом справиться с трудностями. Насколько я понимаю, мы нуждаемся в, по возможности, наибольшем участии в мировой экономике, или немецкий народ должен будет медленно погибнуть¹. <...>

Нельзя не замечать враждебное отношение Франции и Англии по отношению к территориальному приросту и увеличению силы Германии. Однако считать эту вражду бесспорной или непреодолимой кажется мне неуместным, поскольку попытки ее преодолеть до сих пор были недостаточными. Политика является искусством возможностей. Все три державы — Германия, Франция, Англия — равны и в мире, и в Европе. Что означает в первую очередь необходимость использовать и исчерпать все возможности, в особенности ввиду соотношения сил. Кроме того, это будет умнее на случай последующего разрыва. <...>

Естественно, Британская империя не является неизблемой. Однако то, что она пока что будет определяющей мировой державой рядом с Америкой, кажется мне все более вероятным. И поэтому до поры до времени Англия будет не одна, у нее всегда будут союзники.

¹ В вопросах экономики Бек опирался на информацию, полученную от Герделера.

Короткие общие рассуждения об Англии и Франции — к сожалению, Россия как силовой фактор не рассматривается более подробно — имеют мало общего с конкретной тематикой высказываний фюрера. Для последнего существует лишь один вопрос: где будут в 1938 году Англия, Франция и так далее? <...>

Исторически неверно говорить, что войны Бисмарка против Австрии и Франции были связаны с неслыханным риском. Напротив, они были тщательно продуманы государственным деятелем, который их вел, и поэтому имели успех. Но общие исторические параллели более чем спорны. <...>

Хронологическое разделение на три случая спорно, так как они исходят лишь из части принимающих в расчет факторов, которые заранее известны.

Случай I. Военное обоснование не является делом государственного деятеля, оно является делом специалистов. Военные, финансовые, экономические и моральные причины вообще не рассмотрены. Вывод — которому явно не хватает обоснованности — что самое позднее в 1943—1945 годах немецкий территориальный вопрос будет решен, производит гнетущее впечатление.

Случай II, как и прежде, невероятен — это принятие желаемого за действительное.

Случай III. У Франции всегда будет достаточно живой силы для борьбы против Германии. <...>

Вероятно, Чехия и Австрия переоценены как страны, имеющие излишки. Также даже в самом благоприятном случае возможно лишь незначительное улучшение нашего продовольственного и сырьевого потенциала. <...>

Возможное военно-политическое положение после захвата Чехии и Австрии требует тщательного исследования. <...>

Не оспаривается целесообразность при удобном случае уладить чешское (возможно, также и австрийское) дело, произвести для этого необходимые размышления

и, в рамках возможного, необходимые приготовления. Но размышления о предпосылках подобной возможности нуждаются в более тщательном и обширном исследовании, чем те, о которых можно сделать вывод из записи Хоссбаха о заседании».

Мы не знаем, сделал ли Бек эти записи предметом доклада военному министру рейха, но это вполне возможно¹, так как во время многомесячного временного увольнения Фрича Бек занимался делами главнокомандующего сухопутными войсками и подчинялся непосредственно военному министру рейха. **Если этот предостерегающий жест руководителя Генерального штаба и дошел до Гитлера, то, в любом случае, результата он не принес.** Спустя четыре месяца после своей речи перед руководителями вермахта, хотя политическая ситуация и не была такой, как он обозначил ее в своей речи (как якобы дававшую предпосылку к немедленным действиям), Гитлер приступил к аннексии Австрии под угрозой применения оружия. Она произошла неожиданно, так сказать, разом, застав врасплох не только затронутое ею государство, но и немецкий вермахт, и его руководство.

Лишь после полудня 10 марта 1938 года, то есть в последний момент перед начинающимися на рассвете 12-го действиями, Беку сообщили о намерениях Гитлера. Сразу же после этого случилось так, что Бек, как он позже сам засвидетельствовал², имел пятиминутную возможность изложить Гитлеру свои взгляды на операцию. Так как ее посчастливилось провести без кровопролития и вмешательства других держав, которого так опасался Бек, то аннексия поспособствовала усилинию желания узурпатора еще больше расширить свою власть.

¹ Помимо рукописного экземпляра в бумагах Бека есть две копии, напечатанные на машинке, что может указывать на их применение в докладе. Хоссбах не считает это вероятным.

² Письмо Бека Хоссбаху от 20 октября 1938 г.

Теперь Бек был готов к новым потрясениям, но в то же время он был решительно настроен всеми силами бороться против роковых изменений немецкой внешней политики — изменений, о которых Гитлер говорил в своей речи 5 ноября 1937 года и которые посредством присоединения Австрии уже начали находить свое практическое применение.

Глава 4

СВЕРЖЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА БАРОНА ФОН ФРИЧА

Важнейшим условием управления является доверие между руководителем и советником.

Бек, декабрь 1935 г.

Прежде чем Гитлер приступил к воплощению своих планов по расширению территории, он расчистил себе путь внутри вермахта путем радикальных изменений в составе его руководителей. Бломберг и Фрич были смешены в одно время. Вдаваться в подробности мы не станем. Для наших целей достаточно исторической оценки происшествий и их последствий и выяснения роли, которую играл в них Бек.

С самого начала служебное влияние Фрича было встречено сильным сопротивлением и нападками. Внутри вермахта они исходили не от человека, занимавшего самый высокий пост, военного министра рейха фон Бломберга, а от его первого помощника, генерала фон Рейхенау, руководителя управления вермахтом, который сам стремился к тому, чтобы стать во главе сухопутных войск. Отсюда проистекала целенаправленная борьба партии и, в особенности, СС и тайной государственной полиции против Фрича.

**Гитлер расчищает себе путь — уволены
Бломберг и Фрич**

Кажется, что Гитлер решился на устранение Фрича с должности главнокомандующего сухопутными войсками из-за его поведения на заседании 5 ноября 1937 года,

во время которого стало известно о неприятии генералом впервые открыто выраженных военных намерений Гитлера. К тому же генерал Хоссбах на основании собственных наблюдений сообщил, что с конца 1937 года в высказываниях Гитлера его недоверие к сухопутным войскам, которое раньше демонстрировалось довольно редко, значительно усилилось. Часто это происходило без видимого предлога или вследствие незначительных происшествий. Честный, всегда открыто высказывающий и обосновывающий свое мнение генерал фон Фрич уже давно был неугоден Гитлеру, чьему, без сомнения, поспособствовали партийно-политические нашептывания, но в особенности подозрения Геринга и Гиммлера. Однако Гитлер считал необходимым скрыть свои истинные чувства, так как Фрич еще был ему необходим для строительства армии. Теперь же эта работа казалась ему в общем и целом сделанной, так что он решил, что пришло время избавиться от мешающего его внешнеполитическим планам человека.

Так «случилось», что в то же самое время лишился своего поста и военный министр рейха генерал-фельдмаршал фон Бломберг. Женившись в январе 1938 года на женщине сомнительной репутации в прошлом, он больше не мог оставаться во главе вермахта. Кое-что, однако, указывало на то, что это также был тайный маневр Геринга и Гиммлера. В любом случае удивляет, что уличающие полицейские акты о прежней жизни этой женщины, которые, впрочем, еще перед началом кризиса были в руках руководителя управления вермахта, позже фельдмаршала Кейтеля и которые были переданы им начальнику полицейского управления в Берлине, обнаружились лишь спустя несколько дней после заключения брака и были использованы для того, чтобы вызвать немедленную отставку Бломберга в конце января. Если дело действительно обстояло так, то и это, естественно, не снимало личной ответственности с Бломберга.

Само собой разумеется, что Бек был глубоко потрясен оскорблением, которое Бломберг нанес вермахту. 28 января он отправился, еще не зная о принятом Гитлером решении, к руководителю управления вермахта, генералу Кейтелю, и сказал ему — согласно дневниковой записи Йодля, — что «невозможно вынести, что солдат женился на... Его нужно заставить либо расстаться с женой, либо он должен быть вычеркнут из списка офицеров и лишен власти. Генерал должен передать эту точку зрения армии фюреру».

Конечно же подобный шаг не потребовался — Гитлер уже все решил сам. Внезапное падение военного министра рейха, против которого сам Бломберг из-за своей уступчивости ничего не мог возразить, было Гитлеру более чем кстати: ему представился удобный случай в соответствии с его тайными желаниями занять не только место главнокомандующего сухопутными войсками, но и стать главой всего вермахта. **Но если место военного министра рейха освободилось по вине или, по крайней мере, при участии самого Бломberга, то для устранения главнокомандующего сухопутными войсками потребовались неслыханно циничные и подлые происки, которые были возможны лишь в пучине преступности.**

С давних пор в распоряжении гестапо находился дискредитирующий Фрича документ, в котором главнокомандующий сухопутными войсками на основании свидетельских показаний обвинялся в гомосексуализме. Геринг и Гиммлер уже давно ознакомили Гитлера с этим материалом, проверки которого все тщательно избегали. Раньше Гитлер этот документ не использовал, даже приказал уничтожить. Это было либо потому, что он не верил в его достоверность, либо, что гораздо вероятнее, потому, что он еще нуждался во Фриче для строительства армии. Сейчас же пришло время воспользоваться этим, естественно, неуничтоженным документом — независимо от того, правдив он или нет. Но остается открытым один довольно несущественный

вопрос: исходила ли инициатива непосредственно от Гитлера, или его сообщники Геринг и Гиммлер усердно напомнили ему о существовании документа. Но факт остается фактом. Гитлер, не сомневаясь и не колеблясь, воспользовался материалом — чью достоверность снова подтвердило гестапо — в качестве доказательства вины Фрича, чтобы напасть на ничего не подозревающего человека и добиться его немедленного ухода из армии.

Подлый заговор хоть и удался, но не совсем так, как планировали заговорщики. 25 января Гитлер в присутствии Геринга ознакомил полковника Хоссбаха с обвинением против Фрича и предоставил доказательный материал. Хоссбах не только подверг сомнению правдивость документа и искренность свидетеля, но и, вопреки запрету Гитлера, сообщил генерал-полковнику Фричу в ночь на 26-е и еще раз на следующее утро о готовящемся против него обвинении. После этого Хоссбах передал Гитлеру, что Фрич сразу же назвал обвинение «наглой ложью». Естественно, Хоссбах поплатился за свою инициативу: спустя два дня он был снят с поста адъютанта вермахта при Гитлере, но Фрич был предупрежден и мог защищаться. Планировавшийся неожиданный удар не получился.

Однако Гитлер упорно двигался к своей цели — избавиться от главнокомандующего сухопутными силами. Продолжая играть роль возмущенного стража офицерской чести, он выразил сомнение в моральной порядочности Фрича и приказал, чтобы тот временно прекратил исполнение своих служебных обязанностей. После повторной попытки Хоссбаху удалось убедить Гитлера лично побеседовать с Фричем и произвести очную ставку со свидетелем. Это произошло вечером 26 января в библиотеке новой рейхсканцелярии в присутствии Геринга. Фрич дал слово чести и заверил присутствующих в своей невиновности. Стремясь посодействовать выяснению того, как могла появиться клевета в его адрес,

Фрич сообщил, что долгое время по вечерам кормил в своем доме бедного представителя гитлерюгенда и, возможно, кто-то интерпретировал это так злонамеренно. Рассказ Фрича еще больше усилил подозрения Гитлера. Затем произошло неслыханное: из боковой двери неожиданно появился свидетель обвинения. Этим человеком был нанятый гестапо имеющий множество судимостей каторжанин. Он утверждал, что узнал генерал-полковника по только ему свойственному пожатию плеч, и подтвердил свое обвинение. Этого было достаточно Гитлеру, чтобы, не обращая на данное Фричем слово чести, объявить, что он не уверен в его невиновности.

В ту же самую ночь руководитель Генерального штаба сухопутных войск был приглашен к Гитлеру, который в присутствии Геринга сообщил ему о происшествии¹. Бек был сильно поражен, он с самого начала сомневался в правдивости показаний свидетеля обвинения и требовал военно-судебного расследования происшествия. Также он попросил разрешения тотчас связаться с Фричем. После того как Бек навестил Фрича и получил от него заверения в своей невиновности, он в ту же самую ночь еще раз говорил с Гитлером о произошедшем. Однако последний настаивал на своих подозрениях и выразил намерение сделать Бека преемником Фрича. Бек отказался от такой чести и еще раз подчеркнул необходимость в военно-судебном расследовании, прежде чем думать об отстранении Фрича от должности. Хоссбах сказал Беку, что, по его твердому убеждению, речь сейчас идет не о чем ином, как о подлой, вымысленной клевете, целью которой было смешение с должности главнокомандующего сухопутными войсками. Те, кто знал Бека, могут себе представить, как тяжело должно было его чистой душе вообще поверить в

¹ О своих беседах с Гитлером и Фричем Бек сделал обстоятельные рукописные записи, который он после своей отставки передал автору для ознакомления и сохранения. Документ пропал.

возможность такого низкого образа мыслей и такого подлого проступка. Лишь спустя некоторое время он со всей ясностью осознал всю закулисную сторону дела Фрича и роль в этом деле Геринга и Гиммлера. Бека переполнило глубочайшее презрение к обоим мужчинам, но в то же время вначале он еще был склонен верить Гитлеру, как человеку, которому врало его окружение и который получил очень дурной совет.

Гитлер берет на себя верховное командование

Внешне кризис длился еще несколько дней, уже после того как Гитлер фактически разрешил его. Ему оставалось лишь выбрать послушного человека на место главнокомандующего сухопутными войсками. Едва ли он еще раз всерьез рассматривал кандидатуру Бека. В любом случае вновь с Беком разговора об этом не было. Гитлер в итоге выбрал, скажем так, неопытного генерала Браухича, которого он вызвал из Лейпцига. Принимал ли участие в этом, и насколько большое, руководитель управления вермахта генерал Кейтель, позже фельдмаршал, — до сих пор неизвестно. После разговора с Беком Гитлер вызвал к себе этого бесхарактерного и, как позже выяснился, слепо преданного ему человека. Но точно известно, что Кейтель, как, впрочем, и Бломберг, был причастен к решению, принятому 4 февраля 1938 года, согласно которому Гитлер занял пост Бломберга и стал главнокомандующим вермахта, а Кейтель, как его ближайший советник, занял недавно созданный пост руководителя Верховного командования вермахта. Геринг, который лъстил себя надеждой занять место Бломберга и всеми средствами добивался смещения своего давнего соперника Фрича, был разочарован. Он остался на своей должности главы люфтваффе. Без веской видимой причины последовавшее присвоение ему зва-

ния генерал-фельдмаршала должно было стать повязкой на рану честолюбивого интригана.

Этим решением, к которому Гитлер, возможно, уже давно втайне стремился, явный дилетант в военном деле перед всем миром присвоил себе право в будущем, наравне с полномочиями главы государства и делами государственного деятеля, исполнять функции главнокомандующего вермахта. В случае войны это означало принятие на себя обязанностей полководца. Сделав этот шаг, Гитлер выступил в роли полновластного диктатора немецкого народа.

Но с принятием решения 4 февраля о новом назначении в руководстве вермахта **моральная сторона падения Фрича** не была улажена. Коварный удар, нанесенный по верхушке армии и по вермахту, был столь серьезен и открывал для просвещенных столь опасные перспективы в будущем, что Фрич и его бывшие близкие советники всерьез рассматривали **вопрос о сопротивлении**. Но было ясно, что **применение силы в форме военного путча** означало бы **гражданскую войну** и не имело перспектив на успех. Помимо того, что люфтваффе невозможно будет заставить выступить против их главнокомандующего и что руководитель военно-морского флота едва ли предложит руку помощи в попытке переворота, кажется сомнительным, что сухопутные войска сплоченно и безоговорочно, нарушая воинскую присягу, подчинятся зову поверженного и для них больше не являющегося законным главнокомандующего. А благодаря всем имеющимся в распоряжении Гитлера средствам влияния и давления народные массы полностью подчинялись его воле. Фрич сам предупреждал об этом, когда шел разговор о попытке применения силы. Так же необходимым условием для демонстративного шага всех высших руководителей армии, как, например, совместное сложение с себя служебных полномочий, должно было быть полное единодушие, которого тогда не было и которое в ближайшем будущем не ожидалось.

Как бывший первый советник и доверенный человек Фрича, Бек видел свою первую и важнейшую задачу в полном восстановлении чести оклеветанного человека и престижа сухопутных войск и вермахта в целом. Повторно пообщавшись с новым главнокомандующим, ему удалось настоять на том, чтобы судебное расследование происшедшего, на котором настаивал и сам Фрич, было поручено военному суду рейха. Так как по указанию Гитлера дальнейшее проведение этого дела не полностью забрали у гестапо, оно пыталось, продолжая собственное «расследование» и не раз допрашивая Фрича, интригами и давлением на свидетелей сделать невозможным выяснение истины. Но следователи из военного суда рейха быстро поняли, что гестапо в начале своего расследования не выяснило приведших к отставке обвиняемого обстоятельств. А также то, что гестапо не побоялось с помощью уже упомянутого, абсолютно не вызывающего доверия свидетеля обвинения превратить другое дело о гомосексуализме, затрагивавшее бывшего офицера с похожей фамилией, в дело Фрича и сообщить Гитлеру, что вина генерал-полковника доказана.

Заседания военного суда продолжались много дней. Председателем выступал Геринг, в составе суда были Браухич, Редер и два председателя судебной коллегии военного суда рейха. 18 марта обвиняемый был оправдан.

Бек борется против гестапо и СС

Бек приветствовал это решение, которое было лишь первой частью успеха. Этого было совершенно недостаточно, чтобы восстановить честь Фрича и престиж вооруженных сил и оградить их от кошмара гестапо, чье влияние проявилось столь ужасным образом.

На рассмотрение главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу¹ были представлены следующие соображения:

«Если фюрер, как Верховный главнокомандующий вермахта, не должен, исходя из **собственного** решения, принимать удовлетворительные меры, то нужно обдумать, не предпримут ли сухопутные войска, оклеветанная сторона, **особый демарш под руководством своего главнокомандующего** к Верховному главнокомандующему вермахта. Нужно проверить, каких военных руководителей можно привлечь к подобному демаршу... Спешка кажется необходимой, чтобы другими силами никто не направил рассуждения Верховного главнокомандующего вермахта в неправильном направлении.

Предложенные требования:

- а) полная общественная реабилитация генерал-полковника барона фон Фрича, чтобы не только вермахт, но и широкая общественность знала истинную причину ухода со службы генерал-полковника барона фон Фрича. Одной из самых эффективных и больше всего служащих интересам фюрера мер является скорейший личный визит фюрера к генерал-полковнику барону фон Фричу;
- б) значительные изменения на руководящих постах гестапо. В первую очередь речь идет о Гиммлере, Гейдрихе, Йосте (СД), Бесте, Мейзингере, Фелинге».

В качестве обоснования демарша и его последствий было приведено следующее. Действия 4 февраля последовали из-за предположительной вины генерал-полковника барона фон Фрича, в то время как результат военно-судебного процесса был еще не известен. В этом случае речь идет не о чем ином, как о полном восстановлении чести прежнего главнокомандующего немецкими сухопутными войсками и главнокомандующего вермах-

¹ Копия текста, напечатанного на машинке, находилась в бумагах Бека. Предложения были разработаны адмиралом Канарисом и полковником Хоссбахом. Последний представил их Беку.

та и об освобождении вермахта от кошмара гестапо. При таком положении вещей невозможна дальнейшая успешная совместная работа вермахта и руководителей гестапо, принимавших участие в очернении генерал-полковника барона фон Фрича и, тем самым, в оскорбительном и подлом нападении на сухопутные войска. Впрочем, фюреру нужно настоятельно указать на злую игру, которая ведется с его именем и его престижем. Эти меры нужно очень тщательно проработать, чтобы они могли служить и для защиты фюрера. Здесь также следует упомянуть, что является само собой разумеющимся долгом каждого докладывать о существующих следах «двойника».

До демарша в предложенной форме дело не дошло. Также неизвестно, показал ли Браухич предложенные требования Гитлеру. Конечно же у него не было достаточного влияния на Гитлера. Положение Гиммлера и его сторонников остается непоколебимым, ничего не изменилось и в чекистских методах гестапо. Единственное, чего удалось добиться, — это то, что Гитлер, только что осуществив первую из своих новых внешнеполитических целей — присоединение Австрии, решился на то, чтобы направить личное послание Фричу. В нем Гитлер ограничился самым необходимым: после оправдательного приговора он вынужден признать, что Фрич не очернен в глазах немецкого народа. Впрочем, участие сухопутных войск в присоединении Австрии подтвердило способности и тщательную работу Фрича. Но генерал-полковнику этого было мало. В своем ответном письме он потребовал восстановления своей чести перед армией и народом и привлечения к ответственности тех лиц, которым по долгу службы вменялось в обязанность рассмотрение его дела и своевременное и полное информирование Гитлера и Геринга.

Даже этот ясный и недвусмысленный призыв к совести долгое время оставался не услышанным Гитлером. Прошли недели, прежде чем он решился принять в расчет поступающие отовсюду просьбы офицерского кор-

пуса. Это произошло 13 июня перед генералитетом, со-званным на военную демонстрацию на аэродроме Барт (на померанском побережье). На следующий день Бек, который при этом не присутствовал, получил доклад обер-квартирмейстера генерала Гальдера о речи Гитле-ра. В докладе содержалось следующее:

«Фюрер исходил из зачитанного перед этим приго-вора. Он старался объяснить господам генералам «тра-гическое происшествие» тем, что описал состояние ду-шевного потрясения, испытанного им во время дела Бломберга. Он сказал, что сегодня, в более спокойном состоянии, он повел бы себя иначе, чем тогда. Прежде он не воспринимал всерьез доходившие до него подо-зрения в отношении генерал-полковника барона фон Фрича.

Будучи сильно огорченным произошедшим с Блом-бергом, он посчитал необходимым, побеседовав с ге-нерал-полковником бароном фон Фричем, выяснить правду об обвинениях и о документах, доказывающих это. В душе он не мог поверить в обоснованность обви-нений. Но когда шокированный генерал-полковник ба-рон фон Фрич упомянул при нем представителя гитлер-югенда, у Гитлера сложилось впечатление, что, помимо предыдущих показаний, может выясниться что-то еще. Таким образом, он заколебался и посчитал, что «все воз-можно». Обстоятельный, эмоциональный рассказ о при-чине происшедшего занял большую часть речи фюрера. Во время судебного процесса, который предложил сам генерал-полковник барон фон Фрич, с помощью счаст-ливого случая удалось доказать полную необоснован-ность обвинений. Тем самым хотя юридически гене-рал-полковник барон фон Фрич и был удовлетворен, но «трагизм» ситуации ликвидирован не был. Он, Гитлер, не может «дезавуировать» себя перед нацией. Тогда он сообщил, что генерал-полковник барон фон Фрич по-кинул службу по причинам здоровья. Во время, когда необоснованность обвинений еще не была доказана, он

выбрал такое объяснение, чтобы избежать нанесения ущерба престижу армии.

Также и в будущем, когда о произошедшем в вермахте не должно стать известно общественности, должно выбирать подобные объяснения, в особенности если речь идет о случившемся на руководящих постах вермахта. Гитлер всеми силами старается завоевать и укрепить сильно поколебленное осенью 1918 года доверие нации к высшему военному руководству. И поэтому следует придерживаться данного тогда общественности объяснения.

Это вполне возможно, так как общественность не знает о предъявленных генерал-полковнику барону фон Фричу обвинениях. Гитлер сам лично написал генерал-полковнику барону фон Фричу письмо, в котором выражил свою радость по поводу исхода судебного процесса.

Генералы, которые в свое время от него услышали о выдвинутых обвинениях, теперь, после оглашения приговора, узнали о необоснованности этих претензий. Армия же узнала, что генерал-полковник барон фон Фрич был назначен командиром «артиллерийского полка». Он, Гитлер, надеется, что армия правильно поймет оказанную ей честь. Он собирался сам по случаю первого созыва немецкого рейхстага сообщить общественности об этом чествовании генерал-полковника барона фон Фрича и о его особых заслугах в строительстве армии, которая продемонстрировала свои способности во время присоединения Австрии. Но как и раньше, так и в ближайшем будущем он не сможет выступить перед рейхстагом из-за развития политической ситуации. Он должен довольствоваться сегодняшним созывом генералов.

После этого фюрер, ссылаясь на положение вермахта в новом государстве, отклонил предположение, что обвинения против генерал-полковника барона фон Фрича могут быть снова легко и осознанно выдвинуты официальными лицами. Речь шла всего лишь об ошиб-

ке служащих, которые не вовремя потеряли взятый однажды след. Вермахт может быть уверен в том, что подобное не повторится. Настоящим же виновником «трагического происшествия» является шантажист Ш. Так как в судебном процессе можно было ожидать для Ш. лишь лишения свободы, что не компенсировало бы подлый образ мыслей и тяжесть последствий, Гитлер приказал расстрелять Ш.

Полагая, что в новом государстве невозможна сознательная борьба других сил против вермахта, Гитлер подчеркнул, что изменения на постах вермахта могут последовать только из-за этих сил. Другие факторы исключены. Гитлер закончил свою речь выражением доверия к вермахту и его руководителям и просьбой оказать ему такое же доверие».

«Пропасть между Гитлером и офицерским корпусом»

Гитлер окончательно закрыл дело Фрича этим объяснением, которое частично искажало, частично скрывало, частично замалчивало действительный ход событий, а в том, что касалось собственного поведения, грубо противоречило истине. Категорический приказ молчать, данный кругу осведомленных, должен был предотвратить дальнейшее обсуждение. Общественность узнала лишь из короткой заметки в прессе, что вылечившийся генерал-полковник барон фон Фрич в благодарность за его заслуги при строительстве сухопутных войск был назначен командиром 12-го артиллерийского полка, во главе которого он раньше стоял.

Сам Фрич принял свою судьбу молча, но с разрывающимся сердцем. В отношении Гитлера он сказал своим доверенным лицам: «Этот человек является немецкой судьбой в хорошем и плохом. Если Германия сейчас рухнет в пропасть, то Гитлер увлечет нас всех за собой. Сде-

лать ничего нельзя». Когда же началась война, любящий превыше всего свою Родину барон фон Фрич отбыл со своим полком на фронт и под Варшавой в первых рядах встретил смерть.

А Бек из этого шокирующего происшествия сделал следующий вывод: «Дело Фрича стало причиной пропасти между Гитлером и офицерским корпусом, которую никогда нельзя будет преодолеть». Теперь он знал, как обстоит дело с моральным обликом фюрера.

Глава 5

БОРЬБА РУКОВОДИТЕЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В 1938 ГОДУ

Честные и серьезные немцы, занимающие ответственные государственные посты, должны чувствовать себя призванными и обязанными использовать все мыслимые средства и пути до последней возможности, чтобы предотвратить войну, которая по своим последствиям приведет к мировой войне, которая будет означать конец Германии.

Бек, 16 июля 1938 г.

После свержения генерал-полковника барона фон Фрича с поста главнокомандующего сухопутными войсками наступило то горькое время, когда явные военные намерения фюрера и амбиции бесхарактерных людей в его ближайшем окружении больше, чем когда-либо, требовали, чтобы во главе сухопутных войск стоял истинный боец, который обладал бы достаточным мужеством и чувством ответственности, чтобы противостоять гибельным воздействиям этих авантюристов и любой ценой защитить народ и Отечество от опасности новой войны и, следовательно, спасти их от гибели.

Бек становится политиком

Вынося оценку упорной борьбе, которую Бек вел против военных планов Гитлера, следует обратить внимание на имеющий очень большое значение момент: это было сознательное вмешательство солдата в ту область действий,

которая находилась вне зоны его служебных обязанностей, это было вмешательство во внешнюю политику государства. Подобное вмешательство кажется неприемлемым согласно традициям, связанным с примерами прусско-немецкой военной истории. В политических вопросах, где их мнения отличались от мнения ответственных государственных деятелей, старый Мольтке и Шлифен воздерживались от высказывания своего мнения, когда их не спрашивали, и от оказания влияния на ход внешней политики. Подобные попытки Вальдерзе пресек в свое время Бисмарк. А Людендорф, который во время Первой мировой войны оказывал сильное и губительное влияние на управление внешней политикой, и не потому, что он имел к этому склонность, а под давлением обстоятельств, не вызывает желания последовать его примеру.

Так и Бека нельзя было назвать генералом, оказывающим влияние на политику. Но его переполняло чувство ответственности перед народом, государством и вермахтом, и он почувствовал моральную обязанность пустить в ход всю силу своего **военного авторитета для решения политических вопросов.**

В сущности, Клаузевиц хотел в свое время сделать полководца частью кабинета, «чтобы он принимал участие в совещаниях и принятии решений», и Бек был вполне подходящей кандидатурой для этой роли. В руководстве армии все, конечно, зависело от того, чтобы непосредственный начальник Бека, главнокомандующий сухопутными войсками, был полон решимости идти за своим начальником Генерального штаба в огонь и в воду.

Но генерал-полковник фон Браухич не подходил для этого вопреки своему вызывающему и решительному поведению, хотя у него не было недостатка в умственных способностях и чувстве реальности. Большой частью он одобрял устные доклады и письменные заявления Бека, уверяя того, что старается сообщать Гитлеру

о советах и предостережениях руководителя Генерального штаба. Насколько все это действительно делалось, нам неизвестно. Если же эти обещания действительно выполнялись, то явно недостаточно решительно и энергично, чтобы достичь даже малейшего изменения¹. Сам Бек, по собственному свидетельству, за пять лет своей службы как начальником войскового управления, так и руководителем Генерального штаба, «за исключением тех пяти минут перед австрийским делом, никогда не имел возможности изложить фюреру свои планы в отношении обороны страны, военного руководства и так далее, и сам фюрер его никогда об этом не спрашивал».

Глубокая личная трагедия в жизни Бека, о которой мы уже упоминали раньше, оказывала сильное влияние на его поведение. Насколько бы иначе все произошло, если бы Бек стал преемником Фрича!

Бек, вопреки всем стараниям Браухича, не испытывал к нему доверия, так как у него быстро сложилось впечатление, что у нового главнокомандующего, который подчинялся непосредственно Гитлеру, не хватает боевого духа и сильного характера, что было обязательным условием для того, чтобы успешно вести борьбу. Сегодня мы знаем из дневника Йодля, что Браухич еще при вступлении в должность высказал свою готовность, если понадобится, заменить руководителя Генерального штаба на другого. Так что Бек, рассчитывающий только на свои силы, был вынужден вести свою тяжелую борьбу не как человек, занимающий первый ответственный пост, а как находящийся в тени советник и помощник в сущности нерешительного человека. Что он и делал, применяя все свои способности и не обра-

¹ Эрих Кордт в своей работе «Заблуждение и реальность» писал, что Браухич 21 мая навестил Риббентропа и сообщил ему, что состояние немецкого вооружения оставляет желать лучшего. Потом Риббентроп сказал кому-то из своего окружения, что он не знал об этом и вел неправильную политику. Но он не стал использовать полученную от Браухича информацию в качестве предлога, чтобы изменить свою политику.

щая внимания на оказываемое сопротивление и враждебное отношение и подозрения.

Вскоре после прошедшего без боев захвата Австрии генерал Йодль, духовный лидер в Верховном командовании вермахта, записал в своем дневнике: «После аннексии Австрии фюрер сказал, что урегулирование чешского вопроса не является спешным делом. Но, несмотря на это, подготовку операции «Грюн» (план наступления на Чехословакию) нужно продолжать, ее лишь нужно заново проработать в связи с изменившейся из-за присоединения Австрии стратегической обстановкой».

Бек видел, что война уже была делом ближайшего будущего. По собственной инициативе он снова письменно выразил свои предостережения, на этот раз с гораздо большей настойчивостью. 5 мая он вручил главнокомандующему сухопутными войсками свой меморандум под названием **«Оценка современного военно-политического положения Германии»**. Меморандум состоял из трех частей. Первую часть Бек посвятил рассмотрению международной ситуации и отношений между европейскими государствами и насколько их, по его мнению, затронет угрожающий конфликт. Во второй части Бек предположил, каково может быть поведение Англии и Франции в случае, если Германия захватит Чехословакию. В третьей части он подчеркнул **бесперспективное положение Германии в европейской войне**. Далее приводим текст меморандума:

|

«1. Между Англией и Италией появилось соглашение, которое мгновенно избавило Англию от тревоги как по поводу возможных военных столкновений с Италией, так и по поводу непосредственной угрозы своим кратчайшим морским путям в Индийский океан и на Дальний Восток. Тем самым, принимая во внимание проис-

шедшее, в настоящее время у Англии появилась свобода передвижения не только на Дальнем Востоке, но и в Европе. Однако угроза для ее позиций на Средиземном море лишь некоторое время не будет беспокоить Англию, но она вновь появится, если во время военного столкновения в Европе Италия встанет на сторону Германии, то есть, соответственно, выступит против Англии.

2. Японско-китайская война развивается в направлении, которое позволяет предположить, что при благоприятном для Японии исходе войны ударная сила этого государства также значительно уменьшится. То есть для Англии будет снята напряженность военной ситуации и защищены ее интересы на Дальнем Востоке. Таким образом, Англия вновь получит еще большую свободу, чтобы обратиться к острым европейским вопросам.

То, что Россия также заинтересована в японском обессиливании, является само собой разумеющимся.

3. Англия и Франция — снова — вступили в контакт с целью тесного политического и военного сотрудничества. Что позволяет пока выдвинуть довольно сдержаные предположения о том, есть ли у них, и если есть, то какая общепринятая политическая база в отношении к Германии. Однако точно нужно рассматривать их планы военного сотрудничества и из них делать выводы о военно-политическом положении Германии.

Вряд ли можно оспаривать, что конечной целью военного сотрудничества — направленного в первую очередь против Германии, хотя в настоящее время на переднем плане и выступает Италия, — уже сегодня представляющего собой основу сотрудничества, подобного тому, какое было в 1914 году, — **является европейская или даже мировая война**. В этом смысле следует рассматривать мероприятия обоих государств, направленные на то, чтобы уже сегодня использовать Америку в качестве поставщика военных материалов. Здесь сегодня имеет место, по-видимому, более далекодействующий процесс, чем в 1914 году. Для ускорения процесса

вооружения и его увеличения в последние недели Англия и Франция приняли новые меры.

4. Италия мирилась с равнодушием к своим имперским планам. О закулисной стороне можно только догадываться. Непосредственный интерес в тесном военном сотрудничестве с Германией, вероятно, таким образом, может потерять свое значение. Однако остается надеяться, что этот интерес продолжит существовать и дальше и что Италия не заинтересована в том, чтобы оставить Германию в одиночестве в военном противостоянии европейской коалиции.

5. Россия постоянно должна рассматриваться как безусловный противник Германии. Следует полагать, что в войне против Германии сразу будут участвовать ее военно-воздушные силы и военно-морской флот. Вопрос участия ее сухопутных сил пока остается открытым. Но этого можно ожидать в случае длительной войны в результате влияния внутриполитических факторов и политического давления других держав, ведущих войну против Германии.

6. Позиция Бельгии и Голландии зависит от позиции Англии и Франции. В случае войны последних против Германии Бельгия и Голландия будут вынуждены, если и не сразу, отказаться от своего нейтрального отношения к Германии.

7. Выжидательная позиция Румынии, Югославии и Польши пока что не меняется. В случае длительной войны враждебные Германии державы склонят в первую очередь Румынию и Польшу изменить их отношение. В сущности, очень похоже вопрос стоит и для Балтийских государств.

II

1. Англия как мировая держава с иными, чем у европейских континентальных стран, интересами до сих пор всеми средствами пыталась воспрепятствовать возникно-

вению новой мировой войны в Европе. Можно предположить, что она и дальше будет делать все возможное в этом направлении.

С другой стороны, в последнее время намечается возможность отхода от этой точки зрения. Конечно, с самого начала английское вооружение предполагалось как *ultima ratio*¹, оно прогрессирует и превосходит начально запланированное. Описанное в пункте I развитие английской военно-политической ситуации дает Англии большую свободу в решениях, в том числе и в том, что касается обстановки в Центральной Европе. Англия должна правильно оценить ситуацию с вооружением, как теперешнюю, так и ту, что следует ожидать в будущем. Экономическое положение она уже давно знает довольно точно. Отношение англичан к Германии, в особенности интеллигенции, после февраля и марта этого года значительно ухудшилось. Меры правительства, которые касаются частной жизни англичан, могут способствовать тому, что этот процесс затронет и другие круги общества и будет гораздо легче перенести враждебность по отношению к Италии на Германию.

2. Франция также хочет мира, или, правильнее сказать, она чувствует отвращение к войне. Но эта точка зрения имеет свой предел. В случае фактических или вводящих в заблуждение народ внешнеполитических угроз французский народ всегда собирался вместе, как один человек. Не в последнюю очередь это связано с оскорблением французского самолюбия и гордости, а также французского тщеславия. Если с более ранними событиями французы смирились, то решение австрийского вопроса в широких французских кругах рассматривается как вторая Садова. Выполнение данного Чехословакии обещания, пока оно остается в силе, является для Франции вопросом чести, и, используя его, сильному правитель-

¹ Последний довод, решительный аргумент (лат.). (Примеч. пер.)

ству, по-видимому, было бы нетрудно повести за собой народ.

Франция не станет большевистской. И не стала бы, даже если бы ее внутренние трудности достигли своего максимума. Французская армия была и остается безупречной и в настоящее время все еще является сильнейшей в Европе.

Сила нового правительства Даладье заключается в том, что оно действует в тесном согласии с людьми, занимающими главные военные должности. Даладье старается работать вместе с последними и во внутренней политике. Уже это должно способствовать большей решительности во внешнеполитических вопросах. Положение правительства и его воля укрепились благодаря последнему совещанию Даладье в Лондоне.

Больше, чем когда-либо, кажется, что исключено, чтобы Франция и Англия в вопросах, затрагивающих положение обеих держав, пошли разными путями — так сильно одна сторона пытается удерживать от нежелательных решений другую. **Также можно предполагать, что если Франция по собственному решению выступит против Германии в интересах Чехии, то Англия в конце концов к ней присоединится.** Правда, сейчас она уже, вероятно, в первый же день выступит на стороне Франции.

3. Отвращение Англии и Франции к новой мировой войне, связанной с большими людскими потерями, а также неуверенность Франции в возможности вовлечь свой народ в наступательную войну против Германии позволяют предположить, что идет поиск новых путей военного руководства. К тому же в тот момент, когда Англия выступит на стороне Франции, будут иметь решающее значение английская манера военного руководства и их целевая установка.

На основе таких размышлений можно прийти к выводу, что Франция и Англия пока считают своей основной задачей войну на море и в воздухе и вообще не планируют или планируют, но лишь с ограниченными

целями (например, левый рейнский берег) наступательные операции на суше. Подобной возможности даже не противоречат размышления о том, что не будет достигнута следующая военная цель — поддержание Чехии. Можно даже допустить, что, в крайнем случае, прежде всего Чехия будет оставлена на произвол судьбы и ее восстановление, как в свое время Сербии, произойдет лишь в конце длинной войны во время общего устраниния последствий. Вероятно, Чехия не сомневается в обеих державах и в том, что Америка их поддерживает, даже если эта поддержка заключается лишь в поставках оружия, сырья и продовольствия.

III

1. Военное положение Германии, взятое в абсолютных цифрах, нельзя сравнивать со слабостью прошедших лет. Но если оценивать относительно, то окажется, что это положение не такое сильное, как в 1914 году, так как все страны, которые сейчас являются противниками Германии, тоже уже в течение многих лет в значительной, а то и максимальной степени вооружаются. Кроме того, известно, что строительство вооруженных сил Германии на протяжении даже многих лет не будет завершено.

Военно-политическое положение Германии характеризуется тем, что у нее нет территориальных предпосылок, которые необходимы стране, расположенной в центре континента, для успешного ведения войны на суше, на воде и в воздухе. Надежда на нейтралитет оказалась сомнительной еще во время Первой мировой войны. Длительную войну Германия не в состоянии успешно вести хотя бы из-за недостатка пространства.

Военно-экономическое положение Германии плохое, хуже, чем оно было в 1917—1918 годах. Продолжительную войну Германия не сможет вести и по этой причине. Следовательно, Германия при ее нынешнем военном,

военно-политическом и военно-экономическом положении не может подвергать себя опасности длительной войны. А европейская война планируется нашими противниками как продолжительная, и с таким расчетом она и будет вестись.

2. Нет надежды в этом году решить военным путем чешский вопрос без участия Англии и Франции. Ключ к вопросу: война или мир? — есть у Германии или, соответственно, у Англии.

В вопросе Чехословакии можно достичь соглашения, так как Англия не заинтересована в очаге опасности. Но есть условие — Германия должна согласиться на приемлемое для Англии решение. Но вероятно, Англия никогда не даст нам полной свободы действий в отношении Чехословакии. Если мы поссоримся с Англией из-за Чехословакии, то исчезнут и другие возможности, которые мы могли бы получить от дружелюбно настроенной Англии. **От враждебной Англии мы не получим ничего.**

Англия готовится к вступлению в войну в случае, если Германия попытается принять неблагоприятное для Англии решение чешской проблемы. Ее принципом всегда было быть враждебно настроенной против сильнейших континентальных держав. Если сегодня отношение Англии к Германии отличается от ее позиции 1914 года, то она, очевидно, тревожится о том, что мы — даже если будем недостаточно сильны — сможем противостоять коалиции, которая сильнее нас. В этом случае Франция и Россия уже находятся на стороне Англии. Америка к ним присоединится, пусть даже сначала она всего лишь будет оказывать материальную военную помощь. Самое позднее в ходе войны Англия со своей огромной мощью — мощью, которая сегодня продолжает существовать, несмотря на мнения личностей, которые не знают по собственному наблюдению мировую державу Англию, — сумеет убедить принимаемые в расчет небольшие державы также присоединиться к ней или экономически блокировать нас. Беспощадная держава будет выше всех других обстоятельств. Помощь на осно-

вании мировоззренческой связи, если надежда на нее вообще обоснованна, не сможет тягаться с ней.

После того как прегражден путь к России, нужно с военной точки зрения на случай европейской войны выдвинуть требование, чтобы Англия в таких условиях не встала на сторону нашего врага. Но этого нельзя будет ожидать, если Германия попытается решить чешский вопрос вопреки воле Англии».

Кое-что произошло иначе, чем оценил и предположил Бек в своем меморандуме и в позже написанных подобных трудах. В особенности он ошибся в степени решимости Англии и Франции оказать активную военную помощь Чехословакии в случае нападения на нее. Также при взгляде в прошлое не подтвердились некоторые из приведенных здесь воззрений и мнений Бека. Но это не снижает ценности и правдивости его основополагающих тезисов и исторического значения его предстерагающего анализа. **В целом же трезвые рассуждения и обобщение красноречивых фактов, касающихся европейской ситуации того времени, производят впечатление страшного пророчества грядущего несчастья. В продолжении гитлеровской внешней политики Бек видел европейскую войну, Вторую мировую войну и гибель Германии.**

Гитлер оглашает свои военные планы

Однако человек, который самовластно вершил судьбы немецкого народа, беспечно продолжал свой гибельный путь. В речи 28 мая Гитлер высказал свое мнение о политической ситуации и раскрыл свои планы. Мы не знаем, кто присутствовал при этом, в любом случае круг слушателей был больше, чем 5 ноября 1937 года. И на этот раз среди них был Бек¹.

¹ Эрих Кордт («Заблуждение и реальность») пишет, что Гитлер говорил перед некоторым количеством приглашенных «видных руководителей партии и государства». О том, что среди слушателей был Бек,

Насколько нам известно из собственноручно сделанных записей Бека о речи Гитлера, начал тот свое выступление почти так же, как и 5 ноября 1937 года. Перспективные решения принять может лишь он один. Он может выбирать: уступчиво отсрочить решение (упущенная возможность) или действовать, причем риск присутствует всегда. Германия была европейской державой. Проигранная война доказала, что Германия — сильнейшая держава. Одни только Франция и Англия не уступили Германии. Германия, теперь единое государство, сильнее, чем в 1914 году. Психологическими последствиями войны являются вера в нас, внимание других к нам.

При этом Гитлер бросил взгляд в прошлое — на свои прежние, достигнутые после 1933 года, внутри- и внешнеполитические успехи, — чтобы потом продолжить. Нет состояния удовлетворения в жизни народа. Жизнь народа является борьбой за существование. Долго не может продолжаться ситуация, когда 140 человек ищут себе пропитание на 1 квадратном километре. Мир должен преобразоваться в автаркическую структуру. Перспективы увеличить пространство без сокращения численности населения не существует. Голодающий народ уже давно недоволен. Увеличение производительности сельского хозяйства больше невозможно. Германии требуется пространство, как в Европе, так и в колониях. Нынешнее поколение должно решить эту задачу.

После этого Гитлер перешел на рассмотрение военно-политической ситуации. Франция всегда будет нашим врагом. Сегодня она не сильнее, чем в 1914 году, а, наоборот, морально слабее. Англия, которая во время

можно сделать вывод благодаря тому, что в его бумагах находится сделанная им самим краткая карандашная запись речи Гитлера. Высказывания Гитлера точно не установлены. Текстовое изложение основано на записях Бека. В Нюрнбергском приговоре есть лишь такое упоминание: «28 мая Гитлер приказал, чтобы ко 2 октября были сделаны приготовления для начала военных действий против Чехословакии». Столь точная дата в записях Бека не зафиксирована.

Первой мировой войны была близка к развалу и чья империя была сформирована иначе, чем предсказывалось, враждебно относится к усилению власти Германии.

Чехословакия в любом союзе государств является нашим врагом; она имеет в своем распоряжении чуть больше 7 миллионов чехов и трех врагов — Польшу, Венгрию, Германию. В случае проводимой с целью увеличения береговой линии (Бельгия, Голландия) войны Германии против западных держав Чехия будет подстерегать нас с тыла и стоять на пути гарантированной победы Германии. Поэтому ее нужно устраниć. Сейчас этого еще не произойдет, так как атака не приведет к быстрому прорыву чешских укреплений, а на западе еще не хватает немецких оборонительных сооружений. Ожидание дает преимущество: мы сможем узнать чешские меры и психологически подготовить немецкий народ.

Позиции держав известны: Франция и Англия войны не хотят, Россия участвовать не будет, будучи не готовой к наступательной войне, Польша и Румыния не станут действовать против Германии из страха перед российской помощью, Югославия вышла из борьбы, Венгрия присоединится к воюющим, а у Италии во всем этом интереса нет.

В подходящий момент молниеносные действия будут успешными. Английское вооружение не появится до 1941—1942 годов, а Франция будет вооружаться еще долгие годы. Напряжение между Англией и Францией с одной стороны и Италией — с другой чрезвычайно сильно. Амбиции Италии не удовлетворены и направлены против Туниса (предостережение о недооценке итальянцев). Италия станет использовать любую слабость Франции. Германии необходимо установить ясную позицию по отношению к Италии и заключить с ней военное соглашение, а также нужно оказать Японии любую помощь. И думать нечего, что реальность нас минует, любой подходящий момент нужно использовать.

В конце этих политических рассуждений Гитлер разразился длинной речью о создании — которое всеми силами необходимо ускорить — немецких оборонительных сооружений на западе (Западный вал) и их занятии, о техническом развитии новых методов наступления для быстрого прорыва чешских укреплений, о подготовке молниеносного нападения на Чехословакию и о деталях программы вооружения, которую нужно ускорить.

Бек противоречит Гитлеру

На следующий день, 29 мая, Бек подробно в письменной форме излагает свое мнение о высказываниях Гитлера. Во многом этот документ совпадает с его меморандумом от 5 мая. Вначале он подчеркнул все, что, согласно его точке зрения, с определенными оговорками и при определенных условиях носило положительный характер.

«1. Верно, что Германия нуждается в большом жизненном пространстве как в Европе, так и в колониальных районах. Первое может быть приобретено только посредством войны, но не за счет страны, которая сама по себе является придатком. Для приобретения колониальных районов война не обязательна.

2. Верно, что Чехия в том виде, который был навязан «версальским диктатом», неприемлема для Германии и что должен быть найден путь ликвидировать ее как очаг опасности для Германии, при необходимости даже посредством войны. Но в последнем случае использование военной силы должно также увенчаться успехом.

3. Верно, что на пути усиления военного могущества Германии всегда будет стоять Франция. В этом случае ее всегда надо рассматривать как безусловного противника Германии.

4. Верно, что в любое время надо быть готовым к тому, что нас вынудят действовать вопреки нашему желанию.

5. Верно, что различные причины говорят о необходимости насильтственного решения чешского вопроса в ближайшее время: растущая мощь чешских наземных укреплений, продолжающийся рост вооружений Англии и Франции, использование все еще существующего напряжения в отношениях между Италией с одной стороны и Англией и Францией — с другой. Однако все эти факторы будут действовать не в пользу Германии, пока Чехословакия может рассчитывать на военную помощь Франции и Англии. В настоящее время ситуация именно такова, и это одна из причин столь вызывающей военной позиции Чехии.

6. Следовало бы приветствовать, если бы в отношении стран, которые в этом вопросе стоят на нашей стороне или не выступают против нас, был проведен политический зондаж и не упускался случай вступить в военные переговоры. Такие переговоры с Венгрией уже давно кажутся возможными и необходимыми. Желательно было бы далее выяснить позиции Польши и Югославии на случай, если Венгрия будет участвовать в войне против Чехии».

После этого условного одобрения некоторых тезисов и выводов Гитлера Бек перешел к шатким и слабым местам его аргументов, недальновидности его политических взглядов и недостатку знаний в военной области:

«1. Неверно, что сегодняшнюю Германию можно оценивать как более сильную, чем Германию 1914 года. Преимуществам новой Великой Германии как единого государства преимуществам национального единства и идеологической сплоченности, вновь обретенного доверия народа и уважения к нам — даже если полностью признать эти преимущества — противостоят другие факторы. Среди них есть следующие: незавершенный и более слабый в личном составе, материально-техническом оснащении и моральном духе, чем в 1914 году, вермахт; более ограниченное территориальное пространство для ведения войны на нескольких фронтах, значение кото-

рого, прежде всего в связи с увеличивающейся угрозой с воздуха, возрастает и влияние которого во всех сферах войны и жизни народа будет значительно большим, чем во время Первой мировой войны; низкий уровень финансового, продовольственного и сырьевого обеспечения в Германии, хотя он во многих отношениях выше, чем в 1917—1918 годах; **осуждение, с которым к войне будет относиться народ, если она не будет рассматриваться как вынужденная.** Сомнительно, чтобы можно было добиться изменений в этом отношении путем психологической подготовки народа.

2. Никто не оспаривает успешного исхода решений фюрера в период 1933—1938 годов. Но они еще не свидетельствуют о том, что и в будущем соответствующие решения будут проводиться с таким же успехом. Нельзя не заметить, что они у отрицательно настроенных к нам держав вызовут противодействие и будут способствовать их сближению.

В настоящее время Германии противостоит коалиция Чехии, Франции, Англии и Америки, сотрудничество которых в случае войны сегодня будет более тесным, чем в 1914 году. К этому нужно добавить, что особые воззрения на религиозные, расистские и народные проблемы вызвали отрицательное отношение и частично даже ненависть к нынешней Германии, и не только у вышеназванных держав.

3. Солдат не может согласиться с оценками, данными военной моцци Франции и Англии. Впрочем, оба сооперника были недооценены и в 1914 году — правда, не Генеральным штабом. Далее следовало бы признать, что Германия в одиночку или в союзе с Италией не в состоянии справиться с Англией или Францией.

4. Солдат не может усвоить мысль, что чешскую армию нужно считать армией семимиллионного населения. Естественно, народная проблема в чешской армии сыграет нам на пользу. Но на основе имеющихся данных нельзя считать ее столь большой.

5. Невозможно предусмотреть время, необходимое для полного разгрома Чехии. Если все же попытаться назвать время, то, вероятно, наиболее подходящим сроком были бы три недели, которые потребуются лишь в случае успешного хода операции. Другими словами: при любых обстоятельствах нужно будет 14 дней удерживать недостаточно укрепленный Западный фронт, отражая крупное наступление французов, пока не появится возможность перебросить части немецких сухопутных войск с Юго-Восточного театра военных действий на Западный.

<...>

Даже если бы в настоящее время были найдены способы ведения наступательных операций, которые обеспечивали бы возможность быстрого и успешного прорыва чешских укреплений, и если бы, далее, западное прикрытие было более сильным, чем оно есть, это не изменило бы в решающей степени нынешнего военного положения. Пока что кардинальным постоянно будет вопрос: идет ли речь для Германии о войне против одной Чехии или также против поддерживающих ее стран. **В последнем случае сами по себе военные операции могут протекать успешно, но войну Германия проиграет.**

7. Если Франция и Англия вступят в войну, то Чехия будет лишь поводом к войне, а фактически будет иметь место столкновение на совершенно другом уровне. **Оно выльется в европейскую, а при известных обстоятельствах в мировую войну.**

Результат такой войны — и здесь кроется неоднократно совершаемая роковая ошибка — будет зависеть не от успехов или неудач первых военных операций, а от совершенно других факторов, которые наши противники смогут использовать против нас. Они будут располагать временем и пространством в масштабах, которые невозможно предвидеть. Также в их распоряжении будут находиться превосходящие людские и материальные ресурсы глубокого тыла, которому Германия даже вместе со своими союзниками ничего не сможет против-

вопоставить. Но если это приведет к большой затяжной войне, то отношение к нам некоторых держав невозможно будет предсказать».

В третьей части своего меморандума Бек пункт за пунктом подверг **резкой критике** высказывания Гитлера о подготовке войны против Чехословакии. В особенности он возмущался тем, что человек, который сейчас исполнял функции Верховного главнокомандующего, с непоколебимой уверенностью судил о вещах, о которых не имел ни малейшего понятия. Не останавливаясь на деталях, далее процитируем основные моменты.

Относительно молниеносного нападения Бек говорил так: «Многолетнее наблюдение за постоянно усиливающимися волнениями в Центральной Европе показало, что трезвые размышления могут сделать удачу наступательных операций далеко не основополагающим пунктом оперативного планирования. Также следует указать, что кровавые удары лучших войск в первые часы и дни войны могут пагубно повлиять на мораль и привести к недостаточно серьезно воспринимаемому кризису доверия к Верховному военному командованию. Один удар может быть отчаянным, но общее управление армии таковым быть не должно, тем более не в начале войны».

Отдельные приказы Гитлера об увеличении работ на Западном валу и немедленном занятии укреплений Бек отклонил со следующими словами:

«Высказанные идеи нельзя принять в такой форме, даже если не считать того, что подобные отдельные атаки не принесут результата. Можно подумать и доказать их невыполнимость при вовлечении в дело предполагаемых будущих командных должностей. За всем этим должна стоять сильная воля, чтобы только одна военная инстанция могла нести ответственность, в противном случае должен встать кабинетный вопрос.

Речь фюрера указывает на несостоительность доселе существующей верховной военной иерархии. Наряду с четким разграничением ответственности должен также

быть обеспечен постоянный компетентный совет Верховному главнокомандующему вермахта в вопросах ведения войны, и прежде всего вооруженной войны. Если вскоре не будет найден рычаг, чтобы достичь изменений ставшей невыносимой обстановки, — а сегодняшняя анархия останется надолго, — тогда можно будет видеть дальнейшую судьбу вермахта в мирное и военное время, а вместе с ним и судьбу всей Германии в будущей войне, только в черных красках».

Эти высказывания 30 мая Бек лично представил своему главнокомандующему генерал-полковнику фон Браухичу.

В тот же самый день Гитлер распорядился: «Это мое неизменное решение — в ближайшем будущем путем военных действий разгромить Чехословакию. Ожидание или достижение в политическом и военном плане благоприятного момента является делом политического руководства. Неизбежное развитие ситуации внутри Чехословакии или других политических событий в Европе, которые вызовут неожиданно благоприятные, возможно, неповторимые изменения, может побудить меня к преждевременным действиям. Правильный выбор и решительное использование благоприятного момента являются гарантией успеха. Соответственно, к подготовке следует незамедлительно приступить».

Лишь 30 мая Верховное командование вермахта пересало это распоряжение Верховным командованиям трех частей вермахта. Одновременно в выпущенной 24 июня 1937 года «Директиве о единой подготовке к войне вермахта» была заменена часть, которая касалась войны с Чехословакией (операция «Грюн»), на новое распоряжение с припиской, что «его выполнение должно начаться самое позднее с 1 октября 1938 года». Под его выполнением подразумевалось, что ускоренно подготовленные части сухопутных войск должны быстро и решительно преодолеть чешские пограничные укрепления и с уверенностью, что большая часть мобильных войск подтя-

нется так быстро, как только сможет, смело ворваться в Чехословакию. Подготовка была проведена ровно в заданный срок, так что ускоренно подготовленные части вермахта одновременно с вторжением люфтваффе пересекли границу с Чехословакией ровно в назначенный час и прежде, чем противник узнал о грозящей опасности.

Бек не желал беспрекословно мириться с «неизменным решением» Гитлера и с новым распоряжением Верховного командования вермахта, которое базировалось на этом решении. Поразительно быстро, уже 3 июня, он представил главнокомандующему сухопутными войсками подробный меморандум. В нем Бек доказывал, что новое распоряжение в решающих для сухопутных войск вопросах отражает точку зрения, которая резко противоречит воззрению Генерального штаба сухопутных войск. В этом распоряжении переоценены возможности сухопутных войск как инструмента войны и также представлена стратегическая идея, которую Генеральный штаб сухопутных войск должен отклонить, невзирая на то, что она является делом сухопутных войск. Кроме того, было отмечено, что распоряжение было составлено без участия самого Бека как начальника Генерального штаба сухопутных войск.

Бек критикует директиву Гитлера

После обстоятельного и подробного обоснования своей точки зрения Бек, ссылаясь на свою служебную инструкцию, подвел итоги. Вывод был следующим: «**Военный базис директивы не выдерживает добросовестной проверки.** Я считаю, что военное действие против Чехословакии, основанное на подобном военном базисе, является роковым. Генеральный штаб сухопутных войск должен отклонить участие в ответственности за односторонний и недостаточный военный базис в том, что касается сухопутных войск».

Между тем Бек вместо ежегодной выездной инспекции Генерального штаба организовал военно-штабную игру, которая в первую очередь должна была прояснить вопрос о том, как может пройти операция против Чехословакии и как долго может длиться подобная кампания до своего благоприятного завершения. Хотя положенная в основу игры военно-политическая ситуация была гораздо благоприятнее той, которую можно было ожидать в действительности, результат подтвердил точку зрения, которой придерживался Бек. Получилось следующее: **так хорошо идущая кампания против Чехословакии будет равна пирровой победе, которая должна будет привести в своих не только европейских, но и выходящих за пределы Европы последствиях к катастрофе немецкого вермахта и немецкого народа.** Впрочем, даже во время заключительного обсуждения Бек не преминул указать на решающее значение, которое в мирное и военное время имеет полное доверия сотрудничество между политическим и военным руководством.

Один из участников этого заключительного обсуждения писал: «Из заключительных слов генерала Бека, которые он особенно подчеркнул, следовало, что **руководитель Генерального штаба сухопутных войск гораздо серьезнее, чем следовало ожидать при военном исследовании, проводимом лишь для учебных целей, высказался против операции в том виде, в котором она обозначена в игре.** Лично у меня появилось впечатление, что вот так, не стесняясь, был заявлен протест руководителя Генерального штаба сухопутных войск против планов, которые, по-видимому, как я тогда впервые предположил, разрабатывались в политическом руководстве рейха.

Генерал фон Браухич ограничился несколькими заключительными словами, которые не содержали в себе ни согласия, ни несогласия со словами Бека».

Единое мнение, на которое Бек так рассчитывал, выработано не было. В профессионально точной позиции руководителя Генерального штаба Гитлер увидел лишь

недостаток мужества. Известен его возмущенный возглас: «Что это за генералы, которых я, глава государства, должен волоком тянуть к войне! Было бы правильным, чтобы я спасался от давления генералов, подталкивающих меня к войне!» Фактически он согласился бы принять во внимание совместную работу с военными руководителями лишь при условии, что они безоговорочно поддержат его военные планы. «Я не требую, чтобы мои генералы понимали мои приказы, я требую, чтобы они им подчинялись». Для таких людей, как Кейтель и Йодль, это было совершенно очевидно. Но Бек не отказался от борьбы против роковых военных планов фюрера, невзирая на уже знакомые ему оскорблении и прекрасно сознавая возлагаемую на него ответственность. Он был решительно настроен довести свою точку зрения до кабинета.

Бек требует прекращения приготовлений к войне

В своем новом меморандуме¹ главнокомандующему сухопутными войсками от 16 июля 1938 года он расширил свои высказывания от 3 июня, остановившись вначале на военно-политическом базисе войны. Он еще раз подчеркнул свою убежденность в том, что «военная опе-

¹ В бумагах Бека есть одна собственноручно сделанная копия меморандума (с датой 15.07.38) и две копии, напечатанные на машинке. Одна из печатных копий (с датой 15.07.38) была сильно им подправлена, а под второй (с датой 16.07.38) стояла его подпись, так что можно предположить, что это был окончательный вариант. Она и была положена в основу текстового изложения. В рукописной записи Бека и в первом печатном варианте меморандума от 15 июля в конце говорилось: «В настоящее время военные предпосылки являются бесперспективными. Военная ответственность перед народом и сухопутными войсками, которую руководитель Генерального штаба хоть и делит с другими, по большей части возложена на него. Ввиду этого я не в силах быть тем советником главнокомандующего сухопутными войсками, который ему нужен, если нельзя достичь перемен во взглядах Верховного главнокомандующего вермахта». В итоговом варианте от 16 июля этот параграф отсутствует. Он был заменен призывом к подготовке коллективного шага генералов.

рация Германии против Чехословакии автоматически приведет к европейской или мировой войне. То, что подобная война, по всей видимости, закончится не только военной, но и всеобщей катастрофой для Германии, не нуждается в дальнейших подтверждениях с моей стороны».

Затем Бек указал на ходящие в народе слухи о войне. По этим слухам можно легко понять, что **народ в основной своей массе не хочет войны**, что он не просто с ужасом смотрит вперед, так как подозревает, что дело не ограничится Чехией, но **он также и не понимает смысла и цели этой войны**. Кажется, что и сухопутные войска также охвачены подобными настроениями и стараются подавить их, но долго сопротивляться они не смогут.

«Народ и армия, которая сегодня вновь является народной армией, возлагают ответственность на военных лидеров за то, что в военном плане не будет предпринято ничего, что имеет большие перспективы на успех. И армия, и народ уже сегодня инстинктивно чувствуют, что подобных перспектив нет. Но тем самым военный вопрос Германия—Чехословакия уже сегодня стал вопросом доверия народа и армии к руководителям армии. Эти люди должны прекрасно сознавать, что недостаток доверия сразу повредит любым военным перспективам на успех. Это может привести к гораздо более плохим последствиям как в начале войны, если не все тотчас пойдет по плану, так и при определенных обстоятельствах даже до начала войны».

Свой взгляд на меры, предусмотренные Верховным командованием вермахта на случай войны, Бек выразил следующим образом:

«1. Не существует перспективы в ближайшее время разгромить Чехословакию путем военного воздействия, не вызвав ответной реакции Франции и Англии. Шанс напасть на Чехословакию или встретить ее практически не готовой сегодня еще менее вероятен, чем полтора месяца назад. И нужно учитывать, что подобное положение вещей пока не изменится.

Ускоренно подготовленные по требованию Верховного командования части сухопутных войск, которые должны пересечь границу вместе с вторжением люфтваффе, не шокируют противника, а наткнутся на оборону. Какую помочь попытается оказать Верховное командование сухопутных войск, ведь расходящиеся интересы сухопутных войск и люфтваффе не позволяют прийти к общему знаменателю?

Как и прежде, кажется невозможным в первые два-три дня создать такую обстановку, которая продемонстрирует жаждущим интервенции государствам-противникам всю бесперспективность чешского военного положения. Но гораздо больше нужно обратить внимание на то, что хотя Чехия и является главнейшим поводом для вступления в войну Франции и Англии, но в тот момент, когда обе державы вступят в войну, речь уже будет идти не об интервенции в интересах Чехии, а **о войне с Германией не на жизнь, а на смерть.**

2. Сегодня кажется гораздо более сомнительным, чем полтора месяца назад, скорое вступление в борьбу Венгрии против Чехии или вообще ее вступление в борьбу. Также никоим образом нет необходимости для Польши вмешиваться в конфликт с Чехословакией, поддерживая Германию. Чехия даже может этого добиться путем добровольных уступок Польше при условии последующего окончательного урегулирования. В любом случае вполне уместно не рассматривать Польшу, если она займет чешскую территорию, как надежный фактор в нашей силовой игре. Также и в случае с Венгрией подобная позиция была бы вполне возможна.

3. Во время объявления войны Франции Италия будет не в состоянии отговорить Францию от вмешательства в пользу Чехии.

4. Выполнение представленной оборонительной задачи не обеспечит достаточное тыловое прикрытие, так как для ведения оборонительного сражения требуется некоторый минимум сил, которого нет в наличии. Вви-

ду военно-политического положения сухопутные войска не могут при развертывании войск Юг—Восток принимать участие в операции на Западе. В конце концов, «минимум люфтваффе в оборонительных силах на западе» должен быть на высоте, чтобы легко не сдать Западный фронт сухопутных войск французским превосходящим силам в воздухе.

5. Если Германия будет втянута в войну на много фронтов, то Данцигская область может дать новый импульс польской алчности. С этой точки зрения также нужно расценивать возможность оттягивания сил из Восточной Пруссии.

6. Влияние задуманной пропагандистской войны не должно сравняться с силой военных факторов».

Меморандум Бека заканчивался еще никогда столь резко не высказываемым требованием Верховному главнокомандующему вермахта, то есть Гитлеру, **приостановить военные приготовления, которые он приказал провести:**

«По причине представленных выше объяснений я считаю себя в настоящее время обязанным — сознавая значение подобного шага, но учитывая огромную ответственность, возложенную на меня в связи с данными мне по службе указаниями по подготовке и развязыванию войны, — высказать настоятельную просьбу и побудить Верховного главнокомандующего вермахта **приостановить военные приготовления, которые он приказал провести**, и отложить решение чешского вопроса насильственным методом до того времени, пока существенно не изменятся необходимые для этого предпосылки. В настоящее время я их считаю бесперспективными. И эту точку зрения разделяют все подчиненные мне обер-квартирмейстеры и руководители отделов Генерального штаба, которые в служебном порядке занимаются вопросами подготовки и осуществления войны против Чехословакии.

Мне кажется необходимым как можно скорее, принимая во внимание вскоре ожидаемые события, лично

выслушать командиров корпусов о духе, настроениях и внутренней твердости войск и не терять с ними связи. Серьезность ожидаемых изменений требует длительного тесного контакта руководителей между собой, если возможно сохранить обоюдные отношения доверия.

В конце концов, нужно, по возможности, скорее информировать главнокомандующих и командиров корпусов о замыслах предстоящей войны, сообщить им еще раз обстоятельно, в устной форме, задачи, которые предполагается на них возложить, и обсудить с ними те предложения по осуществлению планов, которые они сделают. При этом также необходимо выслушать протесты.

Также подобного рода дискуссия главнокомандующего сухопутными войсками со всеми вышеназванными господами необходима для того, чтобы выяснить все вопросы перед намечающимся фюрером обсуждением ситуации с командирами корпусов и суметь представить ему ясное единое мнение.

Также я побуждаю к тому, чтобы главнокомандующий сухопутными войсками попытался выработать единую точку зрения обо всем круге вопросов с главнокомандующими другими частями вермахта».

Однако Бек не довольствовался письменным докладом. Он хотел знать, может ли он его опубликовать, как, очевидно, и все свои меморандумы, составленные с начала мая. «Нам нужны офицеры, — сказал он в своей речи к стодвадцатипятилетию военной академии, — чей характер и нервы достаточно сильны, чтобы **сделать то**, что диктует им рассудок». Автору¹, который в те дни сумел заглянуть во внутренний мир Бека, хорошо запом-

¹ Автор оказывал содействие Беку в подготовке его меморандума от 16 июня историческим материалом, который рассказывал о конфликте в вопросе превентивной войны австрийского руководителя Генерального штаба Конрада фон Хетцендорфа и министра иностранных дел барона Эрентхаля в 1909 и 1911 гг. Поблагодарив, Бек заметил: «В этот раз случай обратный». Этим он хотел сказать, что в этот раз руководитель Генерального штаба высказывается против, а государственный деятель — за превентивную войну.

нилась его непоколебимая решительность. Нужно было срочно действовать. В тот же самый день, 16 июля, в **устном** докладе Бек еще раз настойчиво указал главнокомандующему сухопутными войсками на серьезность положения и изложил те меры, которые он считал эффективными на случай, если Гитлер будет настаивать на своей точке зрения. **Его меры сводились к общему шагу** всех руководителей вермахта, чтобы убедить фюрера **остановить приготовления к войне**. В случае же, если он **не уступит**, все они должны решительно покинуть свои посты.

«Фюрер, по-видимому, считает неизбежным насилиственное решение вопроса о Судетах путем вторжения в Чехословакию. В этом мнении его поддерживают окружающие его безответственные радикальные элементы. О позиции Геринга мнения разделились. Одни полагают, что он понимает серьезность положения и пытается умерить пыл фюрера. Другие думают, что он, как и в случае с Бломбергом и Фричем, ведет двойную игру и откажется от своих взглядов, как только дело дойдет до доклада фюреру».

«Солдатское повиновение имеет свои границы...»

«Честные и серьезные немцы, занимающие ответственные государственные посты, должны чувствовать себя призванными и обязанными использовать все мыслимые средства и пути до последней возможности, чтобы предотвратить войну, которая перерастет в мировую и которая будет означать «*finis Germaniae*» — конец Германии.

В первую очередь это должны сделать высокопоставленные лидеры вермахта, являющиеся достаточно авторитетными, так как именно вермахт служит исполнительным средством государства в ведении войны.

На карту поставлен вопрос о существовании нации. История заклеймит руководство вооруженных сил кровавой виной, если они не будут действовать в соответствии со своими профессиональными и государственно-политическими знаниями и совестью. Солдатское повиновение имеет свои границы там, где их знания, их совесть и их чувство ответственности запрещают им выполнять приказ.

Если к их советам и предупреждениям не прислушиваются в такой ситуации, тогда они имеют право и обязаны перед народом и историей уйти со своих постов. Если все они будут действовать сплоченно, проведение военных действий станет невозможным. Тем самым они уберегли бы Отечество от самого худшего — от гибели.

Если солдат, занимающий в такое время высший пост, видит свой долг и свои задачи лишь в ограниченных рамках военных обязанностей, не сознавая величайшей ответственности перед народом, то это признак отсутствия величия и понимания им своих задач. Необычные времена требуют неожиданных решений!

Другие честные немцы, занимающие ответственные посты в государстве, но вне вермахта, присоединятся позже. Если держать ухо востро, если не обманываться из-за неправильных цифр и если не жить, руководствуясь исключительно идеологией, то можно прийти к выводу, что в настоящее время мы не готовы к войне ни в военно-политическом плане (руководство, образование и вооружение), ни в плане экономики. Да и настроение в политике не то.

Идея молниеносной войны (через два дня в Праге?) является нелепой мечтой. Современная военная история учит, что быстрые операции редко приводили к продолжительному успеху. Наши приготовления (на западе) уже сейчас являются или станут в будущем так хорошо видны, что нужно принять во внимание превентивные меры противника. Военная пропаганда в иностранной прессе уже началась».

В своем устном докладе Бек пошел еще дальше. Благодаря своему трезвому чувству реальности Бек также четко видел последствия, которые мог повлечь за собой во внутренней политике успех предложенного им кол-лективного шага генералов у Гитлера.

«На случай, — продолжил он, — если, благодаря протесту авторитетных людей, удастся избежать войны, то нужно будет принять в расчет значительное внутриполитическое напряжение. Радикально настроенные люди будут говорить, что проведение планов фюрера сорвалось из-за неспособности вермахта и его руководителей. Снова появятся и усилятся клеветнические выпады. Здесь необходимо быть настороже.

Вероятно, фюрер должен объяснить в узком кругу: войну против Чехии я должен вести вместе со старыми генералами, войну против Англии и Франции я веду с новыми руководителями. Следовательно, в связи с протестом нужно решиться на противостояние между вермахтом и СС. Также была бы уместна жесткая и четкая характеристика истинного народного настроения, которое фактически вызвано возникшим засильем бонз в Третьем рейхе.

О времени проведения этих мер. Можно принять в расчет тот факт, что в течение летнего месяца (августа) будет получена, возможно еще составленная в примирительном тоне, английская и французскаяnota, за которой через некоторый промежуток времени последует nota уже в форме ультиматума. Эта nota сделает невозможной для государственного руководства отступление или уступку, если противник и не применит превентивных мер. Вследствие этого самым благоприятным для возможных мер кажется время непосредственно после получения первой ноты».

Может быть, что, по крайней мере вначале, Браухич не был глухим к этим выразительным, обращенным к его собственной совести и чувству ответственности словам руководителя Генерального штаба. Достоверно из-

вестно, что в начале августа он ознакомил Гитлера с меморандумом Бека. При этом трудно было понять, какой была точка зрения самого Браухича. Поэтому Бек спустя несколько дней, 19 июля, еще раз очень настойчиво повторил в устной форме свое предложение коллективного шага высших руководителей вермахта при Гитлере. При этом он еще резче, чем прежде, подчеркнул необходимость политического противостояния СС и засилью партийных бонз.

План государственного переворота?

«Если решиться на демарш в форме протesta со всеми вытекающими последствиями и тем самым суметь предотвратить возникновение войны, то следует испытать, не нужно ли активизировать этот шаг тем, что для восстановления правового порядка нужно позволить произойти неизбежному противостоянию СС и засилью бонз. Вероятно, в последний раз судьба предлагает возможность освободиться немецкому народу и фюреру от кошмара гестапо и от проявлений бюрократии, которые разрушают стабильность и благополучие народа и позволяют возродиться коммунизму. Также здесь нужно выдвинуть на передний план следующие точки зрения:

1. Не может и не должно вызывать ни малейших сомнений то, что эта борьба ведется для фюрера.

2. Честные и порядочные представители партии должны быть осведомлены о серьезности положения. В такой необходимости убеждены и к ней склоняются, например, гаулейтер Вагнер в Силезии, имперский наместник Бюргкель. Главнокомандующего группой в Вене и командира VIII армейского корпуса (по случаю физкультурного праздника в Бреславле) также можно здесь упомянуть.

Не должно появиться даже малейшего подозрения на заговор. И все же за этим шагом в любом случае стоит единство всех высших военных руководителей. Таких

генералов можно будет найти и в люфтваффе. Короткие, четкие пароли: за фюрера, против войны, против бюрократии, мир с церковью, свобода слова, прекращение использования методов гестапо, снова справедливость в государстве, снижение всех взносов наполовину, нет строительству дворцов, строительство квартир для соотечественников, прусская чистота и простота!»

Видно, что Бек использовал идеи, высказанные еще весной, когда речь шла о восстановлении чести генерал-полковника фон Фрича и о сохранении престижа вермахта. Конечно, в этот раз на карту было поставлено гораздо большее — судьба всего немецкого народа. И вполне понятны резкость суждений и упорство, с которым Бек следовал к своей цели.

28 июля он узнал об очень важных сообщениях секретаря Гитлера, капитана Видемана, который незадолго до этого разговаривал с министром иностранных дел Англии лордом Галифаксом о напряженной военно-исторической ситуации в Европе. В записях Бека на следующий день об этом было сказано:

«В. не было поручено сообщать что-либо в Лондоне по своему усмотрению. Наоборот, он получил от фюрера четкие инструкции относительно своего поведения. При прощании Галифакс просил В. засвидетельствовать его почтение фюреру и спросил, возможно ли объяснить фюреру, что чешский вопрос, который в течение многих веков является проблемным для Европы, нельзя решить неожиданным насильтвенным выпадом. В. счел задачу подобного объяснения практически невозможной. Если во время разговора с В. перед его поездкой в Лондон фюрер прислушивался к мнению собеседника, то после его возвращения, во время доклада, Гитлер занял непримиримую отрицательную позицию.

Фюрер настаивал на своем: война против Чехии должна быть проведена, даже если вмешаются Франция и Англия, во что он не слишком верит. Казалось, что прошло время, когда можно было на него повлиять, или, по

крайней мере, сейчас будет очень трудно заставить его изменить точку зрения, даже обосновывая противоположные суждения и предупреждая о последствиях. В своем мнении он укрепляется, во-первых, опираясь на поддержку Риббентропа и, во-вторых, благодаря Гиммлеру, насколько последний вообще участвует в обсуждении подобных вопросов. В. еще раз убедился в том, что Геринг ни при каких обстоятельствах не принадлежит к подстрекателям к войне, о чем можно сделать вывод из последних разговоров с ним».

Докладная записка от 29 июля дает информацию о выводах, сделанных Беком из сообщения Видемана, в связи с преследуемой им целью демарша военных лидеров у Гитлера:

«На первый план отчетливее, чем обычно, выходит проверка вопроса: собираются ли, и если да, то в какое время, главнокомандующий сухопутными войсками и генералы сухопутных войск (главнокомандующие группами армий и командиры корпусов) единодушно предстать перед фюрером и **резко заявить ему, что мы в настоящее время не готовы к войне против Чехии и ее последствиям ни в военной политике (руководство, образование и вооружение), ни в экономической и в особенности в финансовой политике и в сфере морального состояния и настроя населения.** Этот факт многократно подробно доказывался компетентными людьми, но все безуспешно. Главнокомандующий сухопутными войсками и его генералы сожалеют, что не могут взять на себя ответственность руководства такого рода войной, не объявив себя соучастниками в глазах народа и истории. Поэтому в случае, если фюрер будет настаивать на проведении войны, они оставят свои посты.

Форма этого объяснения может быть впечатляющей, но не резкой и грубой. В качестве времени для подобного демарша предположительно нужно принять в расчет вторую половину сентября. К тому времени пройдет эйфория партийного съезда. Кроме того, согласно предпо-

ложением, начиная с августа должны поступать ноты английского и французского правительства, которые еще больше прояснят ситуацию.

Одновременно ответственный министр финансов должен предпринять похожий демарш, так как его к этому побудит денежная ситуация.

Как указано в докладной записке от 16 июля, нужно в любом случае считаться с внутренним политическим напряжением. Соответственно, будет необходимо, чтобы сухопутные войска были подготовлены не только к возможной внешней войне, но и к внутренним столкновениям, которые могут произойти в Берлине. Нужно дать соответствующие поручения. Нужно свести вместе Вицлебена¹ и Гелльдорфа².

Сравнив докладную записку от 29 июля с записками от 16 и 19 июля, можно найти различие в рассуждениях Бека. Так, если в середине месяца Бек рассматривал возможность совместного демарша верховного руководства всего вермахта, то 29 июля он ограничился предложением коллективного шага лишь верхушки сухопутных войск, рассчитывать на участие главнокомандующего люфтваффе, вопреки заверениям Видемана в дружественной позиции Геринга, было, по мнению Бека, бесполезно. Второе различие заключается во времени, выбранном им для проведения демарша. В докладной записке от 16 июля самым благоприятным было обозначено время непосредственно после получения ожидаемых в августе первых французской и английской нот, тогда как в докладной записке от 29 июля этот шаг планировался лишь во второй половине сентября, когда пройдет упоминание атмосферой партийного съезда в Нюрнберге.

То, к чему стремился Бек, было осуществляемое на основе закона и права действие, направленное как против военной политики главы государства, так и против прези-

¹ Генерал фон Вицлебен был командиром III армейского корпуса, расположенного в Берлине.

² Граф Гелльдорф был полицай-президентом в Берлине.

раемой им внутриполитической системы, но не против самого главы государства. Во внутренней политике это действие задумывалось как чистка, а не как революция. Об этом нужно помнить, чтобы правильно судить о превращении Бека в «государственного изменника». С этим, конечно, было совместимо и то, что Бек на случай, если его законное решение, которого он добивался государственными методами принуждения, натолкнется на резко отрицательное отношение Гитлера, планировал военный путч. Несомненно, что истоки плана переворота Вицлебена, к которому позже присоединился Гальдер, как преемник Бека, восходят ко времени службы Бека. Работа шла в Генеральном штабе, и вел ееober-квартирмейстер Генрих фон Штюльпнагель, особенно близкий Беку человек. В любом случае для Бека предшествующая законная попытка была необходимым условием и оправданием для государственного переворота, который, в крайнем случае, стал бы необходимым.

В те же дни — в июле—августе — руководитель Генерального штаба сделал набросок речи, которую должен был держать главнокомандующий сухопутными войсками перед командующими группами и командирами корпусов, чтобы ввести их в курс дела об общем положении и необходимости совместного шага. Это была обширная работа¹, в которой подробно рассматривались ожида-

¹ Генерал Гальдер относился резко отрицательно к военным планам Гитлера. Приняв на себя обязанности руководителя Генерального штаба сухопутных войск, он вместе с генералом Вицлебеном готовил военный путч для устранения Гитлера и его режима. Намечалось провести путч молниеносно, пока Гитлер демонстрировал свои агрессивные намерения всему миру, отдавая фактический приказ о нападении. Согласно одному из вариантов, Браухич должен был в конце концов присоединиться к заговорщикам. Мюнхенское соглашение конца сентября создало предпосылки для проведения операции против Чехии и тем самым доказало свою несостоятельность. В бумагах Бека нет ни одного доказательства, опровергающего это мнение. Поэтому в тексте отсутствует подробный разбор чешской проблемы. Генерал Хоссбах сообщает: «Не может не вызывать сомнений, что использование акта насилия было подготовлено во время службы Бека в Генеральном штабе генералом Генрихом фон Штюльпнагелем, как ответственным исполнителем, вместе с генералом фон Вицлебеном, командиром III армейского корпуса».

мые во время операции против Чехословакии особые обстоятельства, необходимое время для полного разгрома противника, вопрос помощи, которую могла оказать Венгрия, и затем предположительное поведение остальных европейских держав. При этом в основу были положены опубликованные с мая того года меморандумы Бека. Некоторые — полностью, некоторые — частично.

Военное завещание Бека

Этот обзор мировой ситуации в Европе летом 1938 года представляет собой своего рода **военное завещание Бека, как начальника Генерального штаба**. Хотя военный кризис был временно отсрочен благодаря Мюнхенскому соглашению, правота этого документа, являвшегося обобщением всех прежних меморандумов и исследований, неопровергимо доказана результатом Второй мировой войны. Этот документ имеет столь огромное историческое значение для правильного суждения о ходе мыслей, намерениях и целях Генерального штаба перед началом мировой катастрофы, что основную часть его следует привести полностью.

«Ответ на вопрос, какой станет политическая картина в Европе сразу или вскоре под давлением немецкого нападения на Чехию, требует подробного рассмотрения европейской внешнеполитической ситуации в целом. При этом решающим фактором является поведение Англии и Франции в случае войны между Германией и Чехией».

Англия

«Авторитетные круги принимают в расчет, что антипатия доминиона к военным осложнениям в Европе, опасность, угрожающая английским интересам на Дальнем Востоке, отодвинули на второй план трудности, ко-

торые Англия должна преодолевать в Индии и в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя, по-видимому, это верно только для настоящего момента. Но фактически тайная война между Англией и Италией за господство на Средиземном море окажет отрицательное влияние на свободу действий Британии в Европе. Велико искушение недооценить английские успехи в вооружении. Существует мнение, что Англия должна опасаться затяжной войны, принимая во внимание предположительно ослабленную после войны структуру мировой державы. Якобы она не должна даже рассматривать возможность самостоятельно разгромить Германию и поэтому позволит врагам идти своим ходом.

Я не склонен следовать этой аргументации. Не вызывает сомнений, что интересы Англии, как мировой державы, отличаются от интересов европейских континентальных держав. Англия хочет, чтобы в Европе было спокойно. Чтобы избежать вооруженного конфликта, она пойдет далеко в своей предупредительности. Но делать отсюда вывод о ее слабости кажется мне заблуждением. **У говорчивости Англии есть границы.** Они находятся в опасной близости от использования Германией военных средств для решения чешского вопроса. Кроме того, здесь Англия, безусловно, должна будет последовать за Францией.

Дискуссия ведущих военных руководителей Англии и Франции дает понять, что Англия готовится к тому, чтобы в таком случае пустить в ход пусть и не полностью построенную, но значительную военную силу. Совместные приготовления с Францией достигли столь высокой степени, которой никогда раньше не удавалось добиться даже в мирное время между союзными державами. Эти приготовления абсолютно точно направлены против Германии, а их конечной целью является европейская или даже мировая война.

Я считаю опасным заблуждением тезис, что Англия не сможет вести «продолжительную войну». Англия все-

гда ориентировалась в своем военном руководстве на ведение продолжительной войны, так как ее сила заключается в огромных дополнительных ресурсах мировой империи, которые дают ей большую силу для того, чтобы как можно дольше продержаться в войне, чем любой другой державе. Кроме того, во время войны Англия может иметь в своем распоряжении весь остальной мир в качестве глубокого тыла. В этом плане показательными являются соглашения между Англией и Америкой, касающиеся поставки оружия. А также Англия сама в течение последнего полугодия ведет экономическую подготовку к войне невиданного раньше размаха.

Я убежден, что Англия, если Германия выберет наственный вариант в отношении Чехии, примет решение вместе с Францией вступить в войну с Германией уже потому, что, принимая во внимание проблему Средиземного моря, она будет вынуждена пойти за Францией в огонь и в воду. Но если она примет это решение, то последует война, в которой возможно все. Англия будет бороться не столько за сохранение Чехии, которая будет второстепенным поводом, сколько за сокрушение новой Германии, которую она будет считать нарушителем спокойствия и которая, по ее мнению, угрожает важнейшему элементу английской государственной идеи: Справедливость, Христианство и Терпение.

Также я убежден, что при подобных военных обстоятельствах Италия также окажется втянутой в войну, и будет она нашим противником».

Франция

«Франция обязана оказать Чехии помощь согласно договору.

Никто не спорит с тем, что Франция в настоящее время является сильнейшей военной державой в Европе. Даже при необходимости оставив значительные силы в

Северной Африке, на своей альпийской границе, в битве против немецких сил она будет обладать значительным превосходством, в особенности в артиллерии, боевых машинах и авиации. Но в компетентных кругах вызывает большое сомнение желание Франции исполнить свой союзнический долг. Аргументом является то, что во Франции пришла пора социалистической революции. Франция сейчас находится в очень напряженном состоянии, которое обычно предшествует подобному взрыву насилия. Ни одно правительство во Франции не отважится на вступление в войну, которая может иметь непредсказуемые последствия для разрешения внутреннего напряжения. Поэтому Франция будет искать путь отказа от своих обязательств, используя Лигу Наций.

Я не сомневаюсь в том, что Франция исполнит свой союзнический долг. Если кому-то еще что-то не ясно в поведении Франции, тот должен изучить речь французского премьер-министра Даладье от 12 июля в Париже. В этой речи он назвал «торжественные обещания» Франции перед Чехией «обязательными и священными».

Без сомнения, французский народ испытывает отвращение к войне. Но я не считаю, что (разделяемая также и французской стороной) точка зрения, что не нужно отправляться на войну, чтобы предотвратить присоединение Судетской области к Германии, окажет большое влияние. Франция, если она бросит на произвол судьбы связанную с ней соглашением Чехию, потеряет свое лицо в Европе, что было бы для нее самоубийственно. Что же касается ставшей вполне понятной всем внешнеполитической угрозы, то французский народ сплотился, как один человек, тем более что речь идет об оскорблении французского самолюбия, гордости и тщеславия. В то время как с более ранними нашими негативными акциями французы мирились, решение австрийского вопроса уже рассматривается ими как вторая Садова. Существование данного Чехии обещания также является для Франции делом чести, за которое уверенному прави-

тельству не составит труда повести за собой французский народ. Два решающих для народного настроения момента придут этому правительству на помощь. Это антифашистское настроение левых кругов и гарантия английской поддержки.

Французская армия полностью находится в руках своих лидеров. Она хорошо обучена и вооружена. Офицерский корпус с особой тщательностью формировался в течение многих лет. Армия имеет в своем распоряжении очень сильные резервы.

О ходе мобилизации во Франции можно предположить следующее: уже в первый день, последующий за четырьмя напряженными днями французской мобилизации, более чем троекратное преимущество их дивизий будет противостоять имеющимся в распоряжении на пятый день мобилизации немецким силам. И это не считая подавляющего преимущества в тяжелой артиллерией и танках, которым Германия может противопоставить лишь тяжелые батареи, а не боевые машины. Компетентное суждение о том, будут ли в состоянии работы по строительству лимеса¹, ускоренные этим летом, компенсировать несоответствие, с каждым днем увеличивающееся из-за прогрессирующего выступления, я должен представить собравшимся здесь военным лидерам. Невозможно вести оборонительные сражения на западе одновременно с операцией на юго-востоке».

«Большую войну нельзя выиграть лишь благодаря победе оружия»

«Учитывая данные объяснения, едва ли будет правильно говорить, что немедленное нападение сухопутных вооруженных сил представляет собой единственную возможность англо-французского давления на Герма-

¹ Л и м с — пограничное укрепление в Римской империи. (Примеч. пер.)

нию. Представляются вероятными и другие возможности, даже принимая во внимание более сильные факторы противных сторон: время, пространство и дополнительные ресурсы. Столь часто встречающаяся сегодня в широких кругах точка зрения, что большую войну можно выиграть лишь благодаря победе с оружием в руках, является ошибочной и роковой. А в то время, когда во всем мире твердят о так называемой «тотальной войне», подобная точка зрения просто непонятна».

Америка

«Америка уже сегодня является поставщиком для Англии в одной-единственной области — в области вооружения. У меня не вызывает ни малейших сомнений то, что США немедленно расширят номенклатуру поставок и будут поддерживать Англию всеми политическими и пропагандистскими средствами. Американская индустрия вооружения сегодня так подготовлена, что может тотчас увеличить выпуск продукции в объеме несравнимом с 1914—1916 годами. К сожалению, американское общественное мнение больше не нуждается в особом давлении, как это было во время Первой мировой войны. Американские сухопутные войска обладают резервами, в которых офицеров почти в 20 раз больше, чем было в 1914 году. Американские военно-воздушные силы занимают особо высокое положение. Также, по моему мнению, невозможно сравнить американский флот с военно-морскими силами, которые у них были во время последней войны.

Если Америка со своим стотридцатимиллионным населением бросит свой военный потенциал на помощь Англии и Франции, при этом даже без непосредственной вооруженной поддержки, то противная сторона получит прирост силы, достаточный для продолжительной войны, силы, которой Германия не сможет противостоять».

Польша

«У Польши, конечно, есть интерес в получении Тешенской области. **Возможно**, она также готова заключить с Германией соответствующее соглашение. Впрочем, в настоящее время гораздо вероятнее, что она вначале решит выждать. Также вызывает сомнение, станет ли она соблюдать возможное соглашение в тот момент, когда в войну вступят Англия и Франция.

Общая позиция Польши по отношению к Германии ясно вытекает из поведения в отношении живущих в Польше немцев. Однако и это также следует обговорить заранее; нужно также считаться с тем, что Польша, если Германия окажется в тяжелейшем положении из-за вмешательства Англии и Франции, тоже выдвинет требования к Германии. Если Германия поневоле уступит, то требования возрастут, как обычно и происходит в случае шантажа. Они будут расти, пока в благоприятный момент не последует активное выступление Польши против Германии».

Россия

«Из-за расстрела военной верхушки и других опытных военных российская армия сильно ослаблена. Поэтому не следует ожидать вмешательства ее сухопутных войск. Зато следует принять во внимание немедленное вступление в бой военно-воздушных сил. Однако в случае продолжительной войны нужно будет учитывать значение России как противника на всех фронтах».

Япония

«Япония сейчас связана кампанией в Китае. В ближайшем будущем она не будет в состоянии выступить как против России, так и против Англии. Кроме того, в

последнем случае она должна будет иметь дело с Америкой наравне с Англией. Военная помощь Японии не будет иметь никакого значения для Германии».

Италия

«О том, какой точки зрения придерживается Италия, говорит генерал Париани: «Если Германия нападет на Чехию, то она вступит в войну с Францией и Англией». Я не в состоянии дать оценку поведению Италии в случае нападения Германии на Чехию. Может быть, что Италия станет держаться в стороне, так как приготовления к тем целям, которые она преследует в Средиземном море и в Северной Африке, как мне кажется, еще далеки от завершения.

Но также может оказаться, что Италия пойдет на некоторые жертвы, если сможет считаться с тем, что Англия и Франция тесно связаны благодаря Германии. Активное вмешательство Италии не принесет какого-либо значительного облегчения сухопутным войскам Германии, подразумевается ли при этом сковывание французских сил в Северной Африке или на французском альпийском фронте или даже непосредственная поддержка на немецкой земле. Но Италия в военном отношении менее вынослива, чем Англия и Франция, и даже гораздо менее вынослива, чем Германия.

Подробно рассмотрев вопрос совместных действий с Италией в случае войны против Франции и Англии, я пришел к следующим выводам:

а) с самого начала наибольшая слабость нашего союза для совместных действий лежит в эксцентрически расходящихся военных целях;

б) вмешательство Италии не принесет на наш Западный фронт значительного облегчения;

в) при сотрудничестве Германии с Италией в выигрыше всегда оказывается Италия».

Бельгия

«Бельгия хочет сохранять нейтралитет. Однако вызывает большие сомнения, сможет ли она настоять на этом, учитывая давление Франции и Англии. Нужно также считаться с возможным ее вмешательством. Наверняка ей придется уступить сопровождаемому военными угрозами требованию Франции позволить пройти ее войскам, по крайней мере в районе Самбры и Мааса, который едва ли будет охраняться. Тем самым положение на Западном фронте станет значительно тяжелее, а угроза Рурской области — очень серьезной. Вызывает большое сомнение, сумеет ли сохранить свою производительность эта так необходимая в экономическом плане для ведения войны область.

В конце концов, нужно иметь в виду, что участие Бельгии в войне против Германии сделает куда более возможным участие в войне и Голландии.

Останавливаться на вопросе о самостоятельной войне в воздухе или на море я не буду, потому что следует принять во внимание слишком многое, да и сама такая война все равно не позволит военно-политической ситуации стать более благоприятной для Германии».

«Мировую войну Германия не сможет выиграть в военном плане»

«Вышеизложенные факты можно резюмировать следующим образом: силовая военная кампания Германии против Чехословакии в самое ближайшее время приведет к немедленному военному вмешательству Франции, вместе с ней Англии, вероятно, Америки, Бельгии и, возможно, России. Следует также иметь в виду тот факт, что военная операция Германии против Чехии может привести к европейской и, возможно, даже к мировой войне.

Её в настоящее время Германия в военном плане выиграть не сможет, даже если Италия будет на нашей стороне, а Польша, Югославия и Румыния сохранят нейтралитет. Мы можем выполнить в Чехии нашу задачу, но всю войну, в которой Чехии выпала роль Сербии времен последней мировой войны, мы проиграем».

В этом военно-политическом обзоре содержатся высказывания об организации, вооружении и оснащении сухопутных войск. При этом подчеркнуты изъяны, явившиеся следствием неготовности сухопутных войск, строительство которых по плану должно было завершиться в 1941 году. Далее были отмечены недостаточное материальное и техническое вооружение государственных железных дорог Германии, неблагополучная продовольственная ситуация, вызывавшая тревогу, несмотря на удовлетворительную среднюю годовую урожайность. Также был затронут вопрос о выносливости народа в случае продолжительной войны.

Предполагалось, что далее главнокомандующий сухопутными войсками должен был обосновать свою позицию следующими словами: «Как главнокомандующий и авторитетный представитель сухопутных войск, я считаю себя обязанным изложить Верховному главнокомандующему вермахта приведенный здесь ход мыслей и выводы. Я должен от него потребовать, чтобы при принятии политического решения были учтены возможность нашего ограниченного, даже вопреки исключительному напряжению сил, военного средства принуждения, недостатки нашей системы снабжения и отсутствие необходимых силовых резервов в нашем народе. Я осознаю серьезность этого требования. Делая этот шаг, я предполагаю, что нахожусь в полном согласии со всем собравшимся здесь высшим руководством сухопутных войск. Если же подобного согласия на этот совместный шаг нет, то прошу сообщить мне об этом сейчас, перед всеми присутствующими».

При условии полного согласия присутствующих генералов главнокомандующий сухопутными войсками должен был дальше сказать:

«Я доложу Верховному главнокомандующему вермахта об этом мнении руководящих генералов сухопутных войск. Я собираюсь в ближайшие дни изложить фюреру свое мнение о насильственном решении чешского вопроса и проистекающие из него требования к политическому руководству. Результат будет сообщен руководителям.

Фюрер намеревается 15 августа выступить перед главнокомандующими группами армий, командирами и генералами с речью о демонстрации сухопутных войск в Ютербоге. Для меня очень важно изложить вам свою точку зрения прежде, чем фюрер выступит перед вами. Ведь в противном случае его ход мыслей может застать вас врасплох».

Обращаясь к главнокомандующему сухопутными войсками, Бек писал: «Я прекрасно сознаю, что между вами и мной должна существовать полная честность и согласие в вопросах границы проведенных работ, по причине которых сухопутные войска оказались в их теперешнем состоянии неготовности. Я должен потребовать от вас, чтобы вы откровенно доложили Верховному главнокомандующему вермахта о представленном мною мнении и поддержали меня в этом роковом вопросе с солдатской решительностью. То же самое касается тех подчиненных вам офицеров, которые в ближайшие недели приглашены фюрером в Оберзальцберг или на борт «Грилле», чтобы обменяться с ним мнениями. Я прошу, чтобы прежде этим офицерам доложили о моих взглядах и поручили им настойчиво представить единый взгляд руководителей сухопутных войск».

Бек, далее, полагал, что Браухич должен был сказать: «**Серьезное волнение, в связи с опасностью новой войны, распространяется среди нашего народа.** Народ ждет от руководства сухопутных войск, что оно при принятии решения придаст своему голосу влияние, соответствующее

высокой ответственности, которую оно несет за кровь пригодных к военной службе немцев, ясно сознавая, что решающим фактором для победы или поражения в войне является прежде всего сухопутная армия. Военное руководство окажется тем более авторитетным, чем единодушнее оно будет демонстрировать олицетворяемую верховными лидерами ценность военного опыта и солдатской решимости. Поэтому я должен попросить вас, господа, чтобы вы всегда стояли позади меня и безоговорочно следовали за мной по пути, который я должен пройти во благо нашей немецкой Отчизны».

Бек сделал все, что было в его силах, для подготовки запланированного действия. Так как политическая ситуация могла ухудшиться в любое время и так как нужно было считаться с возможностью, что Гитлер огласит свою военную программу во время запланированного им на 15 августа собрания руководителей, нельзя было терять ни минуты и нужно было немедленно проинструктировать генералитет и провести демарш у Гитлера. Тут и там высказывались сомнения, являлся ли Бек, человек творческий, также и человеком действия. Даже хорошо относящийся к нему посол фон Хассель — и это незадолго до решающих событий 20 июля 1944 года! — в своем дневнике назвал Бека «чистым Клаузевицем без примеси Блюхера и Йорка». Тот, кто представляет себе реальную обстановку и все хитросплетения связей, в атмосфере которых Бек был вынужден планировать и действовать, не может разделить подобных сомнений в документально доказанном здесь желании действовать. Несомненно, у Бека было сильное стремление к самоанализу, и, конечно, его чувство ответственности противостояло против любого легкомысленного безрассудства. Но его дух, сердце и воля не страшились смелого решения, поскольку он видел перспективы на успех. Именно Бек обладал в гораздо большей степени, чем остальные генералы на руководящих постах, тем, что обычно называют «гражданским мужеством».

Браухич отказывается

То, что у Браухича, наоборот, это качество отсутствовало, показали дальнейшие события. В тот момент, когда главнокомандующий сухопутными войсками должен был объявить о своей причастности к делу, тщательно продуманному и разработанному его руководителем Генерального штаба, он отказался держать речь перед генералами и, естественно, вообще отверг мысль о коллективном шаге.

Однако в начале августа он собрал у себя командующих группами армий и командиров для обсуждения военно-политической ситуации. После сообщения одного из участников, генерал-полковника Адама¹, обсуждение пошло в общих чертах следующим образом.

Вначале Бек зачитал свой июльский меморандум. Он произвел на слушателей глубокое впечатление. Затем приглашенный Браухичем генерал Адам, чья кандидатура рассматривалась на пост командующего Западным фронтом, охарактеризовал неудовлетворительное состояние строительства Западного вала. Он объяснил, что немецкая оборона при тех незначительных силах, которые планируются на нее выделить (5 активных дивизий, 4 резервные и какая-то часть ландвера), будет быстро сломлена. Закончил он следующими словами: «Я ничего не преувеличиваю и изображаю черное черным, это правда!»

На это Браухич сказал: «Я полностью разделяю вашу точку зрения. Если вы в скором времени представите этот доклад фюреру, то должны будете сказать то же самое». Адам ответил: «Мне хватит на это смелости». Бек поспешил к нему и потряс ему обе руки со словами: «Я поздравляю вас, Адам». Затем Браухич обратился к присутствующим: «Вы слышали мнение Верховного командования сухопутными войсками. При столь серьез-

¹ Генерал-полковник в отставке Адам предоставил автору свое сделанное на Нюрнбергском процессе перед Международным трибуналом клятвенное заявление.

ной ситуации я считаю необходимым открыто говорить с верховными руководителями сухопутных войск. Поэтому я обязываю вас со всей искренностью высказать и противоположные мнения».

Генералы едины в отрицании войны

Выявились лишь некоторые признаки несогласия. После недолгих колебаний генерал фон Рейхенау, тогда главнокомандующий 4-й группой армий, сказал: суждение о том, нужно ли вести войну, является делом фюрера; он конечно же примет правильное решение. После него один из командиров корпуса, генерал Буш, заговорил о повиновении, преданности и доверии к фюреру. В свете слов Адама выступления обоих казались «блеклым проявлением сопротивления». Браухич завершил обсуждение словами, что **высшие руководители сухопутных войск едины в своем отрицании войны**.

Однако решающим для дальнейшего хода событий было то, что главнокомандующий сухопутными войсками отказался держать разработанную его руководителем Генерального штаба речь перед генералами и призвать их «всегда стоять позади него и безоговорочно следовать за ним по пути, который он должен пройти во благо немецкой Отчизны». Не было ни слова сказано о шаге-ультиматуме, который он должен был предпринять от имени генералитета у Гитлера, согласно предложению Бека. «Когда мы разошлись, — пишет генерал Адам, — мы так и не были освобождены от давления, которое тяготеет над всеми нами».

Нам ничего не известно о том, как обосновал Браухич свой отказ от предложения Бека. Мы лишь знаем, что отношения между ними стали весьма напряженными еще раньше, в течение лета. Влияние предложений руководителя Генерального штаба на руководящих офицеров сухопутных войск было столь сильным, что мож-

но было наблюдать даже физическую реакцию у главнокомандующего сухопутными войсками. Согласно свидетельству его адъютанта, Браухич прямо-таки дрожал перед разговорами с Беком. Вследствие этого главнокомандующий сухопутными войсками занимался делами Генерального штаба вместе с имевшим наибольший стаж работы обер-квартирмейстером генералом Гальдером, так что Бек в конце своей карьеры все меньше и меньше имел личные контакты с Браухичем.

О причинах, заставивших Браухича окончательно отказаться от того, чтобы поддержать требования Бека, мы можем лишь догадываться. Можно предположить, что Браухич чувствовал, что Бек его теснит на путь, который он, возможно, и считал правильным, но который, принимая во внимание требуемый от него шаг-ультиматум, казался ему жутким и опасным. Он не был сильным человеком, чтобы решиться поставить на карту свою должность и посты своих генералов, а возможно, и принести в жертву их и свою жизнь. «Браухич застегнул мундир на все пуговицы и сказал: «Я солдат и должен подчиняться» — так писал Хассель в своем дневнике 27 сентября 1938 года¹. Также вполне вероятно, что Браухич тешил себя надеждой, что путем переговоров, правда при угрозе применения военной силы или даже без использования подобной угрозы, удастся убедить Гитлера решить чешский вопрос желаемым генералитетом способом.

Забастовка генералов?

Сегодня, естественно, невозможно сказать, что бы произошло, сделай Браухич шаг-ультиматум, предло-

¹ Эрих Кордт («Заблуждение и реальность») писал, что Браухич 30 августа во время личной беседы с одним из служащих министерства иностранных дел заметил, что он не может поверить в успех войны против коалиции противников. «На чем тогда основываются ожидания Гитлера и министра иностранных дел?» — спросил он». Получив ответ, он сказал, что надеется, что политическое руководство Германии не лястит себя подобными иллюзиями.

женный Беком. Мы конечно же не считаем, что Гитлер позволил бы подобным образом убедить себя в губительности его планов. Однако можно предположить, что единодушное вето генералитета сухопутных войск, которое, согласно желанию Бека, было бы «впечатляющим, но не резким и грубым», а также все принимаемые в расчет доводы убедили бы фюрера, по крайней мере, на некоторое время воздержаться от исполнения своих военных планов. То, что Гитлеру не пришлась по душе позиция руководителя Генерального штаба и без не переданного Браухичем вето, доказывает его реакция на июльский меморандум Бека, последовавшая после выслушанного им доклада о нем. Его первым вопросом было: «Кто его читал?» Узнав, что речь идет об ограниченном количестве осведомленных, Гитлер успокоился и решил без всякой шумихи, почти незаметно сместь опасного автора с его поста. Он приказал Браухичу передать автору, что отрицает справедливость его меморандума. Подобная молчаливая игра противоположностей вряд ли была возможна, ведь существовал риск «забастовки генералов» и ее предполагаемого влияния на общественное мнение как внутри, так и вне страны. Но непременным условием для того, чтобы вынужденный отказ от исполнения военных планов был не временным, а окончательным, являлось бы непоколебимое желание генералов настоять на своем требовании.

Здесь можно думать все, что угодно, но Бек справедливо видел в позиции главнокомандующего сухопутными войсками отказ от поддержки его в решающий момент. Его переполняла глубокая горечь, которая и позже не уступила место никаким другим чувствам. Годы спустя, когда речь в разговоре заходила о тех драматических событиях 1938 года, его, всегда спокойного и сдержанного человека, охватывало страстное волнение. Не раз автор был свидетелем подобной вспышки чувств. Затем происходило следующее: Бек напрягался, его глаза

вспыхивали яростью и презрением, и, грозя кулаком, он говорил: «Браухич меня предал!..»

Для Бека все было ясно и в поведении главнокомандующего. Он не предавался иллюзиям и прекрасно понимал, что его борьба была напрасной и что в его распоряжении больше нет средств, чтобы предотвратить несчастье. Но он не был потрясен такой развязкой — часто в последние месяцы такой исход казался ему вполне вероятным, а в разговорах с Хоссбахом говорил, что знает, как поступить. **Он твердо решил уйти в отставку.**

Многие полагали, что Беку лучше остаться на своем посту в это критическое время в надежде все-таки добиться успеха. Не было недостатка в подобных советах и со стороны ближайшего к нему окружения. Одному бывшему подчиненному, который умолял его не уходить в отставку, Бек ответил: «Насколько я понимаю, уже слишком поздно». Он прекрасно осознавал, что после передачи его меморандума Гитлеру нужно будет принять в расчет необходимость оставить свой пост, пусть и не сразу, чтобы избежать неприятной шумихи, но при ближайшей подходящей возможности. Против этого восставала внутренняя гордость этого самого по себе очень бескорыстного человека. Однако определяющим для его решения оказалось его понимание долга, которое запрещало ему и дальше оставаться на своем посту, что могло бы превратить его в безвольный инструмент выполнения решений и приказов, которые претили ему. Давайте вспомним его слова, обращенные к Фричу: «То, что руководитель Генерального штаба говорит, должно соответствовать его поведению. Несоответствие между словами и поступками было бы для него смертельным и губительно повлияло бы на Генеральный штаб. Если он понимает, что находится перед ситуацией, которая при тщательнейшем рассмотрении субъективно оставляет ему только этот выход, — и абсолютно все равно, даже если его точка зрения объек-

тивно ошибочна, — то в интересах Генерального штаба он должен оставить свое место другому». Бек был верен своему слову.

Бек уходит — Браухич остается

Гитлер решил подавить в зародыше любое активное сопротивление генералов его политике, направленной на насильтвенное решение чешского вопроса. Характерным стало происшествие, имевшее место 10 августа в Бергхофе в Берхтесгадене. В обход верхушки сухопутных войск Гитлер собрал там генералов, которые имелись им в виду как будущие руководители армии, и в почти трехчасовой речи рассказывая им о своих политических и военных планах и целях. Некоторые генералы все же выразили протест против отдельных его военных намерений, подчеркнув недостаточную готовность армии. Ссылаясь на отсутствие нужного количества войск, необходимых для обороны Западного фронта, и на полную неготовность Западного вала, они утверждали, что невозможно успешно сопротивляться наступлению противника в течение долгого времени. «Фюрер очень рассердился, — записал в своем дневнике его говорчий сторонник Йодль, — и, бушуя, сказал: «Тогда вся армия ни к чему не пригодна. Я скажу вам, господин генерал, позиция будет удерживаться не три недели, а три года».

Йодль прокомментировал этот инцидент и позицию несогласных генералов. Сделанные им замечания характеризуют его политическую слепоту и отсутствие собственного мнения: «Причина этой трусливой точки зрения, которая, к сожалению, очень широко распространена в Генеральном штабе сухопутных войск, имеет различные источники. Раньше и он чувствовал себя необъективным, предавался политическим размышлению, вместо того чтобы выполнять свои военные задачи и подчиняться. Последнее он делает с дедовской преданностью, но ему

недостает гения фюрера, тогда как он сам в этот гений не верит. Его сравнивают с Карлом XII. И так как вода течет сверху вниз, из этого недовольства возникает не только, при известных условиях, огромный политический вред — так как противоречие точек зрения генералов и фюрера известно всем, — но и опасность для настроения войск. Однако я не сомневаюсь, что они благодаря народному настроению в нужное время поднимутся за фюрера».

Учитывая подобное свидетельство безоговорочного подчинения одного из самых близких военных советников Гитлера, очевидно, что последнему в дальнейшем осуществлении его роковой внешней политики могла помешать лишь демонстрация единой воли всего генералитета, как и планировал Бек. Тем временем железное Гитлера «Сейчас, а не потом!» действовало.

Спустя несколько дней, в середине августа, Гитлер объявил в речи по поводу боевых учений в Ютербоге, обращенной к генералитету сухопутных войск, что он твердо намерен еще этой осенью решить чешский вопрос с применением силы. Бек, ставший невольным слушателем этой речи, использовал ее в качестве повода для того, чтобы немедленно осуществить свое решение об уходе в отставку. 18 августа он попросил главнокомандующего сухопутными войсками добиться его освобождения от должности руководителя Генерального штаба. Спустя три дня Бек получил ответ о согласии Гитлера. 27 августа он передал дела генералу Гальдеру. Согласно желанию Гитлера, об отставке Бека не было объявлено сразу «по внешнеполитическим причинам».

О том, как Бек прощался с узким кругом его ближайших подчиненных, генерал Хоссбах пишет следующее:

«Обязанность, которая была возложена на Бека, по желанию Гитлера, главнокомандующим сухопутными войсками генерал-полковником фон Браухичем, не афишировать свою отставку вызвала неудовольствие уходящего, поскольку его лишили возможности объяснить свой уход всем своим коллегам по Генеральному штабу.

Гитлер же, наоборот, хотел произвести впечатление, будто бы Бек еще является руководителем Генерального штаба. Само собой разумеется, что подобного рода обман в действительности осуществить не удастся. Факт, что Бек больше не занимает свой пост, скрыть нельзя.

Поэтому Бек решил лично сообщить о своей отставке ближайшим помощникам и одновременно попрощаться с ними. 27 августа, в первой половине дня, обер-квартирмейстеры и руководители отделений Генерального штаба сухопутных войск были приглашены в большой кабинет руководителя Генерального штаба. Окна этого кабинета выходили на Тирпицуфер.

Когда мы вошли в кабинет, Бек, выпрямившись, не реагируя на приветствия, сложив руки на груди, стоял рядом со своим письменным столом, расположенным у окна. Его лицо было усталым, бледным после бессонной ночи и при искусственном освещении казалось неземным. Взгляд больших красивых глаз был устремлен в даль. Он держал перед нами классическую по форме и строению и мудрую по содержанию речь, длившуюся примерно четверть часа. Смысл заключался в том, что он еще раз разъяснил собравшимся офицерам борьбу руководителя Генерального штаба за независимую, творческую работу Генерального штаба, которую он вел, но которую при известных обстоятельствах не смел полностью выиграть. Призыв к независимости суждений и к твердости характера в действиях был полон настойчивости.

Бек начал речь с сообщения о своей отставке, а закончил выражением благодарности к своим сослуживцам.

Я полагаю, что небольшая часть слушателей, которая считала отставку Бека необходимой, не смогла не поддаться влиянию достоинства, гордого сознания своей ответственности человека, который по характеру, способностям и возможностям, вероятно, был последним истинным руководителем Генерального штаба Германии».

Предостерегающий ушел. Колесо, которое катится к пропасти, никто не остановит.

Глава 6

В ОТСТАВКЕ

Война, которую начинает Германия, тотчас активизирует и другие государства, кроме захваченных. В войне против мировой коалиции Германия потерпит поражение и окажется в конце концов отданной на милость и немилость победителя.

Бек, ноябрь 1938 г.

Пока еще, однако, не было очевидным, что колесо судьбы катится к пропасти. Наоборот, в конце сентября Гитлер заключил с государственными деятелями Англии, Франции и Италии известное соглашение, по которому Судетская область переходила к Германии без применения военной силы. Торжествующий генерал Йодль записал в своем дневнике: «Чехословакия разыграла фактор силы. Гений фюрера и его решимость не избегать мировой войны проявились снова, и он без применения силы одержал победу. Остается надеяться, что недоверчивые, слабые и скептики обратятся в новую веру и будут ее придерживаться».

Казалось, не только большой европейской, но даже мировой войны, которой так сильно опасался Бек, удалось избежать. Оказался ненужным и масштабный военный поход против Чехословакии. В глазах своих соотечественников Гитлер выглядел величайшим государственным деятелем, находящимся в зените своей славы.

На первый взгляд может показаться, что начальник Генерального штаба с его мрачными пророчествами был

не прав. При этом будет упущен тот факт, что эти пророчества относились только к случаю непосредственных военных действий, то есть к тому, чего в данный момент, к счастью, удалось избежать. В действительности посредством Мюнхенского соглашения — хотя и на других основаниях и совершенно другими средствами — было достигнуто именно то, чего добивался Бек, — сохранение мира. **Была ли, таким образом, военная опасность устранена навсегда или только на обозримое будущее? Был ли обеспечен продолжительный мир?**

Бек, хотя его преданное Отчизне сердце радовалось неожиданному счастливому исходу кризиса, не обольщался по поводу сиюминутного успеха Гитлера. Он всегда мыслил реальными категориями, и его мнение оставалось неизменным. «Плохо не то, что мы делаем, — еще раньше написал он, — а то, как мы это делаем. Я имею в виду политику силы и вероломства». Он был убежден, что ответный счет, причем при гораздо худших обстоятельствах, еще будет предъявлен и Гитлер, упиваясь сознанием своего величия, сам побуждает к этому иностранные государства. Мог ли Бек обманываться относительно даты начала войны и ее непосредственных поводов? Ведь он не сомневался, что сиюминутная уступчивость иностранных держав не означает ликвидацию противоречий, что политика силы Гитлера очень скоро приведет к полному расколу. Он понимал, что грядет большая война, которая приведет к уничтожению немецкого вермахта, и это будет означать катастрофу для народа и государства. **По поводу всего этого у Бека не было никаких иллюзий.** Прозорливость его не подвела.

Через полгода после Мюнхена немецкие войска вошли в Прагу. Без сопротивления были заняты Богемия и Моравия. Это был поворотный пункт в прежней политике умиротворения западных держав. Но Гитлер ничего не видел и не хотел видеть. Он шагал по своему губительному пути все дальше.

Германия в грядущей войне

Через месяц после своей отставки, в ноябре 1938 года, Бек снова взялся за перо. В первую очередь он хотел доверить бумаге то, что было у него на душе, свои самые сокровенные мысли о надвигающейся военной катастрофе. Результатом стал — Бек и здесь остался верен себе — удивительно беспристрастный, профессиональный и прозорливый анализ того, что могло ожидать немцев в недалеком будущем. «Принципиальные размышления» — так охарактеризовал он свой труд о Германии в грядущей войне.

Достаточно процитировать лишь несколько отрывков из этого содержательного сочинения:

«Учитывая характер приближающейся войны, внезапность, с которой она начнется, и своеобразие ее ведения, а также непредвиденные возможности ее пространственного и временного распространения и, наконец, тот факт, что в будущей войне речь пойдет о существовании Германии, наши государственные деятели и полководцы должны быть едины, как никогда. Прежде чем вопросы предстоящей войны найдут свое выражение в стратегических директивах и планах, между государственными деятелями и полководцами должно быть достигнуто единое понимание по принципиальным аспектам перечисленных выше вопросов. Они исходят из современной военно-политической ситуации. <...>

Германия не будет являться объектом для применения военной силы других государств, пока сама ею не воспользуется. Германия, занимающая центральное положение на континенте, в случае войны всегда окажется в игре. Ее границы, так же как и связи с другими государствами, будут под угрозой. Если же в мировой войне, вопреки всем благоприятным обстоятельствам, сложившимся для ведения войны в Центральной Европе, Германию можно сравнить с осажденной крепостью, то это сравнение приобретает судьбоносное зна-

чение в случае будущей войны на много фронтов, которую Германия будет вести одна. <...>

Война, которую начинает Германия, тотчас активизирует и другие государства, кроме захваченных. **В войне против мировой коалиции Германия потерпит поражение и окажется в конце концов отданной на милость и немилость победителя.** <...>

Германия может одержать победу только военными средствами. Других способов разгромить противника в ее распоряжении нет. Причем следует различать противников, которых можно разбить наголову, и тех, с которыми такая возможность представляется сомнительной. <...>

Вермахт сравним с колоссом на глиняных ногах, если он не движим прочими факторами, необходимыми для ведения тотальной войны. Одной только сверхготовности вермахта недостаточно для самостоятельного принятия решения о войне. <...>

Государство, чьи собственные средства, вопреки прилагаемым усилиям, недостаточны для удовлетворения потребностей вермахта и народа, которое не может рассчитывать на кредит и чей народ не вдохновлен идеей о том, что война будет вестись ради его жизни, даже при наличии превосходного вермахта к войне не готово. <...>

Территориальный вопрос и забота о приобретении того, что страна не сможет приобрести во время затяжной войны, должны решаться в мирное время посредством регулирования отношений со странами, которые, как союзные или нейтральные, не могут испытывать нужды. Потому что нельзя рассчитывать на то, что будет возможность своевременно, до начала войны, захватить базу, необходимую для ведения длительной войны. Такая политика должна проводиться постоянно на протяжении многих лет, чтобы достичь желаемого результата своевременно и надежно. <...>

Политическая надобность войны должна быть ясна и должна включать в расчет последний акт каждой вой-

ны — установление мира. Только при ясно очерченной политической надобности можно из нее и имеющихся средств вывести цель войны. Эта конечная цель всех военных действий является важнейшей и серьезнейшей, в связи с ней разрабатывается стратегия».

Эти «принципиальные размышления» Бек писал, понимая, что Гитлер отвергнет их все — пунктом. Смещенный с должности, гонимый генерал пытался довести до властей предержащих свое последнее предупреждение — в этот раз анонимно. Он действительно в декабре 1938 года подчеркнул в своем письменном предостережении, что армии в период до 1945 года необходимо посвятить себя решению задач своего организационного строительства и обучения и что без любых видов подготовки к войне следует обойтись. Разве это не было созвучно объявлению войны опасной военной политике последних лет? В самом деле, это предупреждение вовсе не было **сознательным обманом, новым блефом отчаянного игрока, который всегда поражает неожиданностями**. Бека не удивило, когда он услышал от одного из своих бывших подчиненных, что высшие чины говорили, что официальное представление подобных воззрений гравитирует с государственной изменой.

«Все происходящее было ему противно, — записал Хассель после визита к Беку в декабре 1938 года. — **Военное легкомыслие лидеров его возмущало и пугало**. С особым гневом он говорил о преступных играх в «совсем короткую войну». И Вторая мировая война стала доказательством правоты каждой фразы из последнего предостережения Бека.

Уход со службы: «...в красивом гробу...»

От немедленного ухода с действительной службы после его освобождения от должности начальника Генерального штаба Бека удержали. Напротив, в ходе пе-

ремещения личного состава, производимого в порядке подготовки к предстоящей войне, ему была доверена должность командующего 1-й армией, которой предстояло отправиться на Западный фронт (штаб-квартира в Висбадене). Выше уже говорилось, что после того, как военная опасность несколько уменьшилась, 19 октября, Бек подал в отставку. Своему доверенному помощнику полковнику Хоссбаху, который одновременно с ним покинул Генштаб и стал командиром полка, он писал в те дни:

«...Третьего дня я наконец получил от главнокомандующего сухопутными войсками уведомление о моем будущем. В нем сказано, что фюрер, который в свое время был согласен с моим назначением главнокомандующим, теперь высказался так: он ждал, что я сделаю правильные выводы из своего шага в июле, и что у него создалось впечатление, что доверительные отношения, которые должны существовать между ним и командующими группами армий, в полной мере восстановить невозможно.

То, что мне придется уйти, я предугадывал сразу и не ошибся в своих прогнозах. Известие меня совершенно не удивило, и я только очень сильно прочувствовал, как долго его оттягивали. Я не хочу высказывать свое мнение о мотивах, которые вам уже известны, хочу только снова напомнить о том, что у меня в течение пяти лет службы ни разу, за исключением тех пяти минут перед австрийским делом, никогда не было возможности изложить фюреру свои планы в отношении обороны страны, военного руководства и так далее, и сам фюрер меня никогда об этом не спрашивал. Отношения доверия между мной и командующим сухопутными войсками в том, что касалось вопросов моей компетенции, существовали, но также могли и исчезнуть. <...>

Оглядываясь назад, я вижу, если не считать последних пяти лет, которые легли на мои плечи тяжкой ношей, на редкость красивый, незаслуженно успешный и

принесший глубокое удовлетворение жизненный путь. Никто не заставит меня все это забыть. То, что я только начал, мне предстоит в свободное время обдумать. Самым болезненным для меня является расставание с лошадьми. Пока моя дочь следующей весной не окончит Летте-Хаус¹, я в любом случае буду жить здесь. <...>

Когда я сегодня снова думаю о почти сорокаоднолетней службе, то, прежде всего, с самыми теплыми чувствами вспоминаю людей, ставших мне за эти годы близкими. Среди них вы занимаете первое место. За это я вам безмерно благодарен и только надеюсь, что вы также испытываете ко мне дружеские чувства».

31 октября 1938 года Бек ушел в отставку в звании генерал-полковника.

Месяц спустя он снова пишет Хоссбаху из своей частной квартиры в Берлине-Лихтерфельде, Гетештрассе, 9:

«...В дом² я еще не заходил. О причинах говорить не буду, об этом как-нибудь в другой раз. То, что мне оказано как «почести», противоречит моему категорическому желанию, но я должен с этим смириться. Труп лежит в красивом гробу.

То, что я пока хочу остаться жить здесь, по крайней мере пока моя дочь не окончит Летте-Хаус, я уже вам писал. Хорошо, что у меня теперь нет служебной квартиры и я свободен в своих решениях. В моем отъезде отсюда плохо лишь одно: я окажусь вдали от центра военной научной мысли. Относительно Дрездена и Геттингена в качестве возможного места жительства я еще размышляю. Скуки я пока не ощущаю, наоборот, я чувствую себя занятым, и мне кажется, что день слишком короток, чтобы успеть все, что запланировано. Болезненна была для меня только разлука с лошадьми, но 31.10 я проявил решительность, и переход на ходьбу на

¹ Л е т т е Вильгельм Адольф (1799—1868) — прусский государственный деятель. Основал несколько обществ — Центральный союз для улучшения быта рабочих классов, Общество для содействия развитию женского труда (впоследствии назв. Lette-Verein) и др. (Примеч. пер.)

² Имеется в виду имперское военное министерство на Тирпицуфер.

своих двоих и поездки на трамваях и автобусах прошел гладко. Физически я в полном порядке, снова устало-
вился хороший сон. В общем, жаловаться мне не на что. Между прочим, я получил множество писем, и ответы на них занимают много времени. Книги в моем распоря-
жении в изобилии, и мои шкафы переполнены...»

Бек оставил за собой свою резиденцию в Берлине-Лихтерфельде и после того, как его дочь вышла замуж за офицера и распостилаась с отцовским домом. Как и его собственный брак, к сожалению, замужество его до-
чери было недолгим. Ее супруг погиб на войне, оставив молодой вдове маленькую дочку.

После своей отставки Бек жил тихо и замкнуто. Он общался только с немногими близкими друзьями. Со-
стояние здоровья было неустойчивым. Особенно его беспокоила постоянная зубная боль. В 1943 году у Бека обнаружилось тяжелое заболевание желудка. Искусство его друга — великолепного хирурга профессора Зауэр-
брока позволило спасти ему жизнь, но для этого потребовалось несколько операций. Бек поправился быстро и полностью.

Сад с овощами и фруктами, прилегавший к дому 9 на Гетешрассе, дал Беку возможность заняться физи-
ческим трудом. «Я только что занимался осенними ра-
ботами в саду, — написал Бек Хоссбау, — в результате чего мое правое запястье совсем не гнется, а почерк, и без того плохой, стал еще хуже. Тем не менее это здорово-
е, легкодостижимое и дешевое занятие. Письменный стол при этом оказался обделенным, по крайней мере временно».

Последнее действительно было временно, если было вообще. В целом Бек в годы отставки вел чрезвычайно интенсивную и многостороннюю умственную деятель-
ность. Он был счастлив, получив возможность занимать-
ся военной наукой, к которой всегда имел склонность, причем беспрепятственно и куда более основательно, чем во время действительной службы. Больше всего его

интересовала область военной истории и особенно Первой мировой войны 1914—1918 годов. Еще будучи руководителем Генерального штаба, он проявлял сильнейший интерес к работам входящего в сферу его служебной деятельности военно-исторического института армии (бывший имперский архив). Теперь же он был благодарен судьбе за то, что имел достаточно свободного времени не только на получение обстоятельной информации о мерах и решениях группы армий «Кронпринц», но также и для собственного участия в большой научной работе этого института.

Военная научная работа

С особым рвением Бек отдался работе над военными воспоминаниями, которые оставил после себя умерший в 1939 году его друг и покровитель граф фон Шуленбург. В процессе их изучения Бек очень скоро пришел к выводу, что момент для издания этой острой работы еще не настал. Бек написал и ряд самостоятельных работ по проблемам военной науки и спорным вопросам военной истории, о положении на определенных фронтах в годы Первой мировой войны. К ним относится исследование таких острых вопросов, как: «Имела ли Германия в 1914 году военный план?» — на что Бек всегда отвечал отрицательно; «1914 год: наступление Германии на запад или на восток?»; «Как должен был Фалькенхайн после сражения на Марне дальше вести военные действия?»; «Критическая проверка решений Верховного командования армии 29 сентября 1918 года — предложения мира и перемирия». Результаты многолетнего изучения проблемы современного полководческого искусства отражены в труде «Руководитель в войне». В последний год своей жизни Бек занимался подробным изучением жизненного пути французского генерала Фоша, и чем глубже проникал в мысли и чувства этого истинного солда-

та, тем большее уважение к нему испытывал. С удовольствием изучал он жизнь и деятельность американского генерала Ли, должно быть чувствуя некоторую внутреннюю близость к этому командиру южан в американской Гражданской войне. Особенно его привлекала биография Ли, написанная известным американским историком Дугласом С. Фрименом. За несколько дней до 20 июля 1944 года Бек беседовал с посетившим его другом о заключительной главе труда, в котором описано, как Ли за несколько дней до своей смерти целью воспитания назвал **самоотверженность. Teach him selfdenial¹**.

В этой связи стоит отдельно упомянуть написанный в 1942 году критический разбор доктрины тотальной войны. Он особенно характерен для военного и политического образа мыслей Бека и вскрывает глубинные нравственные корни его характера. Суть работы заключается в следующем.

Бек исходил из изложенных в брошюре Людендорфа «Тотальная война» тезисов о том, что современная война, как двусторонняя война на уничтожение участвующих в ней народов, по сравнению с предшествующими имеет совершенно иной характер. Новый способ ведения войны впервые показал, что такая мировая война, что модели войн Клаузевица устарели, что тотальная война, так же как и тотальная политика — уже в мирное время, — неизбежна и что в войне уже не политическое, а военное руководство имеет первенство.

Бек пришел к отрицанию тезисов Людендорфа и признал себя сторонником мнения Клаузевица о том, что война есть лишь инструмент политики. Тотальная война, как ее видел Людендорф, не может привести к хорошему миру в духе Бисмарка, потому что ее военная цель — уничтожение народа противника — должна исключить более умеренные политические цели. Тотальной войны можно избежать только благодаря политике, которая наряду с

¹ Научите его самоотверженности (англ.). (Примеч. пер.)

соблюдением суверенных общих и отдельных интересов и при учете естественных прав других народов сделает войну, если ее нельзя будет избежать, политическим, то есть зависимым от политики, инструментом.

Бек обстоятельно занимался **нравственными законами**, которые должны существовать в государстве и которые не должны безнаказанно нарушаться. При этом он ссылался на идеи Трейчке о государстве как суверенной силе, над которой нет судьи, и на высказывания Канта, приведенные в его работе «О вечном мире». Но важнее всех теорий, подчеркивал Бек с невысказанным, но совершенно очевидным намеком на Гитлера, чтобы **«руководитель политики был нравственным человеком, который в последней инстанции останется верным собственным внутренним моральным законам, собственной совести»**. Повышенная жестокость современной войны даже с чисто военной точки зрения порождает серьезнейшую опасность. Бек закончил свое исследование идеей (основанной главным образом на трудах Канта об **ограничении и гуманизации войны**) о возможности ликвидации доктрины тотальной войны. Он утверждал, что «это возможно не посредством применения инструмента войны, а только путем **нравственно обоснованной политики**, которая при любых обстоятельствах имеет приоритет, и на основе нового нравственного идеализма в государстве и в его отношении к другим народам».

Изложенные в этой работе идеи — здесь только вкратце перечисленные — вновь подтверждают, как далек был Бек от того, чтобы рассматривать проблему войны односторонне, только с точки зрения солдата. Герхард Риттер в своей содержательной работе «Европа и немецкий вопрос» указывал на естественное противоречие между военным и политическим мышлением. Сообразно с этим, солдат всегда стремится к непосредственному успеху, по возможности к быстрой и основательной парализации боевого духа противника путем уничтожения его материальных боевых средств.

Государственный деятель должен думать о многом другом: о моральной обоснованности каждого военного шага, о необходимости соблюдать разумное соотношение между целью и средствами, между затратой сил и значением достигнутого успеха. Он не должен помышлять о вступлении в войну, если речь не идет о действительно важных вопросах, да и то не раньше, чем исчерпаны последние средства мирного урегулирования. Он обязан всячески ограничивать меру разрушения и продолжительность военных действий, вовремя переходить от военных действий к соглашению и к тому же не отказываться от всех возможностей мирного установления порядка, который затем должен последовать.

В трудах Бека нет противоречия между военной и политической точками зрения. Все вопросы, имеющие отношение к ведению войны и политике, он никоим образом не рассматривал односторонне, только как солдат, и больше, чем многие его коллеги, демонстрировал понимание государственных задач и требований к политическим деятелям, настаивая на соответствии их действий «нравственно обоснованной политике». Когда он стоял во главе Генерального штаба, для многих казалось более чем странным то обстоятельство, что солдат считает своим долгом, причем исходя не из своей узковедомственной военной точки зрения, а руководствуясь высшими этическими соображениями и реальными политическими обстоятельствами, бороться против военных планов государственного деятеля, который в своей аморальности не желал проводить «нравственно обоснованную политику».

Некоторые эти и подобные разработки Бек использовал главным образом для самообразования и обоснования собственных суждений. Другие служили темами для обсуждения в узком кругу известных ученых и политиков, в так называемом Обществе среды, в котором Бек встретил близких ему по духу людей и многогранное и плодотворное влияние которого на свою духовную жизнь с благодарностью принимал. Интересы Бека ни-

коим образом не ограничивались военной наукой, он имел обширную общеобразовательную подготовку и неустанно ее расширял. Его неутомимая душа всегда была в работе, стремясь всемерно обогатить его знания в самых различных областях. Вот что рассказывает участник заседаний Общества среды профессор В. Гейзенберг¹: «Его интересы, казалось, относились к сферам духовной жизни, далеким от его непосредственных задач. После докладов по естественным наукам, медицине, истории он задавал вопросы, выдававшие его искренний интерес к обсуждаемым проблемам... В последний раз я видел Бека 12 июля 1944 года, когда я пригласил членов Общества среды в Харнак-Хаус, Общество кайзера Вильгельма. Там я делал доклад о физической структуре светил, рассказывал о процессах, происходящих в атомном ядре, благодаря которым высвобождается чудовищная энергия, излучаемая звездой, и в заключение дал понять, что освобождением и техническим использованием этой энергии очень скоро можно будет заняться и на Земле. И по этой проблеме Бек, насколько я помню, после доклада задавал мне разные вопросы, которые касались не одной только военной стороны использования атомной энергии. Я полагаю, Бека гораздо больше интересовала история развития нашего представления о звездах».

Живой интерес проявлял Бек также к художественной и эстетической сфере — литературе, изобразительному искусству и, прежде всего, музыке. Пауль Фехтер рассказывал, как глубоко потряс Бека хорал из «Искусства фуги» Баха, в котором слышится, будто смерть, бледная и одинокая, уводит человека от всего земного: «Мы медленно шли по мрачной улице. Говорили мало. Неожиданно Бек остановился и спросил: «Вы знаете то произведение, которое в последний раз исполняли?» Я ответил утвердительно и рассказал все, что смог припомнить. Он несколько мгновений задумчиво смотрел

¹ Профессор Гейзенберг предоставил свои воспоминания о Беке.

на меня. «Это нечто потустороннее, — наконец сказал он, причем, как мне показалось, больше обращаясь к самому себе. — Ничего подобного мне раньше слышать не приходилось. Очень необычно». Мы пошли дальше. Я чувствовал, что его что-то занимает, и молчал. Через некоторое время он снова заговорил, и опять скорее с самим собой, чем со мной: «Это нельзя не запомнить, в любом случае. Вы со мной согласны?»

Воля к сопротивлению

Однако намного больше, чем все научные и эстетические проблемы, Бека в последние годы его жизни конечно же волновала война.

Его душу держали в постоянном волнении и тревоге не только военные события и ход операций на постоянно увеличивающихся числом и размером полях сражений. Ничуть не меньше, чем опасным внешнеполитическим окружением, он был озабочен постоянно растущими бедами и лишениями многострадальной Родины, политикой жестокого произвола и кровавого террора, проводимой гитлеровским режимом. Сердце пламенного патриота болезненно сжималось, когда он слушал рассказы, свидетельства и наблюдения потрясенных очевидцев, говоривших о медленном, но неотвратимом приближении катастрофы.

Бек знал, в чем корень всех зол. И решил его уничтожить.

Мы воздержимся от подробного описания участия Бека в оппозиции Гитлеру, осуществлявшей, к сожалению, неудавшееся покушение 20 июля 1944 года. Для этого не хватает документальных материалов. Возможно, это будет сделано позднее. Скажем только, что в лице Бека заговорщики нашли главное связующее их звено — военное. А пока, зная, что он был благородным, чистым и стойким человеком, мы считаем своим дол-

гом отметить, что и в этой, самой трудной борьбе в жизни Бека все его мысли, стремления и действия были подчинены высочайшему сознанию своей ответственности и чувству долга перед Богом, страной и людьми. Он оставался верным себе до самой смерти.

Философ Эдуард Шпрангер, также входивший в Общество среды, неоднократно беседовал и даже переписывался с Беком по самым разным философским вопросам. Особенno генерал интересовался экзистенциализмом. Большое впечатление произвела на него книга Юргена Бадена «Человек и судьба». Шпрангер дал высокую оценку духовному облику и действиям Бека: «Я безгранично уважаю Бека с нашей первой беседы. Его доброта, душевность и простота не могли не вызвать симпатию. Я не берусь судить, какими благими побуждениями в итоге руководствовался генерал-полковник. Но не сомневаюсь, что он действовал осознанно, и никак иначе, боролся, и ничего более. Но для его друзей, которые хотели сохранить в своей памяти его образ благородным и чистым, казалось небезразличным, был ли он глубоко убежден, как философы-экзистенциалисты, в хрупкости всего земного, или он верил, что по воле Бога можно рисковать ради этого мира всем, чем владеет человек. Я осознавал, что Бек — старый офицер, не чуждый этических материй, и говорю от себя лично: ради спасения государства он был готов отдать все, что имел. Но его душа была настолько чуткой и хрупкой, что для него речь шла не столько о государстве, сколько о душах, которые в нем живут, и о его собственной душе».

После неудачного покушения 20 июля 1944 года Бек добровольно ушел из жизни, закончив свою земную борьбу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПОКА НЕ ЗАДЫМИТСЯ ЖИВАЯ ПЛОТЬ»¹

Суббота 30 июня — понедельник 2 июля 1934 года

Глава 1

Суббота 30 июня 1934 года

Мюнхенский аэропорт Обервизенфельд

Гитлер первым появляется в дверях и, быстро спустившись по металлической лестнице, идет к машинам; нацисты и эсэсовцы, ждавшие его, стараются не отставать. Он делает широкие, нервные шаги, держа в руках шляпу и быстро размахивая руками. Он никого не приветствовал салютом. Далеко отставший от него Гебельс, ковыляя своей неуклюжей походкой, старается изо всех сил догнать фюрера.

Неподалеку, почти невидимые в этот рассветный час, стоят два серых бронированных автомобиля, которые командир Веркрайса VII, или Мюнхенского военного округа, распорядился поставить на аэродроме для охраны Гитлера. Рядом с ними стоит армейский грузовик. В нем уже больше часа сидят солдаты в шлемах, зажав между колен винтовки. Грузовик и бронированные автомобили будут сопровождать кортеж Гитлера. Офицер, командующий подразделением, подходит к Гитлеру. Рядом с ним идет офицер абвера. Гитлер быстро приветствует их. Его резкие жесты говорят о том, что он на-

¹ Ниже приведен фрагмент из книги Макса Галло «Ночь длинных ножей», позволяющий точнее представить события, описываемые в книге.

строен очень решительно. Он выслушивает доклад офицеров, после чего офицер СС сообщает ему о ситуации в Мюнхене. Штурмовики, устроившие на улицах города демонстрацию, разошлись по домам и ждут приказов. Гитлер, похоже, не слушает его. Он начинает говорить. Создается впечатление, что ему не хватает воздуха, поскольку он постоянно запинается. «Никакого военного прикрытия, — заявляет он. — Рейхсвер должен оставаться нейтральным». Гитлер еще раз повторяет эти слова, подчеркивая их своим тоном и усиливая их значение жестом. Повернувшись к офицеру абвера, Гитлер добавляет: «Это самый трудный, самый худший день в моей жизни. Но поверьте, я умею быть справедливым. Я еду в Бад-Висзее». Он размахивает левой рукой, пальцы которой сжаты в кулак, и, сделав несколько шагов, добавляет: «Немедленно сообщите генералу Адаму о наших планах».

Адам — командующий Мюнхенским военным округом. В его штаб непрерывно поступают сообщения. Этот округ играет главную роль во всей операции. Подполковник Кюблер, руководитель штаба Адама, всю ночь провел в своем кабинете, ожидая приказов. Сразу же после четырех утра пришло подтверждение с Бендерштрассе о том, что несколько подразделений — артиллерийских, инженерных, связи и снабжения — должны быть приведены в состояние боевой готовности. Следует также держать наготове 19-й пехотный полк, на случай если потребуется восстановить порядок на дороге, соединяющей Бад-Тёльц с двумя озерами — Шлирзее и Тегернзее. В 4.15 в Мюнхенских центральных казармах раздаются свистки. Люди бегут по коридорам, держа в руках шлемы. Подполковник Кюблер стоит во дворе, слушая привычный топот сотен тяжелых сапог по лестнице и голоса, выкрикивающие команды. Вскоре роты выстроены, и снова наступает тишина, в которой подполковник Кюблер осматривает ряды солдат.

По небу быстро разливается солнечный свет, но на земле большие предметы, силуэты и деревья все еще

окутаны тьмой. Холодный воздух создает ощущение неуверенности. Рядом с фюрером стоят Вагнер, министр внутренних дел, и гаулейтер Баварии. На бледном, тяжелом лице Гитлера застыло напряженное, обеспокоенное и усталое выражение. Со вчерашнего вечера каждый час приносит новые вести: из Берлина и Годесберга постоянно звонят, сообщая приказы Гиммлера. Вагнер стоит у машины, поясняя фюреру ситуацию в Мюнхене. В городе все спокойно. Обергруппенфюрер СА Шнейдгубер, должно быть, еще не ушел из министерства внутренних дел. Гитлер выслушивает Вагнера, а потом отдает несколько быстрых приказов: знаменитая политическая полиция Баварии, организованная Гейдрихом и Гиммлером, должна арестовать руководителей СА и совместно с СС оцепить мюнхенский вокзал, чтобы люди, вызванные Ремом, не смогли добраться до Бад-Висзее.

Наконец хлопают двери, и машины отъезжают. Офицеры рейхсвера салютуют кортежу. Вскоре машины проезжают уже первые дома мюнхенских пригородов, места, где родился нацизм. В 1933 году Гитлер начал здесь свою политическую карьеру, устроив путч. Рем находился тогда в самой гуще событий, заняв со своими штурмовиками военное министерство. Гитлер шел по улицам Мюнхена с револьвером в руках — по узкой Резиденцштрасе к Оденплац и военному министерству, где его ждал Рем. Полицейские отказались открыть двери казарм, тогда Гитлер закричал: «Сдавайтесь!» Началась стрельба. Гитлер, прячась за колонной, нырнул в желтую машину, стоявшую на Макс-Йозеф-плац. Сейчас он не может избавиться от воспоминаний о 8 и 9 ноября 1923 года, когда состоялся этот неудавшийся путч. Он едет по тем же самым серым, пустым улицам, на которых нет ни единого деревца. На перекрестках расположились, разговаривая, небольшие группы штурмовиков. Некоторые сидят на бордюре, другие стоят на тротуаре. «Мы увидели только жалкие остатки СА, которые упали духом и не знали, что их ждет. Они нуждались только в

том, чтобы Гитлер успокоил их и отпустил домой», — писал Геббельс.

Машины проезжают мимо. Люди в коричневых рубашках не видят фюрера и Геббельса и не знают, что сегодня решается судьба Германии и их собственная судьба. Многие не переставая пьют с самого вечера, другие громко разговаривают на тихих улочках, третьи поют. Никто не останавливает их, полиция уже давно поняла, что лучше не вмешиваться, а жители Мюнхена знают, что спорить со штурмовиками опасно.

Некоторые штурмовики отправились в штаб-квартиру партии — Коричневый дом, где Гитлер часто отмечал годовщины событий 1923 года и основания партии. Это главная штаб-квартира штурмовых отрядов, и со вчерашнего вечера здесь полно народу, пьющего и распевающего песни. Завтра Гитлер встретится с Ремом, и все недоразумения между СА и партией будут разрешены. Часть штурмовиков, сняв сапоги и ремни и расстегнув рубахи, спит на лавках. Это крупные мужики, у которых принадлежность к СА и возможность носить форму создали иллюзию братства и солидарности и которым привычные ритуалы, пьянство и песни помогают забыться, выбросить из головы все свои тревоги. Последние штурмовики, входящие в Коричневый дом, прокутив всю ночь в пивных барах Мюнхена, не замечают полицейских и эсэсовцев, которые неторопливо занимают позиции перед зданием. Штурмовики принимают их за часовых. Им и невдомек, что министр внутренних дел приказал пропускать в Коричневый дом всех желающих, но после пяти часов утра никого оттуда не выпускать.

Но пять часов еще не пробило. Машины, в которых приехали Гитлер, Геббельс, Лутце, Отто Дитрих, Шауб и Вагнер, останавливаются у входа в министерство. И снова Гитлер выходит первым. Он почти выпрыгивает из автомобиля. Теперь, когда настал момент действовать,

он должен двигаться очень быстро, наносить удары первым, не давая врагу возможности прийти в себя. У входа в министерство его встречают эсэсовские чины Эмиль Морис, со своим изуродованным лицом боксера, Бух и Эссер — надежные люди, которых предупредили о приезде Гитлера и которые ждали (порой долгие годы), когда наступит момент сведения счетов со своими бывшими товарищами. Приезжают небольшие группы эсэсовцев — это люди Гейдриха и Гиммлера, которых вызвал Вагнер еще до своего отъезда в аэропорт. Многие из них хорошо понимают, что настал момент, когда надо действовать решительно, приняв сторону Гитлера.

Фюрер входит в министерство. За ним идет Брюкнер, лицо его бесстрастно, а глаза подозрительно ощупывают каждого встречного человека. Коридоры освещены плохо, — кажется, что снова наступила ночь. Раздаются команды. Люди бегом выполняют их, и здание оживает.

На третьем этаже в приемной кабинета Вагнера находится заспанный обергруппенфюрер СА Шнейдгубер. Увидев Гитлера, он поднимает было руку для приветствия, но фюрер бросается к нему, вытянув руки, словно хочет схватить его. Шнейдгубер отшатывается, а фюрер кричит: «В тюрьму его!» Лицо Гитлера дергается, но он продолжает кричать, пока обергруппенфюрера не утаскивают в мюнхенскую Штаделхаймскую тюрьму.

«Предатели!» — кричит Гитлер. Все молчат. В углу кабинета Геббельс и Вагнер составляют списки людей, которые должны быть арестованы. Вагнер лично звонит группенфюреру СА Шмидту и приказывает ему немедленно явиться в министерство внутренних дел, где его ждет фюрер. Гитлер молча меряет шагами комнату, перед ним все расступаются. В кабинете собралось около тридцати человек. Их нервные, но решительные лица создают атмосферу невыносимого напряжения. Министерство внутренних дел — небольшой островок кипучей деятельности. У входа в него стоит несколько машин.

Через несколько минут в кабинет входит Шмидт. Гитлер подходит к нему и, не дав произнести ни слова, срывает с него погоны. «Вы арестованы. Предатель! Вы будете расстреляны!» На лице Шмидта выражение крайнего изумления. Лица собравшихся, с застывшими на них улыбками, полны страха, смешанного с радостью от сознания того, что они приняли правильную сторону и смерть им не грозит. «Вы будете расстреляны!» Эти слова звучат в ушах Шмидта по дороге в тюрьму.

Коричневый дом закрыт для выхода. Нескольких штурмовиков, которые хотели уйти, решительно втолкнули назад — без грубости, под объяснения часовых: «Это приказ фюрера». В огромных, продымяленных насквозь комнатах с низкими потолками просыпаютсяnochевавшие здесь штурмовики. Сышен шум голосов, раскрываются окна. Небо над Мюнхеном стало голубым. Уже почти шесть часов. Мальчики из окрестных лавок поднимают железные решетки. Штурмовики, высунувшиеся из окна, замечают грузовики с полицейскими и эсэсовцами и понимают, что Коричневый дом окружен.

Примерно в то же самое время во внутренний двор мюнхенского вокзала въезжают грузовики рейхсвера. Покидать машины разрешено только сержантскому составу. Солдаты прибыли сюда в качестве подкрепления и вступят в действие только в том случае, если эсэсовцам потребуется помощь. Чернорубашечники заняли позиции на платформе. Первые чиновники, несущие в руках неизменные черные портфели и приехавшие в Мюнхен на работу, с изумлением глядят на эсэсовцев, задача которых заключается в том, чтобы перехватить руководителей СА еще на перроне.

Другие эсэсовцы собирались у министерства внутренних дел. Время от времени кто-нибудь из них или группа из двух или трех человек, сопровождаемые сотрудниками политической полиции Баварии, садятся в машины и быстро уезжают — команды убийц отправляются на поиски своих жертв.

Незадолго до шести часов солнце светит уже вовсю, позолотив верхние этажи зданий, но не разогнав серых теней, которые залегли на дне улиц. Адольф Гитлер выходит из министерства внутренних дел. Его кожаный плащ, затянутый ремнем, испачкан, шляпу он по-прежнему держит в руках. Движения его резки и отрывисты. Он поворачивает направо и налево голову, осматривая улицу, явно нервничая и словно опасаясь чего-то. Позади него идет Геббельс с бледным улыбающимся лицом. Эсэсовцы салютуют. Фюрер несколько мгновений раздумывает. Одни эсэсовцы реквизируют такси, другие садятся в оставшиеся служебные машины. Но Гитлер еще не дает сигнала к отправлению. На верхней ступеньке крыльца стоит Вагнер, скрестив на груди руки. Он остается в Мюнхене, чтобы контролировать ситуацию и предотвратить ответные действия СА. Кроме того, он должен отправить в тюрьму тех штурмовиков, которые заперты в Коричневом доме. Через несколько минут кортеж отъезжает, с машиной фюрера во главе.

В центре города уже кипит жизнь. Машины быстро проезжают по широкому проспекту Таль, приближаясь к улице, которая, миновав площадь Изар-Тор, приведет к мостам через Изар. В это время года вода в реке стоит еще высоко, мощное течение бьет об устои моста, образуя невысокие белые волны. Но вот мосты остались позади, и впереди лежит длинная прямая Розенхаймерштрассе, а километрах в пятидесяти к югу отсюда, на берегу Тегернзее, стоит пансионат «Ханзельбауэр», в котором спокойно спят Рем и его товарищи. Машины проезжают пригороды Мюнхена, и дорога вырывается на просторы полей. В отдалении виднеется темная стена леса, окутанная серым туманом.

В Берлине, в квартире Чиршского, звонит телефон. Секретарь вице-канцлера Папена снимает трубку и спрашивает, кто говорит, но позвонивший молча вешает трубку, — вероятно, он проверял, дома ли Чирский.

На Принц-Альбрехт-штрассе, 8 поступают сообщения. Несмотря на ранний час, Гейдрих и Гиммлер уже давно на работе — они появились почти сразу же после того, как Гитлер вылетел из Бонн-Хангенлара. Всего несколько минут назад позвонил Вагнер и предупредил, что Гитлер отправился в Бад-Висзее и что ему требуется присутствие Рудольфа Гесса в Мюнхене.

Глава 2

Суббота 30 июня 1934 года

Бад-Висзее, пансионат «Ханзельбауэр»

6.30

Дорога быстро взбирается вверх среди полей, ровный золотой свет сияет на полированных кузовах лимузинов. Оставшийся позади Мюнхен кажется отсюда скоплением серых кубиков, разбросанных по равнине, с отдельными высокими зданиями, пронзающими туман, окутавший город. Вскоре дорога входит в темный лес, деревья которого растут так близко, что их ветви переплетаются между собой, а темные березы касаются своими ветвями деревьев, растущих на другой стороне дороги. Прохладный, сырой воздух лесной чащи окутывает машины, и звук моторов становится глушше. Фюрер молча сидит рядом с водителем головной машины. Позади него без умолку трещит Геббельс, пытаясь словами воссоздать схему заговора СА. Гитлер молчит. Прошло уже более суток, как он бодрствует. После бессонной ночи с ее сомнениями, ожиданием и принятием окончательного решения на него навалилась смертельная усталость. А потом еще это долгое путешествие по земле и по воздуху. На изможденном лице Гитлера написаны усталость и раздражение от недосыпания, глаза его покраснели, а веки стали тяжелыми. Он открыл окно, и холодный сырой воздух, пахнущий лесом, овеивает его лицо и ерошит

волосы. Воротник его плаща поднят, руки скрещены на груди. Он уселся поглубже в кресло и глядит прямо перед собой. Дорога, по которой они едут, приведет его к старому боевому товарищу Эрнству Рему.

Проехав около 30 километров, машина сворачивает на другую дорогу, которая уходит еще глубже в лес. Она очень узка, и ветви деревьев образуют над ней низкий, неровный свод, а порой даже скребут по крыше. В конце дороги виднеется озеро Тегернзее, которое еще окутано мраком уходящей ночи. В его воде отражаются крутые, поросшие лесом склоны гор, вершины которых уже купаются в утренних лучах.

Водитель снижает скорость, дорога идет по западному берегу озера. Звук моторов на открытом пространстве после лесной тишины кажется особенно громким. Он словно предупреждает всю округу о приближающейся расправе. Когда они проезжают первую деревню, Гмунд, фюрер высовывается в окно. Деревня представляет собой скопление домов вокруг церкви — красивого сооружения XVII века. У сарай работает группа крестьян, а старая женщина гонит на пастбище коров. Миновав деревню, они проезжают знак, показывающий, что до Бад-Висзее осталось 4,8 километра.

На заднем сиденье машины Гитлер офицер рейхсвера, представляющий генерала Адама и абвер, молча слушает разглагольствования министра пропаганды. Неожиданно к нему поворачивается фюрер: «Я знаю, что вы долгое время служили под началом генерала фон Шлейхера». Офицер не успевает ответить. Гитлер говорит очень быстро: «К сожалению, должен сообщить вам, что правительство вынуждено начать следствие по его делу. Он подозревается в контактах с Ремом и иностранными государствами». Сказав это, Гитлер умолкает и снова поглубже усаживается в кресло.

В этот час в Потсдаме улица Грибницзее, на которой стоит вилла Шлейхера, тиха и пустынна. Генерал фон Шлейхер готовится к своей обычной утренней зарядке.

Он совершенно спокоен и не испытывает никакой тревоги. Поросшая лесом гора Бабельсберг, виднеющаяся из его окна, покрыта легким туманом, над которым раскинулось голубое июньское небо.

Голубое небо отражается и в темных водах Тегернзее. Машины едут теперь медленнее, но воздух наполнен ревом моторов, который отражается эхом от окружающих озера гор. Вот уже показались первые дома Бад-Висзее. Грузовик с эсэсовцами лейбштандарта «Адольф Гитлер» и их командиром Зеппом Дитрихом ждет у последнего поворота дороги. Кортеж проезжает не останавливаясь — сейчас дорога каждая минута. У пансионата «Ханзельбауэр» эсэсовцы, не дождавшись полной остановки грузовика, спрыгивают с него и с револьверами в руках бегут к зданию. Ставни пансионата еще закрыты. Шаги эсэсовцев смягчает мох. Они окружают большое белое здание, а офицеры СС жестами показывают, куда кому идти. Веселое щебетание птиц только усиливает царящую вокруг тишину.

Гитлер стоит у главного входа, рядом с ним Брюкнер и Эмиль Морис, оба они вооружены. Операция начинается. Эсэсовец пинком распахивает дверь, раздаются громкие крики и хлопанье дверей. Горничных грубо отбрасывают с дороги. Позже Геббельс вспоминал: «Не встретив никакого сопротивления, мы быстро проникли в дом и, застав заговорщиков в постели, тут же арестовали их. Аресты начал сам фюрер».

В пансионате «Ханзельбауэр» все еще спят. Двери грубо распахиваются ногами, некоторые из них слетают с петель, и эсэсовцы с револьверами в руках, громко крича, рассеиваются по всему дому. В получьме изумленных штурмовиков, не успевших еще до конца проснуться, пинками и руганью выгоняют в коридор. Граф Шпетти, мюнхенский штандартенфюрер, не успевает даже подняться с постели. Его, полуодетого, вытаскивают оттуда и, осыпая грязными ругательствами, вытихивают в коридор. В другой комнате эсэсовцы обнару-

живают в постели Эдмунда Хайнеса — молодого штурмовика, которого он оставил у себя на ночь. Геббельс позже отмечал: «Это было отвратительное зрелище, от которого меня чуть не стошнило». Хайнес, оскорблённый, арестованный и предупрежденный о том, что в случае неповиновения будет убит на месте, все-таки пытается оказать сопротивление. Тогда Брюкнер ударом кулака валит его на пол. Хайнес никак не может понять, что происходит. «Я ни в чем не виноват, — кричит он Лутце. — Вы же это прекрасно знаете. Помогите мне, я ни в чем не виноват». Но Лутце коротко отвечает: «Ничем не могу вам помочь».

Шум в коридоре неожиданно стихает. Гитлер и несколько эсэсовцев останавливаются у двери в комнату Рема. Фюрер держит в руке револьвер. За тонкой деревянной перегородкой лежит его старый товарищ, его прошлое, часть его собственной жизни, которую он должен будет сейчас отсечь. Полицейский стучит в дверь, но тут Гитлер начинает бешено колотить в нее, а когда Рем спрашивает, кто там, называет себя. Руководитель штаба СА открывает дверь, и Гитлер врывается в комнату, выкрикивая оскорблений, обвиняя Рема в предательстве, угрожая ему и снова крича об измене. Рем стоит, голый по пояс, его красное лицо опухло ото сна, а на дряблых щеках отчетливо видны следы шрамов. Сначала он молчит, но потом, постепенно приходя в себя, начинает протестовать. Гитлер все кричит, обвиняя Рема в наглости, а потом заявляет ему, что он арестован. После этого фюрер бежит в другие комнаты арестовывать других, оставив эсэсовцев охранять Рема, который, лишившись власти, превратился в простого неуклюжего толстяка, с трудом одевающегося под насмешливыми взглядами эсэсовцев. В другой комнате арестовывают штандартенфюрера Юлиуса Ула. Позже, рассказывая о разгроме СА, Гитлер заявит: «В своих рядах они выбрали человека, который должен был убить меня. За несколько часов до своей смерти штандартен-

фюрер Ул признался, что готов был выполнить такой приказ».

Арестованных, одного за другим, заталкивают в подвал, где их охраняет усиленный наряд эсэсовцев и агентов политической полиции Баварии. Гитлер, Геббельс, Лутце, Брюкнер, Морис и Дитрих выходят в сад, который разбит на берегу озера. Озеро перерезает бледная полоса света; ветерок гонит по нему легкую рябь. Стоит тишина, вокруг растут высокие деревья, мох и трава, покрытая росой. Геббельс смеется, а эсэсовцы начинают громко разговаривать. В их голосах слышится радость людей, достигших желанной цели с гораздо меньшими затратами, чем они предполагали. Гитлер стоит в гуще людей и молчит. Он слушает, как его соратники обсуждают подробности ареста штурмовиков. Гитлер молчит. Он разыграл свою партию и победил. Напряжение постепенно спадает. Но Гитлер понимает, что игру надо довести до конца, — о полной победе можно будет говорить только тогда, когда все его враги будут мертвы.

Неожиданно раздается звук автомобильных моторов. Геббельс вспоминает этот момент так: «В эту минуту из Мюнхена прибыла штабсвахе, личная охрана Рема. Гитлер велел ей возвращаться назад». Эти два скучных предложения свидетельствуют о том, что все еще могло повернуться по-иному. Штурмовики из штабсвахе безраздельно преданы Рему и готовы защищать его до последнего вздоха. Вооруженные до зубов, они спрыгивают с грузовика. Их офицеры с изумлением глядят на эсэсовцев и на пансионат «Ханзельбауэр». Они еще не знают, что их командир Юлиус Ул арестован и сидит в подвале вместе с Ремом. Они топчутся на месте, не зная, что делать. Эсэсовцы в наступившей тишине тоже смотрят на них. Момент критический. Гитлер делает несколько шагов к штурмовикам. Среди всех этих вооруженных людей он — высшая воля и власть. Офицеры СА салютуют ему. Гитлер начинает говорить; голос его с каждым словом становится все крепче и увереннее. «Я — ваш

фюрер. Вы подчиняйтесь мне. Возвращайтесь в Мюнхен и ждите моих указаний». Офицеры СА обмениваются взглядами и забираются в грузовик, который медленно уезжает. Еще несколько минут слышен звук его моторов, но потом снова наступает тишина.

Никто не говорит о появлении штурмовиков, но и смеха больше нет. Все молчат. Раздаются команды, и пленников — Ула, Шпрети, Рема и их товарищей — заталкивают в машины. Хлопают дверцы, в хвост колонны пристраивается грузовик с эсэсовцами из лейбштандарта. Гитлер садится в первую машину, занимая свое место рядом с шофером, и дает сигнал отправляться.

Ярко светит солнце. Озеро уже почти полностью освещено его лучами. Ветерок стих, и вода теперь гладкая, как стекло. Воздух кажется неподвижным, как это часто бывает летом в горах сразу же после рассвета, еще до того, как жара приведет природу в движение. Машины снова едут по берегу озера, но на этот раз Гитлер жестом приказывает повернуть в другую сторону. Они вернутся в Мюнхен по южному, а не по северному берегу, обехав Тегернзее кругом. Гитлер осторожничает. Отъезд охраны Рема его не успокоил. Вдруг штурмовики вздумают вернуться в пансионат и наткнутся на колонны машин со своими арестованными руководителями! Если ехать по южному берегу, то шансы встретиться с охраной Рема уменьшаются. Офицеры этой охраны, наверное, очень встревожены и растеряны. Им все могло показаться странным: и присутствие в пансионате Гитлера в такую рань, и вооруженные эсэсовцы, и пустое с виду здание «Ханзельбауэра». Гитлер не ошибся — штурмовики и вправду решили остановиться между Висзее и деревней Гмунд, но колонна с арестованными проехала по другому берегу.

Висзее, Роттах-Эгерн, Тегернзее — все эти маленькие городки постепенно просыпаются. Недавно пробило семь часов, и, проезжая через них, колонне пришлось сбить ход: узкие улочки перегорожены фургонами,

которые развозят по лавочкам продукты и товары. Как велик контраст между колонной черных машин, во главе которой едет сам канцлер рейха, колонной, полной вооруженных людей, которые везут на смерть своих бывших товарищей, колонной, которой управляет сама история, и простыми людьми, стоящими у дверей своих магазинов, разгружающими ящики, развязывающими пакеты, завтракающими под деревьями и не подозревающими, что мимо них только что проехали сам фюрер и их собственная судьба! Они не видят Гитлера, они и представить себе не могут, что он может ехать по их городу во главе конвоя. Гитлер тоже не видит их — этих неведомых ему отдельных частиц, из которых состоит немецкий народ. Он поглощен мыслями об операции, которая соединяет воедино разные моменты его жизни и от которой зависит его судьба. Он лично заинтересован в ее успешном завершении, так же как и в тот вечер 8 ноября 1923 года, когда с револьвером в руке он перебил речь президента Баварского совета и, вскочив на стул и выстрелив в воздух, крикнул: «Национальная революция началась!» Правда, в те дни он проиграл.

Колонна снова проезжает деревню Гмунд. Озеро осталось позади, и дорога идет через лес, к тому месту, где она соединяется с Мюнхенским шоссе. Гитлер отдает приказ снизить скорость — здесь они могут встретиться с руководителями штурмовиков, которые едут в Бад-Висзее на встречу с ним. Их надо перехватить. Часть машин поворачивает влево, перегородив дорогу на Висзее. Геббельс позже вспоминал об этом моменте: «Когда они [штурмовики] достигли контрольного пункта, их машинам было велено остановиться, а сидевших в них подвергли быстрому допросу. Тех, чья вина не вызывала сомнений, сразу же арестовали и отдали под охрану эсэсовцев, ехавших в нашей колонне, остальным же было приказано присоединиться к нам и возвращаться в Мюнхен».

Этот грубый допрос в лесу, эсэсовцы, с оружием в руках остановившие машины, больше напоминают напа-

дение банды разбойников, чем полицейскую проверку в современном государстве. Эсэсовцы ведут себя как бригады, наводнившие страну во время Тридцатилетней войны. Одной из первых была остановлена машина Петера Хейдебрека. Брюкнер и Гитлер, а за ними несколько эсэсовцев бросились к Хейдебреку. Группенфюрер СА — худой, костлявой мужчина. Во время войны он лишился руки, а потом стал одним из создателей Добровольческого корпуса. Он сражался в Силезии и в 1922 году вступил в партию нацистов. В июне 1934 года Гитлер присвоил его имя деревне, расположенной на границе с Польшей. Здесь, в окружающем ее лесу, Хейдебрек и его солдаты ожесточенно сражались с поляками, не желая подчиниться условиям навязанного Германии Версальского договора. Хейдебрек в изумлении глядит на направленные на него револьверы эсэсовцев. Канцлер спрашивает его: «Вы верны Рему?» Хейдебрек отвечает утвердительно. Его тут же окружают и с руганью тащат в машину, где уже сидят Ул и Шпрети. У Шпрети измученный и подавленный вид, а на лице Ула застыла гримаса горечи и отчаяния. Оба они прекрасно понимают, что их ждет расстрел. Увидев их, Петер Хейдебрек тоже это понимает и без единого слова позволяет затолкнуть себя в машину.

Недалеко от Мюнхена кортеж встречается с колонной грузовиков рейхсвера. Солдаты 19-го пехотного полка направляются в Тегернзее и Бад-Тёльц. Грузовики движутся медленно, они патрулируют местность, но вокруг все спокойно.

Улицы Мюнхена забиты машинами. Девятый час утра. Автобусы, в которых рабочие едут на заводы, движутся к центру города. На воде Изара играют солнечные блики. Несмотря на ранний час, над городом уже висит смог. На всех остановках выстроились длинные очереди, люди терпеливо ждут автобусов. На улицах много мотоциклистов, которые в нетерпении ожидают, когда постовой на перекрестке разрешит им поворот. Колон-

на замедляет ход и останавливается. К машине Гитлера подбегает эсэсовец. Адольфа Гитлера никто не замечает — мюнхенцы даже не поворачивают голову в сторону черных машин, поскольку прекрасно знают, что лучше ничего не видеть.

Остановка продолжается всего несколько секунд. Эсэсовцы, везущие арестованных руководителей СА, направляются к Штаделхеймской тюрьме. Фюрер и другие лидеры партии едут на Центральный вокзал Мюнхена, куда, должно быть, уже прибыл поезд с офицерами СА. Фюрер сам хочет присутствовать при их аресте. Подобно главарю шайки бригантов, авантюристу или главе государства, он хорошо понимает, что некоторые вещи надо делать лично.

Центральный вокзал — огромное серое здание, расположенное рядом со зданием суда в самом центре Мюнхена, в одном из старых кварталов, где в конце XIX века были проложены рельсы железной дороги. Машины паркуются в одном из внутренних дворов в северной части вокзала. Грузовики рейхсвера все еще здесь, одни солдаты сдвинули шлем на затылок, другие дремлют. Гитлер с напряженным и измученным лицом выходит из машины, и к нему сразу же бросаются эсэсовцы. Они сообщают, что из Берлина прибыл Гесс, который ждет его в кабинете начальника вокзала. Нацисты во главе с Гитлером, над которым возвышается долговязая фигура Брюкнера, в сопровождении вооруженных эсэсовцев, проходят в здание вокзала. Геббельс старается не отставать от них. Шум и гам, царящие в зале, перекрывает голос громкоговорителя, который объявляет, что прибывшие руководители СА должны отметить на контролльном посту, расположенному в кабинете номер 1, и ждать там дальнейших указаний. На всех платформах эсэсовцы внимательно изучают проходящих пассажиров. Когда прибывает берлинский поезд, офицеры СС запрыгивают на ступеньки вагонов и, пройдя внутрь, начинают проверять документы у пассажиров, заходя в каждое

купе. Все штурмовики, которых просят следовать за штандартенфюрерами и оберфюрерами СС, охотно подчиняются. Они не имеют никакого понятия, что их ждет, и думают, что эсэсовцы отвезут их в Бад-Висзее на встречу с Ремом и Гитлером. Никто из них ни о чем не подозревает. Все они думают о месячном отпуске, который начнется завтра. Большинство еще не до конца проснулись после ночи, проведенной в вагоне, и тяжелой походкой идут рядом с эсэсовцами, смешавшись с толпой простых пассажиров, которые уже привыкли к тому, что черные и коричневые униформы часто соседствуют друг с другом. Так были взяты обергруппенфюреры фон Крауссер и Хайн, группенфюреры Георг фон Деттен и Ганс Иоахим фон Фалькенхаузен и многие другие. Когда они начинают спрашивать, что происходит, или выражают протест, уже слишком поздно — их разоружают и ведут к черным машинам. Окруженных эсэсовцами или сотрудниками политической полиции Баварии штурмовиков просят сесть в машину. Тех, кто сопротивляется, грубо вталкивают туда. Автомобили тут же отправляются в Штаделхаймскую тюрьму, а город, занятый своими заботами, не обращает на это никакого внимания.

Доктор Роберт Кох, директор тюрьмы, образцовый чиновник. Он состоит в партии, но подобно многим немцам, не одобряет крайностей. Он глубоко чтит законы и предписания, и этот день, суббота 30 июня 1934 года, станет для него одним из самых тяжелых дней его жизни. Около шести часов утра ему позвонили из министерства внутренних дел. Министр Вагнер лично сообщил ему, что сегодня ему предстоит принять многих офицеров СА, обвиненных в измене, он должен поместить их под усиленный надзор. Кох тут же уточняет, сколько пустых камер в его тюрьме, и ждет развития событий. Но они развиваются таким образом, что он не может прийти в себя от изумления. Сначала в тюрьму привозят Шнейдгубера и Шмидта, а через несколько часов — самого Рема, с Хайнесом, Шпрети и Хейдебреком,

иными словами, всю элиту СА под охраной эсэсовцев. Сильнее всех буйствует штандартенфюрер Ул, который заявляет Коху, что жалеет, что не убил Гитлера еще ночью, пока у него не отобрали револьвер. Потом привозят штурмовиков более мелкого пошиба, взятых на вокзале. К девяти часам все камеры заполнены, и, посоветовавшись со своими офицерами, Кох приказывает отводить вновь прибывших на тюремный двор. Штурмовиков сторожит усиленная охрана, состоящая из эсэсовцев. По их отношению видно, что люди в коричневых рубашках, все эти офицеры СА с нацистскими нарукавными повязками и многочисленными наградами, эти славные «старые бойцы», вчера еще уважаемые всеми товарищи, превратились в побежденных и отверженных зэков. Когда кто-то из руководителей СА, измученный долгим пребыванием на солнце, попросил принести воды, чтобы напиться, эсэсовцы, не говоря ни слова, взяли винтовки наперевес и выгнали их снова на солнцепек.

Некоторые штурмовики сидят на земле, укрывшись в тени, которую отбрасывают высокие тюремные стены. Измученные переездом и потрясенные неожиданным арестом, они покорно ждут решения своей участи. Многих охватил фатализм, столь распространенный среди профессиональных военных, которые знают, что в иные моменты лучше всего просто довериться судьбе и пассивно ждать, не думая о том, что тебя ожидает. Другие возмущаются, задают вопросы. Третья пытаются найти объяснение происходящему, — может быть, армия, поддержанная консерваторами, совершила в стране переворот? Есть и такие, которые надеются, что Гитлер, которого, по их мнению, просто дезинформировали, быстро во всем разберется и выпустит их отсюда. Те, кто видел фюрера в пансионате «Ханзельбауэр», отмалчиваются — они-то знают, что Гитлер их предал, но никак не могут понять почему. Человек, которому они помогли сделать политическую карьеру, который лично знаком с ними,

который много раз запросто заходил к ним в гости в Коричневый дом, который отправил Рему теплое поздравительное письмо, — этот человек явился с револьвером в руках арестовывать их!

Пока в заключенных растут страх и бессильный гнев, Гитлер на вокзале выслушивает доклады эсэсовцев и министра Вагнера. Гесс, Геббельс и Лутце находятся здесь же. Операция проходит успешно, без малейших сбоев. Штурмовики, которых обвиняют в подготовке переворота, не подозревают об этом и безропотно позволяют арестовать себя. Время от времени, словно пытаясь убедить в этом присутствующих, Геббельс повторяет, что путч СА задавлен в зародыше, но всем уже и так ясно, что предлог уже больше не нужен. Операция сама себя оправдывает, поскольку она началась и, кажется, завершится успешно. Генерал фон Эпп, штатгальтер Баварии, старый офицер рейхсвера с лицом ястреба, который с самого начала поддерживал нацистов, по телефону заверяет Гитлера, что в Баварии все спокойно. Войска находятся в состоянии боевой готовности, но уже и так ясно, что их помощь не понадобится. Тем не менее канцлер может на них рассчитывать.

Фюрер решает вернуться в Коричневый дом, расположенный на Бриннерштрассе, всего в нескольких сотнях метров от вокзала. Кортеж машин снова появляется на улицах. Он покидает Центральный вокзал незадолго до десяти часов. На улицах царит спокойствие. В густой, по-летнему красочной толпе выделяются белые рубашки мужчин, которые несут в руках свои пиджаки. В центре Мюнхена с его парками, дорогими магазинами, ресторанами и памятниками царит праздничная атмосфера, атмосфера летнего веселья. Машины проезжают мимо статуи курфюрста Максимилиана I, возглавлявшего во время Тридцатилетней войны Католическую лигу, когда смерть косила немцев, словно чума. Теперь

другой лидер новой лиги, канцлер Гитлер, входит в Коричневый дом на Бриннерштрассе. Здание охраняется эсэсовцами, а солдаты рейхсвера заняли позиции на соседних улицах. Тротуар перед Коричневым домом пуст — полицейские приказали пешеходам перейти на другую сторону улицы.

Ровно в десять часов в субботу 30 июня Гитлер входит в штаб-квартиру партии. После короткого разговора с ним Геббельс, все это время следовавший за фюрером как привязанный, просит соединить его со штаб-квартирой Геринга в Берлине. Он произносит в трубку всего одно слово — «колибри».

Это означает, что убийцы в Берлине могут приступать к действиям.

Глава 3

Суббота 30 июня 1934 года

Берлин

Около семи часов утра Чиршский, встревоженный ночным звонком, отправляется в офис вице-канцлера. Берлин пока еще спит, а начинающийся день обещает быть солнечным и жарким. По улицам движутся муниципальные поливальные машины, и вода ярко сверкает на свежевымытом асфальте. Везде царят мир и покой, однако Чиршский замечает, что правительственные здания окружены полицейскими машинами. Впрочем, усиленные меры безопасности применяются уже несколько дней. Полиция Берлина находится в состоянии боевой готовности, она в любой момент может приступить к действиям, но уже дважды в конце дня ее выпускали по домам. Впрочем, вчера вечером этого не произошло. Полицейские машины остались на своих постах, а город наводнили патрули. По пустым улицам, на которых встречаются лишь редкие прохожие, медленно проезжа-

ют две или три черные машины и несколько армейских грузовиков, в кузовах которых с бесстрастным видом сидят эсэсовцы.

Чиршский пытается выяснить, что происходит, но в министерстве внутренних дел никто ничего не знает. Даже Далюег, начальник полицейской службы министерства, не получил никаких указаний от Геринга, который принимает все решения самолично. Все это кажется Чиршскому весьма странным, тем более что он знает, что в информированных кругах давно уже догадываются о приближении крупных событий — тому существует слишком много свидетельств. Даже таинственный ночной звонок не особенно удивил Чиршского — он стал еще одним доказательством того, что ожидаемые события надвигаются.

Именно поэтому он так рано прибыл на работу и идет сейчас по коридору к своему кабинету. Не успевает он войти туда, как звонит телефон. Это Геринг. Он хочет видеть вице-канцлера по крайне срочному делу. Чиршский уже не сомневается: произошло или вот-вот произойдет нечто из ряда вон выходящее.

Каждый день Франц фон Папен, с методичной аккуратностью прусского офицера, воспитанного в Лихтерфельдском кадетском училище, ровно в девять часов входит в свой рабочий кабинет. Чиршский, однако, ни минуты не колеблясь, звонит ему домой и вызывает на работу, хотя до девяти еще далеко. Позже Папен вспоминал: «Он позвонил мне из моей канцелярии и попросил прийти как можно быстрее... Прибыв туда, я узнал, что срочно понадобился Герингу».

Нет еще и 8.30, но Берлин постепенно оживает. В том районе города, где расположены министерства, из метро появляются первые группы чиновников.

На Вильгельмплац продавец сигар осторожно везет свою тележку на угол площади. Он стоит здесь каждый день, перед дворцом принца Леопольда, ожидая обеденного перерыва, когда чиновники министерств затопят

всю площадь и начнут прогуливаться у колонн «Кайзерхофа» и статуй героев Семилетней войны.

Когда Папен и Чиршский пересекают площадь, направляясь в здание на Лейпцигерплац, получившее в обиходе прозвище дворца Геринга, становится уже совсем жарко. Дворец, окруженный садом и обнесенный высокой позолоченной чугунной оградой, стоит в глубине. Метрах в тридцати от него все как обычно, но, подойдя поближе, Папен и Чиршский замечают отряды полиции и СС. «Все еще не имея ни малейшего представления о том, что происходит, — пишет Папен, — я направлялся в кабинет Геринга в министерстве авиации. И только тут до меня дошло, что вся площадь перед зданием кишит эсэсовцами, которые были вооружены пулеметами». Во дворе министерства стоят вооруженные до зубов полицейские и эсэсовцы. На балконах и на крышах расположились солдаты, нацелив свои пулеметы на входные ворота и готовые в любую минуту открыть огонь. Чтобы попасть в большой приемный зал, Папену и Чиршскому пришлось пройти несколько пропускных пунктов. Высокомерные часовые-эсэсовцы наблюдают за всеми, кто входит и выходит. Вице-канцлера Папена и Чиршского несколько раз властным тоном спрашивают, куда они направляются. Наконец их вводят в кабинет Германа Геринга, заставленный многочисленными безделушками. Здесь царит напряженная атмосфера. Одно за другим поступают сообщения; непрерывно вбегают и выбегают адъютанты, агенты СС и гестапо. Здесь же находится и Гиммлер. Гизевиус вспоминает, что Геринг, со встрепанными волосами, говорил не умолкая. «В своей белой рубашке, серо-голубых военных брюках и сапогах выше колен... он напоминал кота в сапогах или какого-нибудь другого сказочного персонажа». Гиммлер же, напротив, ведет себя сдержанно и замкнуто, но его глаза за тонкими стеклами очков свидетельствуют о решимости, хитрости и терпении. Геринг разговаривает с Папеном с насмешливым снисхождением: министр-

президент Пруссии, бывший летчик и наркоман, играет роль, соответствующую силе его страсти и жестокости. Он говорит с уверенностью человека, находящегося во главе событий, человека, который прекрасно знает, что происходит. «Он сообщил мне, — пишет Папен, — что Гитлер вынужден был вылететь в Мюнхен, чтобы подавить мятеж, поднятый Ремом, и что фюрер передал ему всю полноту власти для разгрома восстания в столице».

Геринга постоянно перебивают посыльные, приносящие ему сообщения, поступившие по телефону. Пили Кёрнер (секретарь Геринга) только что прибыл с огромным досье. Геринг начинает листать его, а Папен подходит поближе. «Я сразу же выразил протест — Гитлер мог передать власть в столице только мне, своему заместителю», — пишет Папен.

Так требует закон, но Геринг не слушает Папена. Если вице-канцлер до сих пор еще не понял, что, с тех пор как законы стали писать нацисты, страна подчиняется не статьям Конституции, а военной силе, то ему достаточно оглянуться по сторонам. Он увидит многочисленных часовых, эсэсовцев и полицейских, а если еще выглянет из окна, то заметит грузовики, набитые вооруженными людьми, которые выезжают со двора, чтобы доставить этих людей в любой район столицы. Естественно, что Геринг не соглашается уступить свое место Папену. Отвергает он и предложение сообщить о происходящем Гинденбургу и объявить в стране чрезвычайное положение, во время которого обязанность восстановления порядка в стране возлагается на рейхсвер.

Однако сам рейхсвер под командованием генералов Бломберга и Рейхенау не является нейтральным. Папен либо глубоко наивный человек, либо плохо информирован. Геринг широким жестом отмечает аргументы вице-канцлера и углубляется в изучение последних сообщений, не обращая больше никакого внимания на своего собеседника. «Мне пришлось уступить, — отмечает Папен. — Имея в своем распоряжении полицию и военно-

воздушные силы, Геринг занимал более прочное положение, чем я». Папен снова начинает настаивать на том, чтобы поставить в известность президента страны, но Геринг высокомерно дает ему понять, что говорить больше не о чем. Зачем беспокоить Гинденбурга, раздраженно произносит министр авиации, если благодаря СС он, Геринг, держит ситуацию под контролем.

В соседнем зале царит обычная суэта. Телефоны на коммутаторе непрерывно звонят. Когда Папен заводит речь о нарушении закона, Гиммлер выходит из кабинета Геринга. В приемной Чиршский смотрит, как рейхсфюрер разговаривает по телефону, — видимо, разговор очень важный. Он весь поглощен им и настроен очень решительно. Хотя Гиммлер говорит очень тихо, секретарю Папена удалось расслышать такую фразу: «Настало время покончить с этим. Можете там все очистить». А вдруг он имеет в виду Канцелярию вице-канцлера, которую гестапо считает гнездом оппозиции? Чиршский пытается предупредить Папена, возвратившись в кабинет Геринга сразу же за Гиммлером, но Геринг теперь уже почти кричит на вице-канцлера: «Вы бы лучше позаботились о своей собственной безопасности. Сейчас же отправляйтесь домой и никуда не выходите, не предупредив меня».

Гиммлер передает Герингу сообщение, а Папен снова пытается возражать: «Я сам позабочусь о своей безопасности. Я не собираюсь садиться под домашний арест». На этот раз Геринг даже не удостаивает его ответом; он игнорирует Папена, словно переданное Гиммлером послание усилило и без того пренебрежительное отношение Геринга к вице-канцлеру. Чиршский сообщает Папену о своих опасениях, и они уходят. В приемной на стуле, охраняемый эсэсовцем, сидит офицер СА, закрыв руками лицо. Это группенфюрер СА Каше, которого взяли прямо на улице, когда он выходил из своего дома, и привезли сюда. Он никак не может понять, за что его арестовали, и до смерти напуган. На улице сол-

нечный свет яркого летнего дня после полутишины кабинета Геринга просто ослепляет. Папен и Чиршский пересекают шумный двор. Его охрана, похоже, еще больше усилилась.

Когда вице-канцлер и его помощник подходят к воротам министерства, им преграждают дорогу офицер СС и двое часовых. У них тяжелые, отстраненные лица людей, чьи приказы не подлежат обсуждению.

— Выпускать никого не велено, — резко произносит офицер.

Он глядит прямо в лицо Чиршскому. Заложив руки за спину, имея двух часовых по бокам, он выглядит как само воплощение грубой силы. Чиршский не привык, чтобы с ним так разговаривали.

— В чем дело? Господин фон Папен имеет правоходить где захочет.

Его тон звучит властно и высокомерно. Но это не производит никакого впечатления на офицера — тот даже не шевельнулся.

— Выпускать никого не велено.

Губы молодого офицера еле двигаются. Глаза его смотрят неподвижно, а лицо, наполовину закрытое шлемом, бесстрастно и больше похоже на лишенную индивидуальности маску, чем на лицо обычного человека. Кажется, что она принадлежит не живому существу, а какому-то злому духу, временно воплотившемуся в живую плоть.

— Боитесь, что на вас нападут? — кричит Чиршский.

Но его слова остаются без ответа. Тогда секретарь Папена бежит обратно в здание. Пересекая зал, он натыкается на адъютанта Геринга, Карла Боденштатца, который смотрит на него с удивлением:

— Вы уже вернулись?

Их окружает атмосфера спешки и жестокости. Голоса, отдающие приказы, щелканье каблуков, телефонные звонки — все это создает почти невыносимое напряжение.

— Нас не выпускают, — просто отвечает Чиршский.

Папен стоит на залитом солнечным светом дворе, на лице его застыла горькая, презрительная усмешка. Боденшатц кричит, отдавая приказ открыть ворота: «Мы еще посмотрим, кто здесь командует — премьер-министр или СС».

Наконец, после того, как эсэсовец ушел проверять приказ, тяжелые ворота раскрываются, и Папен с Чиршским оказываются на улице.

Если не обращать внимания на отряды полицейских, то жизнь в городе течет как обычно. На Вильгельмплац продавец сигар сидит в тени своей тележки, открытые ящики аккуратно разложены под навесом. Но клиентов еще нет; он читает газету, где подробно описывается инспекторская поездка Гитлера по трудовым лагерям Вестфалии.

Начало десятого. Из окон министерства внутренних дел видно, как ветерок, дующий от Бранденбургских ворот вдоль Унтер-ден-Линден, колышет листья на каштанах и липах. Гизевиус стоит, глядя на величественный столичный бульвар.

Он приехал сегодня в министерство очень рано. Он тоже знает, что полиция всю ночь находилась в состоянии боевой готовности, а его друг Небе рассказал ему, что Геринг поручил ему следить за порядком в столице и охранять покой граждан. Небе должен был позвонить ему вечером, но почему-то не позвонил. Наверное, случилось что-то непредвиденное. Теперь, глядя на липы и каштаны, он слушает, как громко возмущается его босс, Карл Далюег. Геринг три раза поднимал по тревоге прусскую полицию, не известив его об этом, что является грубым нарушением обычной процедуры. Он решил обратиться прямо к Герингу и, как «старый друг», высказать ему в лицо все, что он о нем думает. Гизевиус одобряет план босса, но в эту минуту звонит телефон. Это Геринг. Он вызывает Далюега к себе.

Гизевиус остается один на один со своими вопросами и сомнениями. Жизнь в министерстве течет по своему обычному распорядку. Часовые стоят на постах, и повсюду слышен неумолчный треск печатных машинок. Центральный орган полиции рейха с виду функционирует отлаженно и эффективно. События, происходящие в столице, его не касаются. Геббельс, Гиммлер, Гейдрих, гестапо, СС и СД совместными усилиями соорудили капкан, находящийся вне контроля обычных силовых структур, и теперь, когда Гитлер дал приказ действовать, в него начали попадать первые жертвы. Министерство функционирует нормально, но совершенно впустую.

Когда Карл Далюег возвращается в министерство, Гизевиус отмечает, что он бел как полотно. Еще нет и десяти часов. В этот момент Гитлер уезжает из мюнхенского Центрального вокзала и направляется в Коричневый дом. Далюег быстро произносит: «Сегодня ночью ожидается путч СА. В любом случае, — добавляет он, — штурмовикам устроят кровавую баню». Голос и лицо Далюега свидетельствуют о том, что он до смерти напуган. Когда он информирует о готовящемся путче Государственного секретаря Грауэрта, то замечает, что Грауэрт тоже испытывает страх —пущенный в ход механизм может сокрушить любого. Этот механизм не признает никаких законов. Далюег и Грауэрт решают предупредить министра Фрика, Гизевиус присоединяется к ним.

Они выходят на улицу и идут по Унтер-ден-Линден, наслаждаясь теплом яркого солнечного утра. Все трое шагают очень быстро и молчат. На Парижской площади стоят черные машины гестапо. Отсюда хорошо просматривается вся Унтер-ден-Лиден и Вильгельмштрассе, пересекающая по диагонали центр города, где сосредоточены министерства и правительственные здания. За Бранденбургскими воротами лежит Тиргартен, с его кустарниками, тихими дорожками, обсаженными деревьями, и гуляющими людьми, которые ни о чем не подозревают. Некоторые из них наверняка обратили вни-

мание на троих мужчин, которые с мрачными лицами идут по Фридензалле к Кёнигплац.

Вокруг Зигезеуле, огромной триумфальной колонны, собралась толпа туристов. Желающие подняться на ее вершину и обозреть город с высоты выстроились в очередь. Эта колонна из песчаника, украшенная бронзой и золотом, была воздвигнута в честь победы Пруссии и рождения Прусской империи. Теперь в Германии в крови и насилии рождается другая империя, которая будет существовать в течение тысячи лет, — Третий рейх, уничтожающий сегодня тех, кто его создал, — штурмовые отряды.

Управление Фрика находится недалеко от Кёнигплац. Министра тоже оставили в неведении. Гизевиуса в управление не пропустили, но Грауэрт и Фрик быстро выходят на улицу — они решили пойти к Герингу. Далее присоединяется к Гизевиусу, и они идут назад по Унтер-ден-Линден. Время уже перевалило за десять часов.

Несколько минут назад Геббельс позвонил из Мюнхена Герингу и произнес всего лишь одно слово — «колибри».

Разгул насилия

На Принц-Альбрехт-штрассе, 8 Гейдрих получает тот же самый сигнал и немедленно посыпает его в различные города и районы Германии, где его людям не терпится приступить к действиям, словно гончим, рвущимся с поводков. Несколько дней назад им прислали запечатанные конверты; сегодня утром они взломали печати с орлом и свастикой и вытащили из конвертов списки. Это — списки их бывших товарищей, с которыми они когда-то сражались бок о бок и которых должны теперь арестовать или убить. Они нашли в этих списках фамилии уважаемых людей, отмеченных наградами, которых они должны отвезти в концлагеря или сделать так, чтобы они исчезли в лесу или утонули в болоте. Люди

Гейдриха преследуют свою добычу группами по два или три человека, неумолимые, никому не известные. Они стучатся в двери, называя себя торговцами вразнос, а когда им открывают, сразу же открывают огонь — безо всяких объяснений и угрызений совести. Они и вправду самые настоящие торговцы, эти вышколенные, не знающие жалости агенты СС и СД — коммивояжеры нового рейха, торговцы смертью, одним из самых распространенных товаров.

В Берлине агенты гестапо получают списки с номерами. Под каждым номером подразумевается тот или иной общественный деятель. Убийство этих лиц без суда и следствия поручено отряду из восемнадцати эсэсовцев под командованием гауптштурмфюрера Гильдиша, бывшего офицера полиции. Приказы Гиммлера, Гейдриха и Геринга кратки и точны. В своем кабинете на Лейпцигерштрассе Геринг с легкостью приговорил врагов режима к смерти. Гильдишу он сказал: «Найдите Клаузенера и убейте его». Гауптштурмфюрер щелкнул каблуками и отправился в министерство связи на поиски руководителя католической организации. Пока агенты в ливреях приносят Герингу и Гиммлеру бутерброды и напитки, агенты гестапо кладут рядом с бутылками пива маленькие белые полоски бумаги, на которых написаны фамилии людей, которых они арестовали или отвезли в Лихтерфельдское кадетское училище. Геринг в диком восторге кричит: «Расстрелять их! Расстрелять!»

В эту минуту во дворец Геринга входит Гизевиус. Его поражает царящая здесь атмосфера. «Мое горло неожиданно сжал спазм, — вспоминает он, — я вдохнул воздух, насыщенный ненавистью и напряжением, воздух гражданской войны и, в первую очередь, крови — целых рек крови. На всех лицах, начиная с часовых и кончая обычновенными ординарцами, лежала печать понимания того, что в стране происходит что-то ужасное».

В приемную Геринга, где все еще сидит дрожащий от ужаса Каше, вталкивают еще одну группу арестованных.

Зубы офицера СА стучат от страха под холодным взглядом охраняющего его эсэсовца. Вызванный по телефону Каше, ни о чем не подозревая, явился во дворец и был встречен потоком оскорблений. Геринг обозвал его «гомосексуальной свиньей» и сказал, что его расстреляют. Встревоженные Гизевиус и Небе встретились у кабинета Геринга. «Мы приветствовали друг друга, — вспоминает Гизевиус, — как обычно — крепким рукопожатием и подмигиванием». Небе сообщает другу, что ему удалось узнать, несколькими намеренно бесстрастными фразами: «Первые жертвы, которых должны расстрелять, уже находятся в лагерях или подвалах гестапо». Еще в министерстве Гизевиус узнал, что большинство руководителей СА уже арестованы или скоро будут арестованы. Среди них «фрейлейн» Шмидт, адъютант Хайнеса, Герт, Сандер и Фосс. Первыми взяли людей Карла Эрнста. Сейчас они находятся в Лихтерфельде, а может быть, уже мертвы и их тела лежат на камнях плаца, отполированного многими поколениями курсантов, которые маршировали здесь под выкрики прусских сержантов.

Гизевиус смотрит и слушает. Все люди, непосредственно не занятые в операции, не могут не испытывать тревоги. Всем ясно, что началось крупномасштабное сведение счетов, а Гизевиус в свое время имел несколько стычек с Гейдрихом и гестапо. «Я ощущал запах опасности, — позже вспоминал он, — и посчитал, что в эти жаркие июньские дни надо будет избегать разговоров один на один. Кроме того, я решил, что мне надо находиться среди тех людей, которые могут меня спасти, если возникнет такая необходимость. Поэтому я держался поближе к Далюегу». Но Далюег и сам боялся, и Небе тоже — он считал вполне вероятным, что к концу дня будет убит, как сообщник.

Напуганы и Папен с Чирским, ибо убийцы уже наносят свои удары. Приехав в Канцелярию вице-канцлера, они увидели, что ее наводнили агенты гестапо, и поняли, что их вызывали к Герингу для того, чтобы его

люди смогли без помех оккупировать здание. Направляясь в кабинет Папена, они прошли через кабинет Чиршского, в котором был проведен обыск. Об этом свидетельствовал царивший там беспорядок: ящики стола были выдвинуты, а на полу валялись бумаги. Обыск был сделан очень грубо, и люди Гиммлера с торжествующими наглыми улыбками все еще были здесь. Они даже установили в кабинете пулемет. Один из сотрудников отдела кадров сообщает Папену, что Герберт Бозе, один из ближайших помощников вице-канцлера, написавший вместе с Юнгом Марбургскую речь, был убит за несколько минут до их прихода. В здание вошли два человека в черном, которые заявили, что хотят видеть Бозе, а когда он подошел к двери, молча застрелили его и ушли, оставив тело в кабинете. У двери стоит эсэсовец, который никого не пропускает внутрь. Когда Папен спросил, за что убили Бозе, ему ответили, что он оказал сопротивление полиции.

Неожиданно раздается взрыв. Это агенты гестапо взорвали замки на толстых сейфах в подвале (раньше в здании Канцелярии располагался банк), надеясь найти документы, компрометирующие вице-канцлера и его сотрудников. Несколько минут спустя агенты СД арестовывают Чиршского. Он обменивается с вице-канцлером долгим рукопожатием, после чего его уводят. Это третий арест среди коллег Папена. Когда Чиршский, в сопровождении двух эсэсовцев, спускается по лестнице, появляются двое полицейских (на этот раз это люди Геринга) и заявляют, что пришли арестовывать Чиршского.

«Меня уже успели арестовать, — говорит тот, показывая на эсэсовцев. — Уладьте это дело между собой, господа». И с презрительной усмешкой ждет их решения.

Наконец эсэсовцы отвозят его в гестапо в своей машине, а люди Геринга едут за ними по пятам. Таким образом, операция, продуманная и просчитанная заранее, допускает сбои и несогласования, что позволило неко-

торым людям чудом избежать смерти, а другие погибли по ошибке, поскольку все руководители заговора преследуют свои собственные интересы, а также имеют своих собственных врагов и протеже, которым сохранили жизнь в надежде на то, что они окажутся полезными в будущем.

Поэтому-то Геринг и не разрешает арестовать Папена. Вице-канцлера под охраной отделения эсэсовцев провожают до дома. «Телефон был отключен, — вспоминает Папен, — а в своей гостиной я обнаружил капитана полиции, в чьи обязанности входило обеспечение моей полной изоляции. Он сказал, что мне запрещено поддерживать контакт с окружающим миром и принимать посетителей». На самом деле офицера приставили к Папену для того, чтобы его не убили люди Гиммлера. Ему разрешено выдать вице-канцлера только тому, кто предъявит официальный ордер на арест, подписанный лично Герингом. Папен находился под домашним арестом вместе со своим сыном в течение трех дней, охраняемый эсэсовцами, которые никого к нему не допускали. Это сохранило Папену жизнь. Геринг сберег его в обмен на те услуги, которые тот ему оказал, а еще потому, что Папен был личным другом Гинденбурга, и вице-канцлер это знал. «Между мною и убийцами встал один человек — Геринг».

Но таких, кто благодарен Герингу, мало. Наоборот, его внимание в то утро означает смерть для очень многих, смерть, настигающую как античный рок — слепой и неумолимый. Геринг ликвидирует всех, кто его раздражает, или тех, чья жизнь каким-нибудь образом может ему угрожать. Гиммлер и Гейдрих ведут себя точно так же, и список жертв растет очень быстро. Тот факт, что человек давно уже оставил политику и отказался от всех своих притязаний в этой области, не имел никакого значения. Нацисты не умеют прощать. Лидеры рейха не могут полагаться на случай. Они не верят в наивные сказочки идеалистов и считают, что мертвый враг, в отличие от живого, уж ничем не сможет им навредить.

Грегор Штассер, бывший близкий друг Гитлера и создатель нацистской партии, в ту субботу обедал дома с семьей. И хотя его имя часто упоминалось в последние несколько недель и, если верить слухам, он где-то в середине июня встречался с Гитлером, он на самом деле давно уже отошел от активной деятельности. Но это только усугубило его вину. В дверь звонят. Он открывает ее и видит восемь человек с револьверами в руках. Произнется всего одно слово: «гестапо», Штассера уволакивают, не дав ему возможности даже попрощаться с семьей. Утром Чиршский, которого, прежде чем отправить в Дахау, в окружении эсэсовцев ведут на допрос, встречается со Штассером в здании гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе, 8.

Почти час дня. На Вильгельмплац продавец сигар стоит рядом со своей тележкой. Это самое лучшее время для торговли. У чиновников министерств обеденный перерыв, и они гуляют по площади. Вскоре им захочется выкуриить сигару, расслабиться и ощутить эйфорию от воздействия табака. Люди болтают о своих делах и планах на завтрашний день. Многие уже закончили работу, но решили еще немного побывать с друзьями.

В нескольких сотнях метров от площади гауптштурмфюрер СС Гильдиш, зашедший в министерство связи, спрашивает, где находится кабинет директора Клаузенера. Часовые, немного поколебавшись, сообщают ему. Он поднимается по лестнице и в коридоре проходит мимо Клаузенера, который ходил мыть руки. Увидев Гильдиша, Клаузенер, вероятно, почувствовал опасность. В кабинете доктора Отмара Фесслера этажом выше раздается телефонный звонок. Фесслер удивлен: кто это звонит ему в такое время? Это Клаузенер, голос которого звучит встревоженно. «Спуститесь ко мне, пожалуйста, прямо сейчас», — просит он Фесслера и вешает трубку. Фесслер, крайне удивленный, встает, чтобы идти к шефу, но

уже поздно. Гильдиш входит в кабинет Клаузенера. Директор Организации католического действия с изумлением слышит, что он арестован. Он поворачивается к шкафу, чтобы достать шляпу, и в этот момент Гильдиш стреляет ему в голову. Пока по полу медленно растекается кровь, Гильдиш звонит Гейдриху, кратко докладывает ему, что задание выполнено, и спрашивает, какие будут еще указания. Они очень просты: сделать так, чтобы все подумали, что Клаузенер сам застрелился. Гауптштурмфюрер вкладывает свой револьвер в правую руку убитого и вызывает эсэсовцев, которые сопровождали его до здания министерства, а теперь ждут внизу. Через несколько минут двое молодых милиционеров в черной форме занимают пост у кабинета Клаузенера, никого туда не впуская. Гильдиш спокойно уходит, даже не оглянувшись. Он слышит, как какой-то чиновник в ужасе говорит Фесслеру, который спросил его, что случилось: «Господин директор покончил с собой — он только что выстрелил в себя из револьвера!» Бесстрастные и неподвижные, эсэсовцы стоят у входа в кабинет — они ничего не видели и не слышали.

Прошло всего пятнадцать минут. Гауптштурмфюрер СС Гильдиш работает быстро и точно. Выполнив одно задание, он тут же возвращается во дворец Геринга и rapportует, что готов к выполнению следующего. Атмосфера здесь по-прежнему тяжелая и напряженная. Геринг орет: «Расстрелять его!» И майор полиции Якоби бежит через комнату, крича эсэсовцам, чтобы они немедленно арестовали Пауля Шульца, друга Штрассера, одного из старейших членов партии, которого не смогли найти, хотя его имя было внесено в список намеченных жертв. В гостиной между центральным коммутатором и кабинетом Геринга непрерывно снуют адъютанты.

В это время в городе уже начинают догадываться, что происходит нечто из ряда вон выходящее, — сотрудники министерств, посольств и иностранные журналисты звонят, чтобы выяснить, что случилось.

С одиннадцати часов жители богатого района Берлина, расположенного между Тиргартеном и Кенигин-Августа-штрассе, улицами, тянувшимися по берегам тихого, живописного канала, стали проявлять беспокойство. Район оказался в самой настоящей осаде. Полиция Геринга установила пулеметы на углу Тиргартенштрассе и Штандартенштрассе и закрыла ее для движения. Это тихая, спокойная улица, которая в своей середине пересекает такую же тихую площадь с красивой Матфейкирхе в центре. В северной части рядом с Тиргартеном стоит здание Генерального штаба СА. Здание окружено, занято и обыскивается гестаповцами, эсэсовцами и людьми Геринга.

На той же самой улице, позади небольшого палисадника, расположены дом Рема, штаб-квартира организации «Стальной шлем», а также французское консульство и итальянское посольство. Французский консул пытается понять, что происходит, и звонит в посольство, надеясь получить побольше информации. Но Андре Франсуа-Понсе с 15 июня находится в Париже, в отпуске. Консул может сделать только одно — послать срочные телеграммы. Люди в соседних зданиях тоже с изумлением смотрят на улицу. Из окон итальянского посольства дипломаты видят пулеметы, устанавливаемые на тротуаре у входа в дом Рема. Синьора Черутти, жена посла, так и сыплет вопросами, ведь после обеда у нее прием. Пропустят ли ее гостей через заслоны на дорогах? Она звонит в министерство иностранных дел, но ни Государственный секретарь по иностранным делам господин фон Бюлов, ни глава протокола господин фон Бассевиц ничего не могут ей ответить. Они сами ничего не знают. Иностранные журналисты тоже задают вопросы. Одни говорят, что видели, как полиция обыскивала дом Рема, что самого Папена тоже арестуют, что многих высокопоставленных чиновников застрелили прямо в их служебных кабинетах. Журналисты обращаются к Ашману, руководителю министерской пресс-службы, но и он ни-

чего не знает. Перед лицом стремительно разворачивающихся событий и потока вопросов дипломаты с Вильгельмштрассе вынуждены признать, что происходят очень серьезные события и в Берлине началась кровавая резня, но ни ее размеров, ни целей никто еще не знает. Известно только одно — резня эта грубая и безжалостная, она не подчиняется никаким законам; смерть может настичь каждого, кто принадлежит к оппозиции, невзирая на его положение и прошлые заслуги; значительное число штурмовиков и консерваторов уже пали от рук убийц.

Время приближается к одиннадцати часам. Генерал Курт фон Шлейхер работает в своем кабинете на первом этаже. Сидя за столом, он хорошо видит не только всю Грибницзеештрассе, но и само озеро Грибницзее, которое является одним из достопримечательностей Нейбабельсберга. Сегодня на нем много лодок, белые и оранжевые паруса выделяются яркими пятнами на фоне воды и зеленых полей и садов. Здесь, в Нейбабельсберге, перед роскошными виллами директоров компаний и высокопоставленных правительственные чиновников, которые обладают деньгами и могуществом, сохранились еще зеленые лужайки. Курт фон Шлейхер свой в этом кругу — бывший рейхсканцлер и близкий друг президента Гинденбурга, с которым служил в одном полку. После прихода к власти Гитлера ему пришлось уйти в тень. Несколько дней назад он вернулся из путешествия со своей молодой женой и уже устраивает приемы «чисто светского характера», как уверяет он своих доброжелателей, которые спрашивают его, кого он туда приглашает. Его друзьям совсем не нравится, что он снова хочет вернуться в большую политику. Но Курт фон Шлейхер по натуре своей игрок, он никак не может забыть вкус власти и то возбуждение, которое дают уважение людей и интриги. Шлейхеру льстит, когда ему

приглушенным голосом говорят, что его «держат в резерве для нации». Однако недостатка в предостережениях и советах вести себя осторожней тоже нет. Вчера вечером, 29 июня, ему позвонил друг его юности, с которым они учились в одном военном училище. На Бендерштрассе, сообщил он, ходят слухи о союзе между Шлейхером и Ремом. Офицер уточняет: ближайшие дни будут очень опасными для Шлейхера.

Своей встревоженной жене Шлейхер отвечает, что он уже несколько месяцев не встречался с Ремом и что все эти слухи — ерунда.

Мария Гюнтель, горничная, хорошо запомнила тот вечер. Она открыла большую раздвижную дверь, ведущую из столовой в кабинет генерала. Шлейхер и его жена сидели на кожаном диване, и, подавая им послебеденные напитки, Мария слышала, как Курт фон Шлейхер шутил по поводу слухов и страхов, которые одолевают офицеров с Бендерштрассе, осторожных и робких, словно институтки.

Сегодня утром Шлейхер сидит в кабинете, глядя на Грибницзеештрассе, залитую ярким солнечным светом. Последний прогноз по радио обещал тридцатиградусную жару в Берлине, потом диктор прочитал большие отрывки из статьи генерала Бломберга, утверждавшего, что рейхсвер сохранит верность Гитлеру. Эти заявления раздражали Шлейхера. Он никогда не любил «резинового льва», его бесило услужливое и подобострастное отношение Бломберга к фюреру и те способы, которыми он выжил Шлейхера из военного министерства.

В эту минуту звонит телефон. Это старый, еще со времен войны, друг Шлейхера, который решил поприветствовать его после возвращения из путешествия. Несколько минут они беседуют. Шлейхер рассказывает о дорожном происшествии, которое чуть не стоило ему жизни. Потом он просит извинить его, объясняя, что звонят в дверь. В прихожей Мария Гюнтель открывает

окошечко у входной двери и видит пятерых мужчин в длинных плащах. У двери стоит черная машина.

— Мы хотели бы поговорить с генералом Шлейхером.

Голос звучит властно — так разговаривают только представители власти, — и с ним не поспоришь. Горничная в сомнении приоткрывает дверь. Но еще до того, как Мария успевает понять, что произошло, дверь резко распахивается, и она оказывается прижатой к стене одним из мужчин. Другие проходят прямо в кабинет генерала. На другом конце провода собеседник Шлейхера слышит стук, означающий, что трубку положили на стол. Он слышит отдаленные, но очень четкие слова Шлейхера: «Да, я — генерал Шлейхер». И тут же раздаются пистолетные выстрелы, после чего в трубке слышатся гудки отбоя.

Пораженная и испуганная Мария Гюнтель входит в комнату. Шлейхер, со слегка согнутыми ногами, лежит на ковре. На правой стороне его шеи ясно видна рана, а на левой стороне спины — еще несколько. Он лежит ничком, как будто, неожиданно узнав своих посетителей, понял, зачем они явились, и попытался спастись. Неожиданно раздается крик фрау фон Шлейхер, вышедшей из соседней столовой. Убийцы еще держат в руках револьверы. Молодая женщина идет к ним, не отрывая взгляда от тела мужа. Она снова вскрикивает, но ее крик заглушает сухой треск выстрела. Она падает мертвой. Мария Гюнтель замирает в дверях от ужаса. Один из убийц подходит к ней: «Не бойтесь, фрейлейн. Мы вас не тронем...»

Остальные быстро обыскивают кабинет генерала и затем, не говоря ни слова, покидают дом, не потрудившись даже закрыть дверь в кабинет. Мария так и осталась стоять в дверях, глядя расширенными от ужаса глазами на тела фрау Шлейхер и ее мужа, лежащие на залитом кровью ковре.

Служанка, прятавшаяся на третьем этаже, спускается вниз и находит горничную сидящей неподвижно, закрыв лицо ладонями. Девушка звонит в полицию.

В дом Шлейхера является сам префект, а следователи собирают улики. В министерстве внутренних дел префект сообщает о смерти Шлейхера Гизевиусу. Далюег звонит Герингу и Гиммлеру. Но едва он расстается с Гизевиусом, новый телефонный звонок из Потсдама сообщает ему, что префект получил приказание, которое предписывает ему писать отчет следующего содержания: генерал Шлейхер, замешанный в заговоре Рема, оказал сопротивление агентам гестапо, когда они явились его арестовывать. Началась свалка, в результате Шлейхер и его жена были убиты. Следствие закрыто, а следователи уже опечатывают кабинет бывшего рейхсканцлера. На вилле стоит тишина. У входной двери поставлен полицейский. Горничная по-прежнему сидит на своем месте. Она — единственный свидетель убийства.

Несколько месяцев спустя было обнаружено ее безжизненное тело. Она покончила с собой, по-видимому, от отчаяния и страха. Как бы то ни было, пресса не стала обсуждать это самоубийство. В Третьем рейхе никто не хочет знать о таких вещах. Никто не хочет вспоминать страшную смерть генерала фон Шлейхера и его жены, которая произошла субботним утром 30 июня 1934 года на их спокойной, уютной вилле в Нейбабельсберге.

Глава 4

*Суббота 30 июня 1934 года
Мюнхен*

В Мюнхене, как и в Берлине, жарко. В Мюнхене, как и в Берлине, распоясались убийцы. В центре города по улицам быстро проезжают черные машины, водители которых не обращают внимания на красный свет. Неожиданно дверца какой-нибудь из них распахивается, из нее выпрыгивают эсэсовцы и открывают огонь.

Офицеры СА, консерваторы или чьи-нибудь старые враги падают мертвыми.

У подъезда к вилле Риттера фон Кара останавливаются две машины. Кар уже давно забросил политику, и теперь от него осталась только тень того человека, который в ноябре 1923 года сумел обмануть Гитлера и спастись. Именно из-за него, Риттера фон Кара, и превалился тогда Мюнхенский путч. В дверь его виллы звонят. Нет еще и десяти часов. Фон Кар в халате открывает дверь — на улице стоят три человека. Не говоря ни слова, они хватают его и затаскивают в машину. Они действуют так решительно, что фон Кар почти не сопротивляется. Не человеческие руки, а жестокое возмездие торжествующего нацизма тащит его в застенок. На улицах прохожие отворачиваются, делая вид, что ничего необычного не происходит. День стоит прекрасный, и в голубом небе светит яркое солнце. Сегодня днем набитые до отказа поезда отвезут семьи мюнхенцев на озера Баварии, где они проведут выходные. Так стоит ли беспокоиться о судьбе Риттера фон Кара, семидесяти трехлетнего старика, чье тело, изрубленное топором, будет через несколько дней валяться в грязи Даахау?

В той же самой грязи в нескольких метрах от него будет лежать другое тело. Этот мужчина убит выстрелом в сердце, пулей 7,65 миллиметра — такой калибр имеет оружие эсэсовцев, — кроме того, у него сломан позвоночник. Полиция без труда опознала труп — это было тело Бернхардта Штемпфле, имевшего когда-то несчастье быть близким другом Гитлера. В 1924—1925 годах Штемпфле, ярый антисемит, обладавший бойким пером, был редактором небольшого еженедельника в Мизбахе, который яростно нападал на евреев. Он читал корректуру «Майн кампф», переписал несколько абзацев, подправил стиль и углубил мысль. Когда книга стала библией нацизма, Гитлер не смог простить ему этих правок. Штемпфле был также в курсе амурных дел фюрера. Он знал, что Гитлер обожал Гели Раубаль, одну из

дочерей своей сводной сестры, и превратил ее жизнь в ад своей патологической ревностью. Утром 17 сентября 1931 года Гели покончила с собой. После ее смерти Гитлер погрузился в глубокую депрессию, от которой оправился с большим трудом. Обстоятельства смерти Гели Раубаль публике не сообщались. Но Штемпфле они были известны. Он знал слишком много. Как бывший член ордена хиронимитов, он понимал, что его жизнь в опасности, и попытался исчезнуть. Но ему это не удалось. Сегодня утром убийцы нашли его и отвезли в Даахау. У Гитлера и других нацистских лидеров долгая память. Им нужно избавиться от своего прошлого, убедиться, что все свидетели, которые могут пролить на него свет, убраны. Мертвый свидетель лучше живого, лучше ошибиться, чем недоглядеть, лучше убить невиновного, чем упустить врага. Фрау Шмидт убедилась в этом на своем собственном примере. Услышав звонок, она открывает дверь. Четыре господина говорят, что хотят видеть ее мужа. Фрау Шмидт удивлена — она не знает этих людей, они совсем не похожи на обычных посетителей этого дома — музыкантов, журналистов, профессоров. Вильгельм Эдуард Шмидт — знаменитый музыкальный критик, уважаемый даже в Берлине. Сам Геринг, говорят, восхищается его статьями в «Мюнхенер нейсте нахрихтен».

Трое детей Шмидта окружают мать. Из гостиной доносятся звуки музыки — Шмидт играет на виолончели. Один из гостей настаивает, и фрау Шмидт идет, чтобы позвать мужа. Он входит, улыбаясь, и не успевает даже рта открыть, чтобы спросить, что от него хотят эти люди, как они хватают его и уводят с собой. Его жена, осталбенев, смотрит ему вслед, не понимая, что в их тихую, наполненную искусством жизнь ворвалась сама История. Вильгельм Эдуард Шмидт никогда не интересовался политикой, но она-то его и сгубила. Эсэсовцы и гестаповцы искали мюнхенского доктора, друга Отто Штрассера, Людвига Шмитта, но не смогли найти и тогда

решили арестовать Вильгельма Шмидта, надеясь, что в суматохе никто не заметит подмены. Через несколько дней фрау Шмидт получит из Дахау гроб с телом мужа. Эсэсовцы, чтобы загладить свою вину, обязались выплачивать ей пенсию за погибшего мужа, и никак не могли понять, почему она отказалась. Для Черной гвардии ведь все равно — одной жизнью меньше, одной больше, какая, в сущности, разница? Так прошло последнее утро июня 1934 года.

Пока эсэсовцы в Мюнхене гоняются за своими жертвами, Гитлер все еще находится в Коричневом доме на Бриннерштрассе. Весть о смерти Штрассера поражает его, словно удар грома.

Один из эсэсовцев в охране фюрера запомнил его реакцию — она отразилась у фюрера на лице. Но, придя в себя, Гитлер снова начинает говорить.

Он уже давно произносит речь перед штурмовиками, собравшимися в зале, которые слушают его с видом беспомощных животных. Рем, Хейдебрек, Хайнес, Шпрети — руководители, которым они клялись в верности, — теперь брошены в тюрьмы, унижены и оскорблены. Их называют не иначе как гомосексуальными свиньями. И они — штурмовики — должны подчиниться этой силе, словно самые последние трусы. Теперь эти гордецы, которых боялись как огня, эти дебоширы в коричневых рубахах и повязками на рукавах, с орденами и оружием дрожат от страха. Они так долго воевали с беззащитным населением и терроризировали мирных жителей, которые не могли дать им отпор, что совсем разучились давать настоящий отпор. Они испуганы и лишены присутствия духа. И вот теперь, дрожа от возбуждения в своем плаще, перед ними выступает не кто-нибудь, а сам фюрер.

Конечно же они верят ему, и Коричневый дом сотрясается от их громких криков: «Зиг хайль! Зиг хайль! Хайль Гитлер!» Но вот к штурмовикам, резко жестику-

лируя, подходит Рудольф Гесс. Его лицо сурово — он олицетворяет собой правосудие. «Вы все находитесь под подозрением, — заявляет он. — Так что невинным придется несколько дней пострадать по вине тех, кто вынашивал преступные планы. И пока следствие не установит, какую роль играл каждый из вас, вам придется посидеть под домашним арестом».

Далее выступает офицер СС, стоявший позади Гесса. Всех штурмовиков подвергнут обыску, а потом, если фюрер разрешит, они будут отпущены по домам. Один за другим, не выражая никакого протеста, штурмовики предстают перед эсэсовцами, которые их тщательно обыскивают. Разгром и унижение штурмовиков завершается. Эсэсовцы неумолимы, и длинная очередь хранит полнейшее молчание. Время победных гимнов прошло — или еще не наступило, — речь теперь идет о том, чтобы выжить.

Фюрер выходит из зала. Окна широко раскрыты, но сегодня на Бриннерштрассе тихо. За порядком на улице следит рейхсвер, не подпуская никого к Коричневому дому. Гитлер ходит по комнате взад и вперед — его охватила смертельная усталость, он измучен длительным нервным напряжением и недостатком сна. Лутце, Гебельс, партийный судья Бух, Мартин Борман, Зепп Дирих, Рудольф Гесс, Вагнер, Макс Аман (редактор «Майн кампф» и директор всех партийных изданий) — все они находятся в комнате, все они наблюдают за Гитлером и слушают его речи, самим своим присутствием заставляя его быть непреклонным. Все эти люди — давние враги Рема и СА. И теперь, когда фюрер принял решительные меры, они твердо намерены обеспечить свою будущую безопасность и власть.

Гитлер все ходит по комнате, выкрикивая оскорблений по адресу Рема и лидеров СА и заявляя, что пощады им не будет. Виктор Лутце, ничего не слышавший о заговоре Геринга, Гейдриха и Гиммлера, держится в стороне, удивленный той жестокостью, с какой расправля-

ются с его соратниками. Он и предположить не мог, что этот день завершится гибелью Рема и его людей. Но именно об этом и идет сейчас речь. Рудольф Гесс и Макс Аман спорят, кому из них должна быть предоставлена честь убийства Рема. Фюрер велит им замолчать. Затем прерывающимся голосом диктует Лутце приказ для штурмовиков: «Я требую, чтобы отныне офицеры СА вели себя как люди, а не как грубые, уродливые обезьяны. Я требую от СА беспрекословного подчинения — начиная от высших руководителей и кончая рядовыми штурмовиками. Я больше не позволю руководителям СА устраивать дорогие обеды или принимать на них приглашения».

Голос фюрера повышается, оскорблений в адрес СА сыплются как из рога изобилия. «Во время этих оргий из окон летели бутылки с шампанским! — кричит фюрер. Вдруг он неожиданно вспоминает все сплетни, собранные агентами Гейдриха. — Они разбазаривали деньги партии! Отныне я запрещаю руководителям СА ездить в дорогих автомобилях. И больше никаких обедов с дипломатами».

Лутце молча дописывает эти слова, перечитывает приказ и отдает его фюреру на подпись.

Наступает тишина. Потом Бух, главный судья, от которого Рем сумел ускользнуть в 1932 году, снова спрашивает, какая судьба ожидает руководителей СА, заключенных в Штаделхаймскую тюрьму. «Пристрелите этих собак!» — кричит фюрер. Он берет список, протянутый ему министром внутренних дел Вагнером, и в ярости ставит крестики напротив нескольких фамилий. Перед некоторыми фамилиями рука его замирает — Гитлер раздумывает, стоит ли казнить этого человека. В комнате стоит тишина, слышно лишь, как перо фюрера царапает бумагу. Закончив ставить крестики, Гитлер передает список Зеппу Дитриху.

«Немедленно отправляйтесь в Штаделхайм, — говорит он, — да возьмите с собой шесть человек и офицера СС и расстреляйте этих людей за измену Родине».

Список, на котором фюрер поставил свои значки, был составлен директором тюрьмы, доктором Кохом. Фамилии пяти высокопоставленных офицеров СА помечены в нем крестиками. Зепп Дитрих медленно зачитывает их:

Эдмунд Шмидт, группенфюрер СА, камера 497;

Ганс Иоахим фон Шпрети-Вайлбах, штандартенфюрер СА, камера 501;

Ганс Петер фон Хейдебрек, группенфюрер СА, камера 502;

Ганс Хайн, группенфюрер СА, камера 503;

Август Шнейдгубер, обергруппенфюрер СА, мюнхенский полицейский префект, камера 504.

Фюрер сухо добавляет: «Рема я пощадил за его прошлые заслуги».

В последний момент Гитлер все-таки дрогнул. Что это — политический расчет, принцип, макиавеллиевское чувство баланса, заставляющее его придержать козырную карту, чтобы держать в подчинении другие политические группировки, или просто благодарность капитану Рему, который помог ему сделать первые политические шаги в Мюнхене? Но, каковы бы ни были причины, Бух, Геббельс и Борман недовольны милосердием, проявленным Гитлером по отношению к Рему. Он снова избежал расплаты, а пока он жив, фюрер может в любую минуту изменить свой курс. Только смерть Рема обеспечит им всем спокойное будущее. Они должны добиться его смерти, чего бы им это ни стоило. Но сейчас надо подчиниться решению фюрера и удовлетвориться тем, что Рем сидит в тюрьме, и предупредить Гейдриха, Геринга и Гиммлера в Берлине. Необходимо выждать, принять то, что предлагает фюрер, — казнить пятерых лидеров СА, находящихся в Штаделхаймской тюрьме.

Руководители СА ждут в камерах решения своей судьбы. Несмотря на яростные крики фюрера, несмотря на оскорблений, которыми он их осыпал, и на презре-

ние эсэсовцев, они не могут поверить, что скоро умрут, — ведь власть по-прежнему в руках Гитлера, а сами они облачены в форму со знаками отличия, означающими, что они — представители власти и олицетворяют собой силу и мощь. В камеры проникают солнечные лучи. Умереть? Какая чушь!

К пяти часам вечера в тюрьму приезжает Зепп Дитрих. Его краткие приказы исполняются мгновенно. Пока он поднимается на второй этаж тюрьмы, во двор выходят шесть сержантов СС. Двор в эти часы находится в тени, которую отбрасывают высокие серые каменные стены тюрьмы. Офицер СС приказывает сержантам проверить оружие и выстроиться в десяти метрах от стены. Дитрих уже вошел в кабинет Коха и протягивает ему список заключенных, приговоренных Гитлером к смерти. Кох колеблется, губы его трясутся. С самого утра он испытывает страх — мир перевернулся, и он осознал, как тонка нить человеческой жизни и как легко ее оборвать. Он боится принимать решения, боится и подчиниться приказу, и не подчиниться ему. Он воспитан в глубочайшем уважении к порядку и заявляет Дитриху, что на списке осужденных нет подписи. Поэтому он не может выдать их Дитриху. Группенфюрер молча берет назад список и возвращается на машине в Коричневый дом. Наверное, он тоже хочет снять с себя ответственность. В Коричневом доме министр Вагнер без колебаний подписывает список, и отсрочка, дарованная офицерам СА, заканчивается.

Расстрельная команда уже стоит в пустом тюремном дворе. Зепп в сопровождении двух эсэсовцев подходит к первой камере. Услышав сухой щелчок ключа в замке, заключенный в ней штурмовик встает. Дитрих салютует ему и произносит: «Фюрер приговорил тебя к смерти за измену рейху. Хайль Гитлер!» Два эсэсовца выводят заключенного, и тот, вчера еще могущественный человек, распоряжавшийся жизнью и судьбой других людей, идет за ним по коридору во двор. Вскоре он уже стоит спиной

к стене и, быть может, смотрит на солнечные блики, которые играют на стеклах кабинетов на втором этаже, а в это время звучат команды. «По приказу фюрера, — кричит офицер СС, возглавляющий расстрельную команду, — ружья на изготовку, целься, пли!» Убитый падает.

Во всех камерах услышали звуки выстрелов. Кошмар превратился в реальность.

Когда Дитрих появляется в камере обергруппенфюрера Шнейдгубера, тот кричит ему:

— Товарищ Зепп, это же безумие! Мы ни в чем не виноваты.

Но группенфюрер отвечает ему:

— Фюрер приговорил вас к смерти за измену рейху. Хайль Гитлер!

Однако решимость Дитриха покончить с врагами рейха не спасает его отвращения, которое он испытывает от всей этой процедуры. Позже он вспоминал: «Еще до того, как дело дошло до расстрела Шнейдгубера, меня стало мутить, и я уехал». Но во дворе тюрьмы еще несколько раз слышался крик: «По приказу фюрера. Ружья на изготовку, целься, пли!» И в сгущавшихся над городом сумерках на тюремный двор падало еще одно мертвое тело.

Зепп Дитрих вернулся в Коричневый дом, чтобы отчитаться о выполнении задания.

— Изменники понесли заслуженное наказание, — rapportирует он Гитлеру.

Фюрер, погрузившись в молчание, сначала кажется напуганным, но потом к нему возвращаются гнев и самоуверенность. Он заявляет, что хочет поговорить со штурмовиками.

Когда объявляют о приходе Гитлера, штурмовики, запертые в одной из больших комнат, приветствуют его громкими криками «Ура!». Фюрер построил свою речь очень умно.

— Ваши руководители предали вас! — кричит он. — Вы сражались на передовой, а они в это время предава-

лись разврату, купались в роскоши, обедали в дорогих ресторанах.

Штурмовики молчат, понимая, что фюрер дает им возможность отмежеваться от своих лидеров, отказаться от них. Он продолжает:

— Теперь необходимо решить, с кем вы — со мной или с теми, кто предал вас и использовал для того, чтобы обеспечить себе комфортную жизнь. Теперь у вас будет новый руководитель — Лутце. Ждите, когда он сообщит вам мои новые приказы.

Лутце выходит вперед и кричит: «Хайль Гитлер!» Крик подхватывают все собравшиеся, а Лутце запевает «Песню о Хорсте Весселе». Гитлер стоит, сложив на груди руки, и смотрит на штурмовиков — людей, которые только что отринули свое прошлое. Когда он уходит, Лутце объявляет, что штурмовики могут расходиться по домам.

— Вы сейчас поодиночке пойдете к себе домой и снимете там свою форму. Не вмешивайтесь в события до тех пор, пока вам не сообщат, что СА реорганизованы и снова объединены.

За исключением тех, кого задержали эсэсовцы, всем было разрешено вернуться домой. Молча, один за другим, они выходят на залитые солнцем улицы Мюнхена. Прохожие с удивлением оглядываются на них — куда делся их вызывающий, воинственный вид, с которым они выступали в дни своего триумфа. Теперь же они плетутся с видом людей, потерпевших сокрушительное поражение и мечтающих, чтобы никто не обращал на них внимания. Солдаты и офицеры рейхсвера, охраняющие здание штаб-квартиры партии, кажется, совсем не замечают этих коричневорубашечников, которые еще вчера считали, что смогут возглавить вечную и непобедимую германскую армию.

Через несколько минут раздается приказ о снятии оцепления с Бриннерштрассе; рейхсвер прекращает осаду Коричневого дома, и на улице восстанавливается обычное движение. Рядом со зданием партии осталось

лишь несколько эсэсовцев, они будут находиться здесь до 19.30, когда Гитлер в сопровождении Геббельса и Зеппа Дитриха отправится на аэродром, чтобы улететь в Берлин. В столице Баварии делать больше нечего — хребет СА сломан, штурмовики поставлены на колени, а их руководители казнены или сидят по тюрьмам. Остался только старый товарищ, Рем, лежащий сейчас в камере Штаделхаймской тюрьмы, и грудь его, покрытая шрамами, тяжело вздыхает. Гитлер в момент сомнения даровал ему отсрочку, которые многие лидеры нацистов хотят поскорее отменить.

Машины на полной скорости проезжают по улицам Мюнхена, Гитлер и его соратники хранят молчание. Им кажется, что с рассвета прошло много лет, на самом же деле «Юнкерс» фюрера приземлился в аэропорту Мюнхена, куда они едут сейчас, всего пятнадцать часов назад. На аэродроме, еле заметном в сумеречном свете, стоит все тот же неумолчный гул моторов и видны те же самые силуэты, которые движутся к самолетам. Все, за исключением красного закатного неба, точно такое же, какое было и утром, даже легкий ветерок так же пригибает к земле невысокую сухую траву, которая растет между взлетными полосами. Но на самом деле страна стала уже совсем другой. В течение этих пятнадцати часов одни люди рас прощались со своей жизнью, а другие ждут смерти.

Вильгельм Эдуард Шмидт уже никогда больше не напишет ни одной критической статьи, а тело фон Кара в ту самую минуту, когда самолет фюрера взлетает, уже валяется в лагерной пыли. Отныне в Третьем рейхе начнется самый настоящий разгул насилия.

В восемь часов вечера, когда самолет фюрера пролетает над Нюрнбергом, а потом поворачивает на Берлин, Мюнхенское пресс-бюро национал-социалистической партии выпускает коммюнике, в котором излагается

официальная версия событий. Переданное по радио, оно повергает жителей Мюнхена в изумление — за исключением тех немногих, кого удивило перемещение войск в городе и появление баррикад на Бриннерштрассе, никто ни о чем не догадывался. Теперь же диктор радио серьезным тоном сообщает:

«В течение нескольких месяцев отдельные элементы пытались спровоцировать конфликт между СА и государством. Руководитель штаба СА Рем, пользуясь безграничным доверием фюрера, не сделал никакой попытки подавить эти настроения, а, наоборот, только способствовал их усилению. Его извращенные вкусы (о которых слишком хорошо известно всем) так сильно усугубили положение, что фюрер стал испытывать сильные угрызения совести. Вчера ночью, в два часа, фюрер приехал в Мюнхен и приказал немедленно арестовать и поместить в тюрьму тех руководителей СА, которые скомпрометировали себя особенно сильно. Во время арестов наблюдались такие отвратительные с точки зрения морали сцены, что для жалости не осталось места. Некоторых руководителей СА застали вместе с молодыми людьми, страдавшими различными извращениями — один из них был пойман и арестован в совершенно неприличном положении. — Диктор делает паузу, а потом с еще большим нажимом продолжает: — Фюрер велел вскрыть этот нарыв и безо всякой жалости удалить его. Он не собирается больше допускать, чтобы на глазах у миллионов добропорядочных людей процветали уродливые, нездоровые страсти. Фюрер поручил Герингу очистить Берлин и, в особенности, избавить его от реакционных сторонников этого политического заговора».

Добропорядочные люди Мюнхена слушают эту речь молча, с суровым выражением лица, негодяя по поводу извращенцев, опозоривших немецкий рейх. Они рады, что фюрер оказался таким дальновидным и решительным и без сожаления порвал с этими людьми, невзирая на то что они были его старыми товарищами. Добропо-

рядочные люди испытывают чувство удовлетворения, пакуя свои вещи. Завтра, 1 июля, начинается время отпусков. В Дахау забивают гвозди в гроб Вильгельма Эдуарда Шмидта, музыкального критика, а в Штаделхаймской тюрьме собирают тела расстрелянных офицеров СА. Добропорядочные люди ничего не знают об этом. По радио хор гитлерюгенда исполняет «Песню о Хорсте Весселе».

Глава 5

*Суббота 30 июня 1934 года
Мюнхен, Глейвиц, Бреслау, Бремен...*

Ранний вечер в Мюнхене мягок и тих. В обширных парках, Английском и Старом ботаническом саду, расположенных рядом с Центральным вокзалом, гуляющих сегодня гораздо больше, чем обычно. Молодые люди, собирающиеся идти на концерт баварского ансамбля народной музыки, пьют пиво и смеются. Пивные залы в старом Мюнхене, как всегда в летнее время, заполнены до отказа. В жарких, прокуренных пивных подвалчиках люди поют песни, а официанты выкрикивают заказы. Только большое здание ресторана на Фрауэнплац стоит неосвещенным, вид его вызывает удивление прохожих. Это «Братвурстглёкл». На его двери висит объявление, которое гласит, что знаменитый ресторан закрыт в связи с особыми обстоятельствами. Но если он закрыт, то остались еще «Донисль», «Петергоф» или «Ратскеллер» в городской ратуше. В эту теплую июньскую ночь в городе работает много ресторанов и кафе, повсюду рекой льется пиво и царит веселье. Никто не знает, что сегодня после обеда агенты гестапо забрали господина Центнера, владельца «Братвурстглёкл», главного официанта и еще одного официанта. С тех пор их никто не видел, а полиция закрыла ресторан. Никто, кроме Центнера и его подчиненных, не знает, что однажды июньским вечером здесь встречались Рем и Геббельс. Центнер и его

официанты уже никому не расскажут об этой встрече — они в Штаделхеймской тюрьме.

В других городах по всему рейху люди, ставшие невольными свидетелями тех или иных событий, стараются поскорее забыть то, что они видели. Во многих городах люди Гиммлера и Гейдриха работают не покладая рук с десяти часов утра. Везде происходит одно и то же — люди с неподвижными лицами в плащах, со шляпами, надвинутыми на глаза, стреляют в людей, которых они оторвали от семей.

В Глейвице, расположенным примерно в 200 километрах от Бреслау, ближе к полудню, когда рабочие покидают фабрики, к одной из них подъезжают черные машины. Убийцы спрашивают, где можно найти Рамшорна, полицейского префекта, члена СА, депутата парламента от нацистской партии и героя прошедшей войны. Агенты гестапо врываются, сметают охрану и стреляют в Рамшорна, который только что встал из-за стола. Он падает на ковер, как и Шлейхер в Берлине, как и Клаузенер.

В Штеттине посланцы Гиммлера сначала заходят в кафе «Веберсбергер» на Парадерплац. Посидев там и выпив пивка, они отправляются в штаб-квартиру гестапо, где арестовывают Хоффмана, местного руководителя гестапо, садиста и насильника, от которого рейхсфюрер СС решил избавиться.

В Кенигсберге, в серый балтийский денек, агенты хватают графа Хохберга, руководителя СС. Словом, под шумок убирают всех, кто мешает, — не важно, к какой организации принадлежит жертва, главное, что ее велено убрать. Достаточно, чтобы ее имя было внесено в списки, составленные организаторами операции. В одних случаях обреченного вывозят в лес и приказывают бежать, а шесть солдат прицеливаются и стреляют. Некоторым удалось таким образом спастись — их не убили, а только ранили. Так произошло с Паулем Шульцем в Потсдамском лесу. В ряде округов арестов и убийств со-

всем немного — в Тюрингии полиция и СС удовлетворились тем, что арестовали нескольких руководителей СА и отправили их в тюрьму или в Даахау. Они вернутся оттуда исхудавшими, с обретыми наголо головами и страхом, застывшим в ввалившихся глазах.

А в Берлине Гейдрих снова рассыпает своих сыщиков и убийц — он пользуется возможностью избавить рейх от врагов. Он звонит по телефону, настаивает, отдает все новые и новые приказы. Он лично руководит операцией из штаб-квартиры гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе, заполняя карточки, которые его агенты отвозят Герингу и Гиммлеру на Лейпцигерплац. На карточках указывается номер и одно только слово — расстрелян, арестован или разыскивается. Так Геринг и Гиммлер узнают, какая судьба постигла их бывших друзей или коллег. Центральный коммутатор гестапо непрерывно посыпает приказы руководителям на местах — Гейдрих не дает убийцам ни минуты передышки. Убрав одного осужденного, они тут же отправляются убивать другого. С субботы 30 июня по понедельник 2 июля с Принц-Альбрехт-штрассе было сделано 7200 звонков. Впрочем, одной из намеченных жертв удалось спастись — банкир Регенданц, организовавший встречу Рема с Франсуа-Понсе, давно уже умевший летать, был тайно предупрежден и в субботу утром улетел на своем самолете в Англию.

Но в основном гестапо и СС настигают свои жертвы. В Берлине убит адвокат, имевший наглость выступать против Макса Амана, убит также доктор Эрвин Вилен, штандартенфюрер СА, соперник доктора, служившего в СС. Распрощались с жизнью эсэсовцы Тойфл и Земпах, которые поссорились с Гиммлером. Некоторые жертвы пытаются защищаться. В Бреслау штурмовики открывают огонь по эсэсовцам оберабшнитфюрера Удо фон Войрша, сына генерала рейхсвера, вступившего в СС. Этот инцидент спровоцировал немедленное вмешательство армии. Вокруг Ратхауса и Штадхауса, на Ринге, занимают позиции грузовики рейхсвера, в которых сидят

вооруженные до зубов солдаты. Многие жители Бреслау тут же вспомнили времена Добровольческого корпуса и угрозы революции в 1919—1921 годах. Но солдатам не пришлось открывать огонь. Фон Войрш и Брюкнер, партийный гаулейтер, сумели подавить сопротивление штурмовиков. Они приказали расстрелять своего старого боевого товарища СА Вехмара. Чтобы отмести от себя возможные обвинения в пособничестве бунтовщикам, они решают свалить всю вину на евреев. Евреев избивают и подвергают пыткам, а потом, расстреляв, бросают их тела вместе с телами других жертв в реку Одер. Вечером 1 июля руководитель СС Бреслау требует от своих подчиненных новых расстрелов: «Мы должны ликвидировать всех этих свиней». И убийства продолжаются. Убирают не только мужчин, чьи фамилии внесены в списки, но и их жен. Через несколько дней тела погибших всплывают на поверхность реки.

Эсэсовцы разыскивают свои жертвы даже в тюрьмах, где некоторые из них просидели уже несколько месяцев. Они настигают их даже в концлагерях и подвергают пыткам, а потом расстреливают. Так погиб писатель Эрих Мюхсам, член правительства Консультской республики в Мюнхене, которая просуществовала очень недолго — 1 мая 1919 года она была уничтожена рейхсвером. И вот пятнадцать лет спустя Мюхсам погибает от рук эсэсовцев, за спиной которых стоит все тот же рейхсвер.

Покончив с врагами, убийцы переходят к расправе над соперниками. Оберабшнитфюрер СС Эрих фон дер Бах-Зелевски организует убийство рейтерфюрера СС Антона Фрайхера фон Хоберга унд Бухвальда. Не важно, что старый вояка не имеет никакого отношения к СА, никого не волнует и то, что убийство происходит на глазах у малолетнего сына Фрайхера. Главное, что честолюбивый Зелевски сможет теперь занять освободившуюся должность Фрайхера. Арест обергруппенфюрера Карла Эрнста освобождает место для другого честолюбивого карьера.

Эрнст ни о чем не подозревает. Он весь в мечтах о свадебном путешествии на Мадейру. В Бременхафене с восторгом ребенка или недавно разбогатевшего человека, упивающийся своим богатством и красотой невесты, он вместе со своими товарищами из СА осматривает судно «Европа», гордость германского флота. В пятницу в Бремене они праздновали и пили всю ночь напролет. В полдень в субботу в ратуше был устроен банкет, на котором префект полиции пожелал молодоженам «долгих лет жизни на благо Германии». После этого все спели «Песню о Хорсте Весселе».

Время приближается к трем часам дня. В бременском аэропорту приземляется небольшой самолет, прилетевший из Берлина. У его пассажира, гауптштурмфюрера СС Гильдиша, было очень напряженное утро в столице. Теперь Геринг дал ему новое задание. Когда Эрнст покидает ратушу, какой-то штурмовик пытается предупредить его о грозящей опасности. Но Эрнст, упоенный своей властью, банкетом, пением и цветами, в ответ только пожимает плечами. В отеле его ждет Гильдиш со своими агентами. Он арестовывает Эрнста и заявляет, что ему поручено доставить его в Берлин. Эрнст протестует, требует, чтобы ему разрешили позвонить, кричит, что опоздывает на пароход, требует, чтобы его доставили к его другу Герингу, к его другу принцу Августу-Вильгельму фон Гогенцоллерну, которого он фамильярно называет принцем Ави. Принц, как и Эрнст, депутат рейхстага, они сидят с ним на одной скамье. Но на Гильдиша его крики не производят никакого впечатления, и Эрнст понимает, что придется подчиниться. В Берлине все выясняется, поскольку только сумасшедшему может прийти в голову, что в Третьем рейхе у Карла Эрнста, личного друга принца Ави, депутата рейхстага и обергруппенфюрера СА, могут быть неприятности. Эрнст позволяет одному из агентов застегнуть наручники. Гильдиш отводит его к машине. Эрнст садится в нее безо всяких возражений, и вскоре машина уже едет в аэропорт по дороге,

идущей вдоль Везера и освещенной заходящим солнцем. Самолет готов к взлету. Эрнст поднимается по короткой металлической лесенке — как и фюрер, покидающий в эти минуты Мюнхен, он полетит в Берлин.

По всей Германии — от гордой древней крепости Кенигсберг до замков Рейнской долины, от песчаных пустошей Бранденбурга до темных озер Баварии — начался долгий кроваво-красный закат летнего дня.

Глава 6

*Суббота 30 июня 1934 года
Берлин*

Лучи заходящего солнца освещают рулежные дорожки берлинского аэропорта. Гигантский диск с четко очерченными краями опускается за горизонт. Кажется, что все звуки затихли и жизнь замерла, ожидая, пока солнце, этот кровавый призрак, поглощающий землю, не удалится с небес. Повсюду стоят эсэсовцы в черных формах, стальных шлемах, с оружием в руках. Сталь шлемов и винтовок тускло поблескивает. Они стоят вдоль дорожек, у входа в ангары и на крыше башни управления полетами, четко выделяясь на фоне неба. На поле выстроились роты вновь созданного, пока еще нелегального, военно-воздушного флота рейха.

Летчики одеты в новую серо-голубую форму, специально придуманную для них Герингом. Один за другим приезжают официальные лица: Геринг, Гиммлер, Пили Кёрнер, Даюге, Фрик, офицеры СС, члены СД и гестапо. Здесь же и Гизевиус с Небе — они стоят отдельно и обмениваются репликами, наблюдая за происходящим. Геринг подходит к рядам летчиков, а потом, слегка «расставив ноги и прочно утвердившись в центре площади, начинает говорить о верности и духе товарищества», — как вспоминал об этом Гизевиус.

По всей стране нацисты рвут друг друга на части, боевые товарищи предают друг друга, а ничего не подозревающие люди попадают в ловушки, расставленные их же товарищами по партии. На фоне всех этих событий речь Германа Геринга не лишена черного юмора: «Солдаты, вы должны гордиться, что скоро войдете в состав войск рейха и о вас когда-нибудь вспомнят».

«Все, — пишет Гизевиус, — конечно же догадались, что этот импровизированный митинг устроен просто для того, чтобы убить время и дать людям возможность расслабиться. Не было ни обычных прожекторов, ни фотографов, ни громкоговорителей. Это совсем не соответствующая моменту речь произносилась в сумерках, и никто ее особенно не слушал».

Геринг выступает потому, что после целого дня огромного напряжения и ожидания стало просто невыносимо молчать. Гизевиус и Небе тоже это чувствуют. Все ждут, когда наступит темнота, как будто она сможет каким-то образом облегчить пытки, которым подверглись после наступления рассвета многие немцы. Мало-помалу людей, узнавших об арестах и убийствах, становится все больше и больше. Сразу же после полудня в официальные круги столицы просочились сведения о проводимой операции. Бары вблизи Лейпцигерплац, облюбованные журналистами, получили в ту субботу необычайно высокую выручку. Сюда являются за новостями все репортеры; говорят, что арестованы Рем, Папен и Шлейхер, быть может, их уже казнили. Журналисты обнаружили, что проникнуть в район, где расположены министерства, очень трудно. По шоссе Шарлоттенбургер, которое пересекает Тиргартен и заканчивается у Бранденбургских ворот, почти невозможно проехать — там стоят полицейские кордоны и армейские грузовики, а поскольку всем приходится следовать по этой улице — Тиргартенштрассе закрыта, — то машины движутся с черепашьей скоростью. Всем известно, что южная часть Тиргартена занята войсками. Совершенно ясно — осу-

ществляется какая-то крупная операция, а те, кто живет в западной части Берлина — между Унтер-ден-Линден, Вильгельмштрассе и Бендерштрассе, не могут не заметить, что эсэсовцы обыскивают дома, арестовывают и убивают людей, а войска перемещаются в разных направлениях. Сотрудники министерств, вроде Гизевиуса, хотя и не понимают до конца, что происходит, но уже начинают догадываться, какие размеры приобрела кровавая бойня, которой подверглась вся оппозиция режиму.

Уже сейчас то, что стало известно, позволяет восстановить главные события дня. Известно, например, что Готфриду Рейнгольду Тревиранусу, бывшему министру в правительстве Брюннинга и генерала Шлейхера, лидеру той части нацистской партии, которая в 1929 году отказалась уступить требованиям Гитлера и Хугенберга, чудом удалось спастись от убийц. Эсэсовцы слишком поздно добрались до его дома. Они бросились за ним в теннисный клуб «Ванзее», но Тревиранус во время игры заметил четырех эсэсовцев, которые разговаривали у входа в клуб, и сразу же понял, что они явились за ним. Перепрыгнув через забор, он успел добежать до Грюневальда. Здесь его спрятал друг, и через несколько дней Тревиранус уехал в Англию.

Большинству же не оставалось никаких шансов на спасение. Грегора Штрассера сразу же бросили в тюрьму, вместе с другими штурмовиками. Арестованные штурмовики окружили бывшего лидера партии — его присутствие ободрило их. Разве может с ними случиться что-нибудь плохое, если сам Штрассер, живой и невредимый, находится среди них? Но в пять часов эсэсовец отводит Штрассера в одиночную камеру, в стене которой зияет огромная дыра. Вскоре после водворения в камеру Штрассер увидел в этой дыре человека, который целился в него из пистолета. Он пытался увернуться от выстрела, но не успел и был ранен. В камеру входят три эсэсовца, чтобы покончить с ним. Из раны

Штрассера течет кровь, но он еще дышит. Говорят, что, когда Гейдриху сообщили об этом, он спросил: «Как, эта свинья еще не сдохла? Так пусть же истечет кровью». Так в застенках гестапо погиб один из первых нацистов, человек, которому Гитлер был обязан всем. Это был создатель партии, очень прозорливый человек, обладавший огромным политическим чутьем и отличавшийся кристальной честностью. Много раз Штрассер осуждал Гитлера, Гиммлера, Геринга и Геббельса — своего бывшего секретаря, которого он обучил всему и который в конце концов его предал. По официальной версии, Штрассер покончил жизнь самоубийством.

Часто жертвы сами шли навстречу смерти. Около четырех часов дня в ту субботу в отеле «Адлон» появился генерал фон Бредов, бывший сотрудник военного министерства и близкий друг генерала Шлейхера, изгнанный из министерства сразу же после его отставки. Люди, собравшиеся в отеле — в основном чиновники министерств и дипломаты, — были поражены, увидев его здесь. До всех уже дошли слухи о смерти Шлейхера, и вот теперь Бредов явился в «Адлон», этот большой отель на Унтер-ден-Линден, кишащий агентами СС и гестапо. Другу, который спросил его, не слышал ли он о смерти Шлейхера, Бредов отвечает: «Удивляюсь, как эти свиньи еще не добрались до меня». Несколько человек подходят, чтобы пожать ему руку или посидеть с ним за одним столом — весьма мужественный поступок, поскольку всем известно, что официанты ресторана тоже работают на Гейдриха и Гиммлера.

Немного поколебавшись, один иностранный военный атташе приглашает Бредова к себе на обед, чтобы дать ему возможность несколько часов побыть в безопасности. Генерал Бредов с благодарностью пожимает ему руку.

— Благодарю вас, — отвечает он, — я сегодня утром очень рано ушел из дома и теперь, повидавшись с друзьями, хочу поскорее вернуться.

Собравшиеся напрасно пытаются убедить его не возвращаться домой, но Бредову уже все равно — его охватила апатия и отвращение к нацистам. «Они убили Шлейхера, — объясняет он друзьям, — единственного человека, который мог бы спасти Германию. Он был моим лучшим другом — теперь у меня никого не осталось».

Небрежно отсалютовав друзьям и оставив щедрые чаевые офицанту, который уже собирался сообщить в гестапо о приходе Бредова, генерал покидает «Адлон» и идет по Унтер-ден-Линден, где царит обычное вечернее оживление. Больше уже никто не видел его живым. Вечером в его дом позвонили убийцы и открыли огонь.

Бредов был вторым генералом рейхсвера, которого убили в тот день. Однако в пять часов, когда Геринг выступал в Канцелярии перед представителями прессы, беспокойство, которое он и Гиммлер испытывали после гибели Шлейхера, уже улеглось. Зал Канцелярии забит иностранными корреспондентами, редакторами наиболее крупных немецких газет и политическими деятелями; им уже о многом известно, но они хотят знать больше.

В зале стоит удушающая жара, и Гизевиус отмечает, что атмосфера насыщена невыносимым напряжением. «Наконец появляется Геринг, одетый по всей форме, — пишет он, — и направляется к трибуне. Он поднимается на нее с очень важным видом. Сделав долгую, необыкновенно эффектную паузу, он наклоняется вперед и, опустив подбородок на руку, закатывает глаза, словно признания, которые он собирается сделать, ужасают его, — вероятно, он долго репетировал эту сцену перед зеркалом. После этого он начинает говорить скорбным голосом человека, привыкшего произносить траурные речи».

Геринг держится очень надменно. Официальное заявление будет передано представителям прессы завтра, сейчас он не имеет времени вдаваться в детали операции, которая еще продолжается и которую Гитлер поручил провести лично ему. «Многие недели мы просто наблюдали. Мы знали, что некоторые руководители СА

заняли позицию очень далекую от целей и задач нашего движения, заботясь лишь о собственных интересах и амбициях и потакая своим извращенным вкусам». Геринг часто прерывает речь длительными паузами; он ходит взад и вперед по сцене, уперев руки в бока. «Нас больше всего возмущало то, — добавляет он, — что руководители СА мечтали о второй революции, которая якобы будет направлена против реакции. Но на самом деле она сами стали невольными союзниками этой самой реакции. Главным посредником между СА и реакционерами стал бывший канцлер рейха, генерал фон Шлейхер, который связал Рема с представителем одного из иностранных государств...»

Тут Геринг развернулся на 180 градусов и выполнил этот пирамидальный, даже не покачнувшись.

«Я использовал данные мне полномочия, чтобы нанести удар по этим негодяям».

Произнеся эту фразу, Геринг направляется к выходу из зала, собираясь уйти, но иностранные журналисты вскакивают со своих мест и засыпают его вопросами о судьбе генерала Шлейхера. Геринг останавливается, улыбается и поворачивается к аудитории.

«Да, — говорит он, — я знаю о том, что вы, журналисты, любите броские заголовки. Так послушайте же меня. Генерал фон Шлейхер составил заговор против нашей власти. Я велел арестовать его. Он оказал сопротивление при аресте — в этом-то и была его ошибка, поскольку теперь он мертв».

Геринг с удовольствием наблюдает эффект, который произвело на журналистов его заявление. Перед тем как покинуть зал, он останавливается, чтобы еще раз насладиться этим зрелищем. Офицер рейхсвера раздает текст коммюнике, составленного генералом фон Рейхенау. В нем выражена официальная точка зрения военного министерства, а следовательно, и всего рейхсвера.

Текст подтверждает, что Рейхенау и его шеф, Бломберг, одобряют все действия убийц из СС и гестапо, что

факты нарушения законов и прерогатив Офицерского корпуса их не беспокоят. Шлейхер, самый популярный иуважаемый в армии генерал, оклеветан, а само его имя смешано с грязью. Решение Бломберга и Рейхенау скажется на судьбе рейха и его армии самым роковым образом.

Рейхенау, кадровый офицер, отмеченный многими наградами, носящий традиционный монокль и держащийся в своей ладно пригнанной военной форме так, словно он проглотил аршин, не постеснялся написать: «Генерала Шлейхера подозревали в участии в заговоре, организованном Ремом. Были посланы два эсэсовца, чтобы арестовать его, но он, к сожалению, оказал при аресте ожесточенное сопротивление, и им пришлось применить оружие. Стороны обменялись выстрелами, и генерал со своей женой, которая неожиданно появилась на месте схватки, были смертельно ранены».

Самодовольство Геринга легко объяснимо. Жизнь на улицах Берлина быстро вернулась в свою обычную колею. Унтер-ден-Линден заполнена гуляющими, а уличные кафе на Курфюрстендаам забиты берлинцами, наслаждающимися прекрасным, теплым вечерком последнего июньского дня. Ограждения в Тиргартене убраны, и по обсаженным деревьями аллеям, сходящимися на Флораплац, прогуливаются парочки. В вечерних выпусках крупных газет объявлено только, что группенфюрер Лутце сменил Рема на посту руководителя СА, причем это сообщение помещено на последних полосах. Заявлений Геринга и Рейхенау нет и следа — их доставили в редакции слишком поздно, чтобы они успели попасть в вечерние выпуски.

Тем не менее в разговорах, которые ведутся полуночью, постоянно упоминаются названия Лихтерфельде и Колумбус-Хаус. В этих двух зданиях томятся арестованные в тот день штурмовики.

В военном училище Лихтерфельде идут расстрелы. Здесь капитана BBC Герта, бывшего летчика эскадрильи

Геринга и кавалера ордена «За заслуги», заставили явиться на расстрел при всех своих орденах, и Геринг демонстративно сорвал их с него. Расстрельная команда состоит из эсэсовцев лейбштандарта СС Зеппа Дитриха — их сослуживцы убивают сейчас офицеров СА в Штаделхаймской тюрьме. Весь день залп следует за залпом, их прерывают лишь команды эсэсовцев и крики осужденных, а порой и возгласы «Хайль Гитлер!», которые издают штурмовики, не понимающие, за что их расстреливают, и восхваляющие человека, которому они верили, да и сейчас еще верят. С этим же возгласом на устах умрет и Карл Эрнст.

В аэропорту Темпльхоф чиновники ожидают прибытия самолета Гитлера. Они замечают, что в конце взлетной полосы приземляется одномоторный «Юнкерс». Самолет медленно катится к вышке управления полетами. Как только он останавливается, на землю спрыгивает гауптштурмфюрер Гильдиш, а после него — охраняемый эсэсовцами, обергруппенфюрер СА Карл Эрнст. Они прилетели из Бремена. Эрнст спокоен. «Мне показалось, что он был в хорошем настроении, — замечает Гизевиус. — Он спрыгнул с самолета и уселся в машину, расточая направо и налево улыбки, словно желая показать всему миру, что не воспринимает свой арест все-рьез». Эрнст конечно же не понимает, что происходит. Он будет расстрелян в Лихтерфельде, став жертвой заговора, о котором ему не было ничего известно, и выкрикнув перед смертью, что верит Гитлеру. Возможно, он даже думал, что погибает за него.

Самолет Гитлера появляется почти сразу же после самолета Гильдиша. «Юнкерс» медленно пролетает над аэродромом, а потом разворачивается, садится и подрудливает точно к тому месту, где фюрера ждет почетный караул СС. Момент очень торжественный: фюрер возвращается в столицу, в которой не был несколько дней. Подробности его возвращения на всю жизнь запечатились в памяти Гизевиуса.

«Браво, Адольф!»

Геринг, Гиммлер и другие партийные чиновники идут к самолету. Гитлер появляется первым, и после щелкания каблуков и обмена приветствиями из самолета выходят Брюкнер, Шауб, Зепп Дитрих и Геббельс с мрачной усмешкой на лице. Гитлер идет медленно и устало, тяжело ступая между лужами. «Он выглядел так, как будто в любую минуту готов был упасть в обморок... Он был одет во все темное: коричневая рубашка, черный галстук, кожаный плащ и высокие армейские сапоги. Он был без шляпы, и его плохо выбритое, одутловатое лицо было белым как мел. Оно было изборождено глубокими морщинами. Потухшие глаза фюрера, полуоткрытые тяжелыми веками, смотрели в одну точку». И Гизевиус добавляет: «Выглядел он просто отвратительно».

Фюрера сопровождают Гиммлер и Геринг. Когда они останавливаются, другие тоже замирают на месте, стараясь держаться на расстоянии. «Гиммлер вытащил из рукава длинный, смятый лист, — пишет Гизевиус. — Пока Гитлер просматривал его, Гиммлер и Геринг продолжали разговаривать. Было видно, как Гитлер ведет по списку пальцем, время от времени задерживаясь у чьего-нибудь имени... Неожиданно он откинул назад голову с такой яростью, если не сказать негодованием, что все обратили на это внимание. Небе и я посмотрели друг на друга: у нас обоих мелькнула мысль, что он узнал о «самоубийстве» Штрассера».

Эта сцена, как вспоминает Гизевиус, происходила на фоне «кроваво-красного, поистине вагнеровского заката», словно в трагедии или в опере. Когда группа важных персон отправилась к машинам, с крыши ангара, где собрались летчики и механики, желающие увидеть приезд Гитлера, тишину нарушил чей-то одинокий крик: «Браво, Адольф!» А потом еще раз: «Браво, Адольф!» Этим насмешливым возгласом одобрения простолюдины, словно в драме Шекспира, напомнили влиятельным

господам, которые на исходе этого кровавого дня чувствовали себя победителями, что триумф их недолговечен и очень похож на фарс.

Глава 7

Ночь, суббота 30 июня

Воскресенье 1 июля — понедельник 2 июля 1934 года

Правительственные машины покинули Темпльхоф; начинают разъезжаться и автомобили СС и военно-воздушных сил. Тишина на аэродроме нарушается только короткими, гортанными приказами. Солнце уже опустилось за горизонт; осталось только красное свечение, прошитое строчкой серых облаков.

По дороге в министерство Гизевиус заскакивает перекусить в ресторанчик на Курфюрстендан, где часто обедают чиновники различных правительственные учреждений. Здесь, за отдельным столом в конце зала, он замечает полковника Ганса Остера, одного из руководителей абвера, который, как хорошо известно Гизевиусу, отнюдь не симпатизирует нацистам. Он подсаживается к Остеру, и за обедом они тихо сообщают друг другу, что им стало известно. Гизевиус пишет: «Я понял, что в военном министерстве почти никто не знает, как много человек погибло». И в самом деле, офицеры рейхсвера остались в стороне, поскольку Рейхенау и Бломберг купили их своими милостями и продвижением по службе. Естественно, Остер был среди тех, кто находился в неведении и теперь возмущался методами, которые применяли рейхсфюрер Гиммлер и Гейдрих. Гизевиус разделяет его точку зрения; расставаясь, они выражают надежду, что «гестаповцы ответят за свои дела — на этот раз они зашли слишком далеко».

Но эпоха безграничного господства гестапо еще только начинается. Для Гейдриха и Гиммлера этот день стал

решающим. Именно с него началось неуклонное усиление органов, которые они возглавляют.

Вечер субботы Гиммлер и Гейдрих проводят в Канцелярии вместе с фюрером и Германом Герингом. Через некоторое время Гейдрих оставляет Гитлера наедине с Герингом и Гиммлером. Они разговаривают, не опасаясь, что им кто-нибудь помешает, оценивая то, чего удалось достичь. Количество людей, казненных еще до того, как они осознали, что с ними происходит, подтверждает, что победители действовали очень решительно. Геринг первым произносит имя Рема, который все еще жив. Колебания Гитлера очень беспокоят Гиммлера и Геринга. Неужели он хочет выйти сухим из воды, выставив себя беспристрастным судьей, чьи руки чисты, а всю вину свалить на них? Надо во что бы то ни стало заставить его казнить Рема, навеки связав свою судьбу с ними. И они напоминают Гитлеру об огромном влиянии Рема, о его аморальном поведении, из-за которого почти ежедневно возникали скандалы. Однажды Рем забыл на лестнице в борделе свой портфель со служебными документами, и пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы эта история не просочилась в прессу. Армия тоже жаждет его крови. Вчера Бломберг исключил его из Офицерского корпуса, а сегодня, после гибели Шлейхера, сможет ли рейхсвер согласиться с тем, чтобы Рем остался жив? Справедливость не терпит исключений. Справедливость — Геринг произносит это слово со смаком — требует, чтобы Рем был казнен. Но Гитлер все еще сомневается, и, когда Гиммлер и Геринг покидают Канцелярию, судьба руководителя СА по-прежнему не решена, а сам он в это время дремлет, поминутно просыпаясь в своей душной камере.

Суббота 30 июня. Время перевалило за одиннадцать. Расстрелы в Лихтерфельде на какое-то время прекратились, и жители окрестных домов могут наконец отдохнуть от этих ужасных выстрелов, команд и криков, которые весь день нарушали тишину этого спокойного

района. В центре Берлина постепенно пустеют кафе, тихие семейные группы, прогуливающиеся в сторону Бранденбургских ворот, возвращаются по Унтер-ден-Линден, мимо министерства внутренних дел рейха. И хотя в этом большом здании все спокойно, высокопоставленные чиновники, работающие здесь, не находят себе места от страха. Генерал Далюег, руководитель прусской полиции, разговаривает с Гизевиусом и Грауэртом, составляющими список дневных событий, на основе которого потом будет написан отчет. Потом он заявляет, что, учитывая сложившуюся ситуацию, он разложит в своем кабинете походную кровать и останется ночевать в министерстве. Гизевиус решает последовать его примеру и выбирает кабинет отсутствующего коллеги — кому придет в голову искать его здесь, за дверью, на которой прибита дощечка с именем совсем другого человека? Но прежде чем расположиться здесь на ночь, он решил поболтать с адъютантом Далюега. «Я дал ему понять, что решение нашего шефа провести ночь в министерстве свидетельствует о его служебном рвении. «Что?! — воскликнул верный адъютант. — О каком служебном рвении ты говоришь? — Лицо его побагровело, а голос сорвался. — Да он просто боится... потому и не пошел ночевать домой».

Во всех городах рейха имеются люди, у которых есть причины бояться. В камерах Штаделхайма, Лихтерфельде, Колумбус-Хаус и в подвалах на Принц-Альбрехтштрассе они прислушиваются к шагам эсэсовцев, которые могут войти в любой момент, чтобы пристрелить их или отвести на место казни. Они вслушиваются в ночную тишину, не выстраиваются ли солдаты, не заряжают ли оружие. Ужас их увеличивается оттого, что они не понимают, почему их бросили в тюрьму, почему режим, который, как им прекрасно известно, безжалостен к своим жертвам, вдруг отвернулся от них. Ведь они были частью этого режима, и положение отверженных только усиливает их страх. Другие, переодевшись в чужую

одежду, с подложными документами, прячутся в чужих домах, отчаянно пытаясь спастись от убийц. Третий, раненные, чудом сумевшие скрыться от преследователей, бредут по лесным тропам, обходя Берлин, с искаженными страхом и болью лицами. И наконец, четвертые, которых пока не затронули репрессии, тоже трясутся от страха, поскольку хорошо знают тот произвол, который царит в рейхе, и опасаются, что завтра или даже сегодня сами могут стать его жертвами.

Страх, ужас и отчаяние, охватившие тысячи людей, наполняют эту ночь. А в семь часов утра, когда с неба польются яркие, веселые солнечные лучи, возбужденный, металлический голос Йозефа Геббельса ворвется во все дома и будет изрыгать оскорблений, угрозы и предвещать новые смерти. Геббельс по радио рассказывает всей Германии о «ночи длинных ножей», во время которой погибли его бывшие товарищи.

«Они опозорили звание штурмовика и уронили честь СА, предаваясь беспрецедентному разврату и живя в роскоши. Эти дебоширы и пьяницы нарушили принцип простоты и личной порядочности, который исповедует наша партия. Еще немного, и разложение перекинулось бы на все наше руководство, которое они стремились разить своими постыдными и отвратительными сексуальными извращениями».

Десятки тысяч немецких семей, отправляясь в церковь, возмущаются ужасающим развратом, о котором сообщил им Геббельс. К счастью, Гитлер, мудрый вождь партии, покарал тех, кто был заражен этим развратом. «Они думали, — продолжает Геббельс, — что терпимость фюрера — это свидетельство его слабости... Они встречали все предупреждения с циничной усмешкой. Убедившись, что доброта бессильна, правительство решило прибегнуть к суровым мерам. Фюрер может быть великим в своей доброте, но он может быть великим и в своем гневе...»

Под звуки этого голоса дети встают с постелей, а матери готовят завтрак. В деревнях в открытые окна про-

никает запах душистого сена. Жизнь в Германии течет мирно, ровно, благопристойно; кажется, что «ночь длинных ножей» произошла где-то далеко, на другой планете.

«Миллионы членов нашей партии, штурмовики и эсэсовцы поздравляют друг друга с этой грозой, принесшей очищение. Вся нация может вздохнуть спокойно, освободившись от этого кошмара».

Многие люди в это воскресное утро и вправду чувствуют облегчение. Они покупают газеты и читают там фамилии пяти расстрелянных обергруппенфюреров СА и узнают, что Рема сменил Лутце. Штурмовиков наконец-то поставили на место. Пьяным дебошам, дракам и скандалам, которые нарушали покой в бесчисленных немецких городках, пришел конец. Повсюду воцарится порядок, ради которого немцы и голосовали на выборах за нацистов. Они не ошиблись, отдав свои голоса фюреру. Как сказал Геббельс, «фюрер решил действовать безо всякой жалости, зная, что на карту поставлены принципы порядочности, простоты и общественного спокойствия. И чем выше положение человека, тем сильнее должно быть наказание».

Респектабельные читатели газеты «Дойче альгемайнे цайтунг» довольны. Наконец-то прекратятся разговоры о второй революции, столь дорогой для штурмовиков. «Энергичное правительство нанесло удар вовремя, — читают они в своей газете. — Оно нанесло удар с поразительной точностью и сделало все возможное, чтобы обеспечить спокойствие всех патриотов страны, которым теперь не надо будет бояться, что кто-нибудь причинит им вред или беспокойство... Теперь мы имеем сильное, консолидированное государство. Теперь нам не надо опасаться отвратительных элементов, которые составляют фон этой псевдореволюции».

Повсюду царит покой. В лучах летнего солнца Берлин выглядит величественно, в парках играет детвора. Американский посол Додд медленно колесит по городу в своем автомобиле. Он дважды проезжает мимо дома

Франца фон Папена, но, если не считать полицейской машины, стоящей около него, все кажется совершенно обычным. Официальное информационное агентство Германии, ДНБ, рассыпает дополнительные бюллетени, которые передаются по радио, подтверждая, что в Германии царит полный порядок.

«В Силезии, — отмечается в первом коммюнике, — операция по предотвращению запланированной революции прошла в обстановке всеобщего спокойствия и порядка. Большая часть штурмовиков сохранила верность фюреру». Ночь с субботы на воскресенье по всей Силезии прошла спокойно. Штурмовики послали фюреру телеграмму, в которой заверили его в своей преданности. Гаулейтер Силезии тоже прислал телеграмму Адольфу Гитлеру, подтверждая, что вся подвластная ему земля сохранила ему верность.

Руководитель СА Вильгельм Шепман, командующий группами в Нидерхейне и Вестфалии, также телеграфировал: «Мы продолжаем идти по пути, начертанному фюрером, и знаем, что на этом пути будем служить немецкому народу». Кауфман, гаулейтер Гамбурга, уверяет фюрера в преданности своего района, а Лепер, рейхсштатгальтер Брауншвейг-Ангальта, заявляет о своем беспрекословном подчинении фюреру. Маршлер, гаулейтер Тюрингии, клянется фюреру в верности. «Нельзя трогать фюрера и его дело», — пишет он. Штрайхер, гаулейтер Франконии, заявляет, что аресту подверглись только опасные и нездоровые элементы. «Фюрер одержал победу, и мы клянемся ему в верности».

Руководители всех нацистских организаций присыпают телеграммы, свидетельствующие о том, что они безраздельно преданы Гитлеру, и офицеры СА — среди тех, кто прислал самые первые телеграммы. Пусть их поставили на колени, зато они остались живы.

Итак, Гитлер одержал полную победу, и рейхсвер поздравляет его. На первый взгляд рейхсвер тоже выиграл. В своем приказе, продиктованном в воскресенье Лутце,

Гитлер подчеркивает, что «...прежде всего все офицеры СА должны вести себя по отношению к армии абсолютно честно и сохранять преданность и верность рейхсверу».

Мечта Рема — сделать СА ядром новой армии — так и не осуществилась. Оружие, накопленное СА, было передано рейхсверу. 5 июля, обследовав склады СА, генерал Лизе, руководитель военного обеспечения, воскликнул: «Теперь мне долгое время не надо будет закупать винтовки!» Приказ генерала Бломберга, разосланный 1 июля в войска, — это цена, которую армия заплатила Гитлеру за его работу. Этот приказ был вывешен во всех казармах и офицерских столовых и зачитан перед строем солдат, стоявших по стойке «смирно».

«С военной решимостью и беспримерным мужеством фюрер лично атаковал и сокрушил мятежников. Армия, которой поручена защита нации, осталась в стороне от внутренней политической борьбы. Армия отблагодарит своей верностью и преданностью. Фюрер требует, чтобы между СА и армией установились хорошие отношения. Армия сделает все возможное, чтобы наладить их, прекрасно понимая, что у нас общие идеалы».

Вот какой доход принес фюреру этот день: военное министерство представило его простым солдатам как пример верности солдатскому долгу и как образец для подражания. Быстро же высохла кровь генералов Шлейхера и Бредова! Бунт был задавлен в зародыше.

Однако, когда посол Додд попытался дозвониться до Папена, ему никто не ответил — линия была отключена. А в военном училище Лихтерфельде утром снова возобновилась пальба — там снова начались расстрелы. Через каждые двадцать минут раздаются команды, потом звучит залп, проходит несколько секунд, и до ушей слушателей доносится сухой щелчок — это солдаты перезаряжают оружие. Для семей офицеров, живущих в казармах, обстановка сделалась столь невыносимой, что многие из них перебрались к родственникам в другие районы Берлина.

Воскресенье 1 июля

13.00

Таким образом, несмотря на уверения властей, что все закончилось, операция продолжается. Да и разве может она завершиться, пока жив Рем? Ближе к полу-дню Гиммлер и Геринг возвращаются в Канцелярию, над которой развевается флаг фюрера с огромной свастикой. Берлинцы, вышедшие погулять, аплодируют проезжающим мимо них правительенным машинам. Но никто из этих людей, поднимающих повыше своих детишек, чтобы они смогли увидеть генерала Геринга и рейхсфюрера СС Гиммлера, даже не подозревает, что они едут в Канцелярию, чтобы вырвать у Гитлера обещание казнить Рема.

В Канцелярии они долго и ожесточенно спорят с фюрером. Гитлер, освеженный долгим ночным сном, не хочет уступать. Он не хочет признавать их доводов о том, что живой Рем может стать орудием против Геринга и Гиммлера. Он вспоминает прошлые заслуги Рема, но это очень слабый аргумент: у Хейдебрека, Эрнста, Шлейхера или Штрассера заслуг было не меньше, и тем не менее они погибли. Мало-помалу Гитлер начинает уступать, а вскоре после часа дня и вовсе сдается. Геринг встает и, сияя от радости, проходится по комнате. Гиммлер, более сдержанный, напускает на себя задумчивый вид, под которым пытается скрыть распирающую его радость.

Через несколько минут фюрер звонит в министерство внутренних дел Мюнхена, которое, по существу, является штабом всей операции. Здесь расположились офицеры лейбштандарта СС «Адольф Гитлер», а также Теодор Эйке, комендант лагеря Дахау, один из тех людей, кого Гиммлер первым предупредил о готовящейся операции. Он явился в министерство, чтобы дождаться здесь приказов из Берлина. И вот они приходят — точные и краткие, от самого фюрера. Рем должен умереть. Но сначала ему надо предложить покончить с собой.

Эйке немедленно отбирает двух самых надежных эсэсовцев — штурмбаннфюрера Михаэля Липперта и группенфюрера Шмаузера. Вся троица проверяет оружие и отправляется в Штаделхаймскую тюрьму.

Час дня. Перед высокими дверями Канцелярии в Берлине собралась огромная толпа. Дети кричат от радости, убегая от своих родителей. Полиция добродушно наблюдает, как ликует толпа, — смена караула у здания Канцелярии является одним из самых любимых зрелищ берлинцев.

Появляется смена; солдаты, словно механические куклы, идут парадным шагом, громко ударяя каблуками с металлическими набойками о тротуар. Над большим барабаном вращается флаг, флагшток которого увенчан колокольчиками, а оркестр исполняет «Песню о Хорсте Веселе», «Песню о Германии» и «Баденвейлерский марш». Наконец в окне Канцелярии на втором этаже появляется фюрер. С самого первого дня своего правления он часто показывается в этом окне, приветствуя лиющую толпу и наблюдая за факельным шествием. Люди замечают его и приветствуют радостными криками. Фюрер выглядит отдохнувшим, его волосы аккуратно причесаны, он оживленно беседует с генералом Лицманом, командиром караула, и министром Фриком. Он снова салютует толпе и с явным сожалением удаляется. Раздаются приветственные крики, и толпа расходится, в то время как солдаты педантично исполняют фигуры своей привычной кадрили. Многие родители с детьми направляются в Тиргартен, чтобы прогуляться по его тенистым, прохладным аллеям, поскольку день выдался жарким и душным.

В 14.30 Эйке, Липперт и Шмаузер приезжают в Штаделхаймскую тюрьму. Здание, похоже, погружено в сон. Охранник-эсэсовец отдает честь офицерам, которые сразу же направляются в кабинет Коха. Кох почти не отдыхал со вчерашнего дня, и на его лице написаны страх и усталость. Когда входитoberфюрер Эйке и требует выдать ему Рема, начальник тюрьмы приходит в изумле-

ние. И так же, как в свое время от Зеппа Дитриха, он требует письменного ордера. Министр юстиции Франк, которому звонят по телефону, дает словесное подтверждение приказа, но Кох неумолим. Эйке ругается, бушует, снова звонит Франку, и Кох наконец сдается. Тюремному сторожу велят отвести трех эсэсовцев в камеру номер 474. Рем, по-прежнему голый по пояс, окончательно сломлен и потерял волю к сопротивлению. Он безучастно смотрит, как в камеру входит Эйке, смотрит, как он кладет на стол номер «Фелькишер беобахтер», в котором сообщается о снятии Рема с поста руководителя СА и приводится список казненных штурмовиков. Рядом с газетой Эйке кладет револьвер, заряженный одной-единственной пулей, и уходит.

В Берлине, в саду Канцелярии, Гитлер устраивает чай для дипломатов, министров и высших офицеров рейхсвера. Официанты, одетые в форму, предлагают большой выбор напитков. Звучит смех, по Канцелярии бегают дети Геббельса. В толпе, собравшейся снаружи, раздаются приветственные крики — люди даже не подозревают о том, что в Лихтерфельде каждые двадцать минут звучат выстрелы, а в Штаделхаймской тюрьме Рему предоставлена возможность покончить с собой. Гитлер, широко улыбаясь, подходит к окну и приветствует толпу. Гизевиус пришел сюда вместе со своим шефом Далюегом, который после смерти Рема возглавит штурмовые отряды Берлина, Бранденбурга и Померании. Гитлер замечает Гизевиуса. «Он повернулся и поднял руку, чтобы поприветствовать меня с тем же самым выражением превосходства, которое я уже дважды видел у него. Он смотрел на меня таким взглядом, как будто я тоже был ликующей толпой. Я весь сжался под этим взглядом — Гитлер, вероятно, воображал себя Цезарем. Мне вдруг пришло в голову, что если бы он мог прочитать мои мысли, то велел бы меня расстрелять. Но он, кажется, не имел ничего против меня — он просто хотел сыграть свою роль до конца».

Гитлер возвращается на середину комнаты, и Гизевиус, продолжающий наблюдать за ним, замечает: «В эту минуту я понял, какой напряженный день он пережил, и теперь пытается избавиться от воспоминаний о нем, прячась за позой, которая стала самым эффективным его оружием». В центре комнаты, окруженный элегантными женщинами, которые смеются малейшей его шутке, Гитлер разве что не танцует от возбуждения. Видно, что он наслаждается вниманием, которое оказывают ему все присутствующие, и, в своей белой рубашке и форменном кителе с Железным крестом и нарукавной повязкой со свастикой, совсем не похож на того человека, который вчера в четыре часа утра еле тащился по летному полю мюнхенского аэропорта Обервизенфельд.

То, что пришлось пережить Рему, хуже всякого кошмара. Он по-прежнему неподвижно сидит в своей камере. Через десять минут эсэсовцы Липперт и Эйке открывают дверь. «Готовься к смерти, Рем!» — кричит Эйке. Липперт, руки которого дрожат, делает два выстрела. Рем еще успевает прошептать «Мой фюрер, мой фюрер», прежде чем третья пуля приканчивает его.

В Берлине, под ликующие крики толпы, Гитлер в третий раз появляется в окне Канцелярии, а когда он отходит, офицер СС протягивает ему записку, в которой сообщается о смерти Рема. Гитлер быстро поворачивается к гостям, а через несколько минут уходит к себе. Гиммлер и его СС победили. Все эти Геринги, Гейдрихи, Геббельсы, Борманы и Бухи — все эти заговорщики — могут теперь, не опасаясь беспорядков на улице и грубых выходок штурмовиков, управлять Германией. Штурмовики лишились своего руководителя, Рема, который лежит сейчас в луже крови. Гитлер во второй раз выбрал порядок и порвал со своим старым товарищем. Людей, которые не боятся говорить Гитлеру правду в лицо, как это делает Фрик, почти не осталось. «Мой фю-

рер, — сказал Фрик, — если вы не поступите с Гиммлером и его СС так же круто, как с Ремом, то вы просто смените дьявола на Вельзевула».

Но СС со временем станут гораздо более серьезной проблемой, чем СА. А сегодня, 1 июля, речь пока еще идет только о ликвидации Рема и его сторонников. По радио объявляют, что группенфюрер фон Оберниц, руководитель СА Франконии, приказал: 1) убрать имя Рема со всего наградного оружия, 2) снять все портреты Рема, 3) переименовать Дом Эрнста Рема в Дом административной службы СА Франконии.

В партийных типографиях уже принято решение — все фотографии Рема, все, что напоминает о нем, должно быть уничтожено. Что касается простых штурмовиков, то им снова говорят, что они находятся в отпуске. «Этот отпуск, — говорится в коммюнике, — предоставленный всем штурмовикам, не отменяется, и по приказу руководителя штаба СА Лутце все члены СА могут отдохнуть и провести время со своими семьями». Смерть Рема фактически означает конец штурмовых отрядов как самостоятельной силы. Она также послужила сигналом для уничтожения тех членов СА, которым до этого была сохранена жизнь и которых теперь отыскивают в камерах Лихтерфельде и Колумбус-Хаус.

С примкнутыми штыками эсэсовцы отводят осужденных к стенке. Звучит краткая команда: «По приказу фюрера, целься, пли!» Иногда арестованных, которые содержались в Колумбус-Хаус, привозят на машине в Лихтерфельде и расстреливают здесь, во дворе училища. Так должны были поступить и с группенфюрером СА Карлом Шрейтером.

Но когда пришло время отправлять его в Лихтерфельде, машины еще не было. Когда же Шрейтера наконец затолкнули в машину, к Колумбус-Хаус на полной скорости неожиданно подлетает широкий черный «мерседес» и резко останавливается. Время приближается к четырем часам утра 2 июля 1934 года. Штандартенфю-

рер, выпрыгнувший из машины, объявляет, что фюрер велел прекратить расстрелы. Быть может, он решил, что ста человек казненных (а может быть, и тысячи с небольшим) — вполне достаточно. Теперь он может изображать из себя умеренного, справедливого и великодушного человека. Впрочем, Гитлер вполне мог опасаться реакции со стороны старого маршала Гинденбурга.

Президента, на всякий случай, полностью изолировали в его обширном поместье в Нейдеке. Везде стоят эсэсовцы: одни прячутся в парке среди деревьев, другие проверяют тех, кто приходит к президенту. Более того, камергер, граф Шулленбург, следит, чтобы изоляция президента никем не нарушалась. Когда друг Гинденбурга, граф фон Ольденбург-Янушау, живущий по соседству, по просьбе Папена захотел встретиться с президентом, чтобы сообщить ему о том, что происходит в стране, ему отказали в приеме — Гинденбург болен и никого не принимает. Но Гитлер осторожен. Теперь, когда СА разгромлены, а их руководители казнены, да к тому же ликвидировано много старых врагов, зачем продолжать расстрелы? В Берлине в ночь с 1 июля на 2-е появилось несколько листовок СА, но их призыв «Товарищи штурмовики, не позволяйте разоружать себя, прячьте оружие, не позволяйте себе стать палачами рабочего класса» никого не трогает. Граждане ведут себя спокойно и верноподданно. Элита страны, армия, партия — все аплодируют фюреру, а простой народ либо одобряет его действия, либо молчит. Ну а раз главные мятежники казнены, можно теперь проявить милосердие.

Сорок восемь часов назад Рем, Шпрети и Хайнес со своим молодым штурмовиком спали в маленьких комнатах пансионата «Ханзельбауэр». Шлейхер, Бредов, Шмидт и Кар тоже спали или спокойно работали у себя дома, как и многие другие, подобные им люди, виновные и невиновные. В течение этих сорока восьми часов, во время «ночи длинных ножей» лета 1934 года, они были убиты безо всякого суда и следствия.

Эпилог

В понедельник 2 июля 1934 года, ближе к восьми часам утра, к дому одного из представителей среднего класса в пригороде Мюнхена подъехал мотоциclist из министерства внутренних дел Баварии. Он передал хозяйке дома конверт, в котором лежало длинное послание из центрального офиса гестапо в Берлине. Человек, пославший его — сотрудник СД, — принимал участие в операции, арестовывал и расстреливал людей во время «ночи длинных ножей». Его жена громко читает детям послание отца: «Моя дорогая, нам пришлось много по-трудиться, чтобы подавить мятеж Рема. Мы работали до трех-четырех часов утра, а после этого каждые десять минут звонил телефон. Мы так устали, что просто валимся с ног, но все-таки сумели избавить страну от кошмара. Обнимаю тебя. Твой *papa*».

Несомненно, когда его семья получила эту телеграмму, этот человек уже крепко спал. Все его домашние вздохнули с облегчением, узнав, что он жив и до конца выполнил свой долг. Он тоже вздохнул с облегчением, когда их наконец отпустили спать. Нацистов угрызения совести не мучают.

В понедельник утром все, кто участвовал в «ночи длинных ножей», валились с ног от усталости. Теперь надо начинать жизнь сначала, как будто ничего не произошло. Тем не менее все понимают, что в стране произошли очень важные перемены. Жены погибших обижают пороги министерств, прося сообщить им о судьбе мужей, умоляя выдать их тела, чтобы достойно похоронить. Но вдов отовсюду бесцеремонно прогоняют, поскольку в официальных документах никаких погибших нет, за исключением десятка имен, которые попали в газеты. Погибшие существуют только в воображении иностранных журналистов да эмигрантских организаций, бомбардирующих немецкий народ посланиями, которые тот не может и не хочет читать. Социал-демок-

раты, эмигрировавшие из страны, выпустили, например, вот такой манифест: «Банда уголовников, захватившая власть в Германии, вымазалась в грязи и крови. Гитлер обвиняет своих ближайших соратников, людей, которые привели его к власти, в самых гнусных преступлениях против морали... Но ведь он сам требовал, чтобы они терроризировали народ и совершали убийства... До этого он терпел и одобрял их зверства, называя своими товарищами... А сегодня он позволил убить их, но не потому, что они были преступниками, а чтобы спасти себя... Тысячи убийц пронеслись над Германией, словно стая саранчи...»

Но граждане рейха не имели возможности прочитать этот манифест. Утром в понедельник 2 июля они, как обычно, отправились на работу. Станции метро на Вильгельмштрассе и Унтер-ден-Линден, как всегда, выбрасывают из своих чрев толпы чиновников, по звуку сирен дневная смена заполняет цеха заводов Круппа. Жизнь течет по обычной колее, как будто в стране ничего не произошло.

В берлинской подземке, в Мюнхене, во Франкфурте немцы читают в газетах только официальные бюллетени, в которых говорится, что «изменник Рем, отказавшись признать пагубный характер своих поступков, был казнен». «Крейц цайтунг» пишет: «Мы все теперь в неоплатном долгу перед фюрером». Все газеты, за исключением некоторых изданий, которые широкая публика не читает, горячо одобряют репрессии. Но даже франкфуртская «Газетта», весьма сдержанно отнесшаяся к событиям, отмечает: «Все немцы должны сделать вывод, что беспрецедентная жестокость наказания соответствует беспрецедентной тяжести преступлений».

Жизнь продолжается, словно ничего не случилось, — преступники не должны оставлять за собой следов. В понедельник утром Гизевиус, совершенно измотанный бессонной ночью, приступает к своей работе. Ему приносят служебную записку, доставленную в министер-

ство по ошибке. Он читает: «Министр-президент Пруссии и глава тайной полиции взяли на себя руководство всей полицией страны. По высочайшему приказу все документы, относящиеся к операции последних двух дней, должны быть немедленно сожжены. Об исполнении приказа доложить».

— А радиограммы тоже сжигать? — спрашивает посыльный, офицер полиции. И он протягивает Гизевиусу пачку маленьких белых листочеков, на которых записаны запросы и сообщения, поступившие со всех концов Германии. На этих листочеках зафиксировано почасовое развитие операции.

— Конечно. Их нужно сжечь как можно быстрее, — отвечает Гизевиус.

«Я довольно грубо выхватил эту пачку у него из рук, — пишет Гизевиус, — и, как только он повернулся, чтобы уйти, запер их в свой сейф».

Так часть документов была сохранена для истории. Но простые немцы ничего об этом не знают — или просто не желают знать. Они делают вид, что не замечают, что Чиршский, например, вернулся домой с обритой головой, а жена Бозе, мать двоих малолетних детей, падает в обморок, когда ей привозят урну с прахом мужа, — она и не знала, что он погиб. По телу человека можно определить, какой смертью он умер, пепел же абсолютно безгласен. Если родственники погибшего настаивают, если они знают, к кому надо обратиться, то кое-кто из них получает эти маленькие серые урны. Вдове обер-фюрера Хофмана прислали урну за номером 262, а вдове Грегора Штассера — за номером 16.

«Вы спасли немецкий народ»

Над Германией опустилась завеса террора и конформизма, но никто не хочет этого признавать. Люди, побывавшие в лагерях и тюрьмах, тоже молчат, но их лица

не могут скрыть следов того ужаса, что они пережили. Бывшие узники открывают рот только для того, чтобы прославить гестапо, его тюрьмы и методы, а также справедливость и милосердие Гитлера. Даже ближайшие помощники Гинденбурга не скрывают своего страха. В понедельник 2 июля газеты публикуют телеграмму из Нейдека, подписанную маршалом Гинденбургом.

«Канцлеру рейха фюреру Адольфу Гитлеру

Согласно присланным мне докладам, выяснилось, что, благодаря твердым решениям и мужеству, которое Вы проявили, лично участвуя в операции, заговор изменников Родины был подавлен. Вы спасли немецкий народ от большой опасности. Должен выразить Вам мою горячую признательность и благодарность.

Рейхспрезидент, фельдмаршал фон Гинденбург».

Этой телеграммой человек, наделенный высшей властью в Германии, выдающийся военачальник, восьмидесятисемилетний старик, ставший олицетворением немецких традиций, одобрил все нарушения законов, все убийства, совершенные в эту долгую ночь, и объявил Гитлера святым спасителем немецкого народа. В тот же самый день Гинденбург благодарит и Германа Геринга:

«Хочу выразить Вам мою благодарность и признательность за Ваши энергичные действия, увенчавшиеся успехом, в подавлении заговора против Германии. Шлю Вам свое отеческое благословение.

Фон Гинденбург».

Вполне возможно, что Гинденбург вовсе не посыпал этих телеграмм — за него это сделали другие. Позже, в 1945 году, когда Папен, Геринг и маршал Кейтель сидели в одной камере во время Нюрнбергского процесса над военными преступниками, Папен затронул этот

вопрос: «Когда я спросил Геринга, считает ли он, что Гинденбург видел телеграмму, присланную от его имени Гитлеру, он привел мне слова Майснера, Государственного секретаря при президенте. Несколько раз, вспоминая об этой телеграмме, Майснер с многозначительной улыбкой спрашивал Геринга: «Кстати, господин премьер-министр, понравилось ли вам, как были сформулированы фразы в этих телеграммах?»

Теперь уже не важно, сам ли Гинденбург посыпал поздравление Герингу, или это сделали его помощники, важно лишь то, что оно связало одной веревочкой старого маршала с Герингом и подчиненными ему убийцами. Этой же веревочкой Гинденбург оказался связан и с гауптштурмфюрером Гильдишем, который убивал безоружных людей выстрелом в спину. Совесть немецкого народа, спокойно занимавшегося в это утро своими делами, пошла на поводу у нацистов.

Так понедельник 2 июля принес Гитлеру новую победу — теперь дорога к посту президента рейха была для него открыта. Со смертью Гинденбурга исчезнет последнее препятствие.

А жизнь течет своим чередом. Служащие министерств, загоревшие в выходные дни на берегах берлинских озер, возвращаются в свои рабочие кабинеты, где их встречает привычная обстановка, разве что только член секретариата шепнет им на ушко об исчезновении в субботу двух или трех сотрудников. Никто не задает никаких вопросов. Государственная машина снова работает как часы. Как писал Гизевиус: «2 июля законность и бюрократическая рутинा снова вошли в свои права, и все опять стало функционировать нормально. Трудолюбивые чиновники принялись манипулировать формулировками, чтобы придать событиям последних дней видимость законности».

И снова начались парады. В Эссене, как только наступил вечер, полиция принялась очищать улицы от машин. Служебные автомобили городских властей и

партийных боссов, с эсэсовцами на подножках и громкоговорителями на крышах, медленно проезжают по улицам, затянутым туманом, через толицу которого лишь изредка пробивается солнечный свет. Жарко и влажно, словно вот-вот разразится гроза; над городом висит тяжелое облако дыма и пыли. Громкоговорители без перерыва вещают:

«Люди Эссена, немцы Третьего рейха, в городе Эссене состоится празднование победы над преступным заговором, изменой и реакцией. Город будет украшен многочисленными флагами. Вывешивайте свои флаги!»

Это приказ. После того как по городу проехали машины, на улицах появились группы людей, раздающие огромные полотнища флагов, которые должны быть вывешены на фасадах домов. В 20.45 ревут сирены — еще достаточно светло, чтобы различать цвета форм и красные повязки на рукавах. Отряды СА собираются на разных площадях города, штандарт СА 219 строится на игровом поле у Копфштадплац. Но виновниками торжества являются сегодня СС и нацисты, которые собрались на Адольф-Гитлер-плац. Здесь их приветствует толпа — большая, дисциплинированная, не такая живая и активная, как в Берлине. Сотрудники управления металлургических заводов, рабочие, женщины, дети — все они теснятся у заслонов из эсэсовцев и штурмовиков. Ровно в 20.45 гаулейтер Тербовен поднимается на трибуну, сооруженную на площади. У него серьезный и гордый вид, который он стал напускать на себя с тех пор, как фюрер за несколько часов до того, как нанести удар по врагам рейха, посетил его свадьбу. Речь гаулейтера слушают по радио в пяти районах города, от Копфштадплац до Пфердемаркетплац. Из громкоговорителей часто доносятся аплодисменты, заглушающие его слова.

«Преданность — фундаментальный закон государства, — заявляет Тербовен. — Гнойник был удален. Естественно, гангрена еще не уничтожена до конца, как

это бывает везде и во все времена. Но главное, что мы теперь знаем, как с ней бороться».

Речь Тербовена прерывается аплодисментами, а когда он кричит «Зиг хайль!», эсэсовцы и штурмовики подхватывают этот призыв, и рев их голосов эхом отзывается на всех площадях. После Тербовена выступают другие офицеры и чиновники, а потом начинается парад. Оркестры СС, одетые в черное, отбивают ритм на своих барабанах, украшенных эмблемой мертвый головы. Они исполняют «Маршируя по Руру». Парад открывают эсэсовцы, и толпа, которой неизвестны подробности операции, понимает, что видит теперь новое лицо гитлеровского рейха. По всей Германии прославляют СС. Толпа молча расходится в темноте жаркой летней ночи, а подразделения СС, которых встречали радостными криками и прославляли в речах, возвращаются в свои лагеря. Солдаты и офицеры Черной гвардии понимают, что после «ночи длинных ножей» они стали хозяевами страны.

В тот вечер фрау фон Папен с дочерьми возвращается в Берлин. Они встревожены: фрау Чирская сообщила им об аресте своего мужа, и они не знают, какая судьба постигла вице-канцлера. Перед виллой фон Папена все еще дежурит полицейская машина, а вход по-прежнему охраняет капитан полиции. Но Франц фон Папен жив. Он кипит от негодования, на чем свет стоит клянет нацистов и свой домашний арест, под который его посадили. На следующий день временно возобновляется телефонная связь. Первым звонит Геринг. «Он имел наглость спросить меня, почему я не явился на заседание кабинета, которое вот-вот должно было начаться, — вспоминал Папен. — Я ответил слишком резко для дипломата. Геринг выразил удивление — он притворился, что не знает, что домашний арест с меня еще не снят, и просил простить его за это упущение. Сразу же после звонка Геринга люди, охранявшие меня, уехали, и я смог отправиться в Канцелярию».

В зале, где собирались министры, канцлер Гитлер переходит от одного министра к другому. Он выглядит отдохнувшим и находится в прекрасной форме. Сегодня, по прошествии суток с тех пор, как прозвучали последние выстрелы, как он получил поздравления от генерала Бредова и маршала Гинденбурга и убедился, что немецкий народ воспринял разгром СА как должное, он уверен, что одержал победу. Ясность его видения помогла ему принять в нужный момент правильное решение и одним решительным ударом уничтожить всех своих врагов. Его хранит судьба, теперь он стал настоящим вождем народа, его фюрером. Все собравшиеся обращаются к нему с почтением, подчеркивая его власть. Карл Шмидт, нацистский юрист, перефразируя закон и подгоняя его под новые обстоятельства, в своих воспоминаниях не постеснялся написать: «Действия фюрера были актом простой справедливости и не нуждались ни в законе, ни в органах юстиции — фюрер сам по себе закон и юстиция».

Итак, фюрер может делать все, что захочет. Министр юстиции, готовясь к заседанию Совета министров 3 июля, составил проект закона, который, в чем он нисколько не сомневается, будет принят. Единственная статья этого закона гласит: «Меры, принятые 30 июня и 1 и 2 июля, полностью соответствуют закону и были осуществлены в целях пресечения предательских действий, угрожавших безопасности страны».

Итак, вмешательства закона не требуется. Чтобы уничтожить любого человека, достаточно одного лишь желания фюрера.

Когда в комнату входит вице-канцлер, Гитлер с самым дружелюбным видом подходит к нему. «Он предложил мне занять мое место, — вспоминает Папен, — но я заявил, что об этом не может быть и речи, и потребовал разговора наедине». Гитлер и Папен удаляются в соседнюю комнату. Гитлер все понимает и полон желания помочь. Как и в прошлые разы, когда ему удава-

лось достичь желаемого, он готов выслушивать признания, изображать сочувствие и исцелять чужие раны.

«Я резким тоном сообщил ему, что произошло в Канцелярии и у меня дома, и потребовал немедленно начать расследование по поводу действий, предпринятых против моих коллег».

Фюрер ничего не отвечает. Это может означать все, что угодно: он ничего не знает о том, что сообщил ему Папен; он прикажет начать следствие; он в душе потешается над Папеном или, наоборот, совершенно согласен с ним. Но когда вице-канцлер заявляет, что намерен подать в отставку и сделать это публично, Гитлер начинает возражать.

«Ситуация в стране очень напряженная, — говорит он, — я не могу принять вашей отставки, пока все не успокоится. А тем временем прошу вас выполнить одну мою просьбу и принять участие хотя бы в ближайшем заседании рейхстага, где я намерен дать отчет о своих действиях».

Но Папен не соглашается на это. «Я не вижу никакой возможности и дальше занимать свое место в Совете министров», — заявляет он.

Однако Гитлер все-таки сумел добиться того, что было ему нужно, — отставка Папена произойдет без огласки. Народ не узнает о расхождении мнений канцлера и его заместителя. Пусть люди думают, что в правительстве рейха, от Гинденбурга до Папена, от Бломберга до Рудольфа Гесса, царит единство и гибель Рема и других осужденных произошла по единодушному согласию всех его членов. Видимость единства — это все, что нужно Гитлеру. Пусть Папен не присутствует на сессии рейхстага, пусть его не будет на скамье, где сидит правительство, — у Гитлера еще есть время, чтобы уладить этот вопрос. Сессия назначена на 13 июля и состоится в здании Кроль-опера.

Гитлер возвращается в зал заседаний один. Он совершенно спокоен. Генералы Бломберг, Гесс, Геринг и все

другие министры уже заняли места у длинного прямого-угольного стола. Гитлер, стоя у своего стула и уперев кулаки в бумаги, лежащие перед ним, излагает свою версию событий.

Он говорит, все более возбуждаясь. «Под эгидой Рема, — начинает он, — сформировалась клика, членов которой объединяли личные амбиции и извращенные пристрастия...» Голос его возвышается, он полон гнева и презрения. «Рем много раз давал мне слово чести. Я всегда защищал его, но он предал меня, своего фюрера, предал подло, как изменник». Казненный Рем конечно же виноват во всем. «Рем имел дурные привычки [о которых Гитлер знал уже давно, но которые именно сейчас сделались почему-то нетерпимыми]... Он окружил себя мужчинами, и все они понесли жестокое, но заслуженное наказание...» Выясняется, что кровь Рема очистила нацизм. «Рем хотел предать свою страну... Между Ремом, Шлейхером, фон Альвенслебеном, Грегором Штрассером и французским послом существовала тайная связь...» Гитлер, словно молотом, вбивает эти слова в головы слушателей, а потом долго молчит, прежде чем заявить, что он, фюрер, решил провести операцию, подробности и успешное завершение которой членам правительства хорошо известны.

Он садится; лицо его мокрое от пота. Он заново пережил «ночь длинных ножей», заново разыграл спектакль, где справедливость наказывает измену. Это была репетиция той длинной речи, которую он произнесет в парламенте и которую услышит весь народ. Встает генерал Бломберг, чтобы ответить фюреру, — суровый, уверенный в себе и спокойный. Облаченный в простую форму, увенчанный многими наградами, Бломберг одним своим видом внушает уважение. Он — олицетворение преданного и благородного солдата, честно выполняющего долг перед рейхом.

«От имени правительства, — заявляет он, — я благодарю канцлера, который своими решительными и му-

жественными действиями спас немецкий народ от ужасов гражданской войны».

Бломберг делает паузу. Все взгляды устремлены на него. Фюрер тоже смотрит на него, но, скорее всего, не видит.

«Как государственный деятель и солдат, — продолжает Бломберг, — канцлер в этот суровый и опасный момент действовал так умело, что своей верностью и преданностью делу рейха сумел породить в правительстве и во всем немецком народе ожидание новых великих подвигов».

После этого выступает министр юстиции. Он заявляет, что канцлер не только защитил закон, но и своей властью фюрера и Верховного судьи государства создал новый закон, когда возникла такая необходимость.

Фюрер слушает с насмешливой и недоверчивой улыбкой. Мыслями он далеко отсюда. Генералы, юристы, люди с жестко накрахмаленными воротничками, буржуа, монархисты, профессора, юнкера, дипломаты — все они теперь на его стороне, все одобряют его действия и льстят ему — даже Франц фон Папен, который пытался было протестовать, но в конце концов подчинился его воле.

Заседание Совета министров подходит к концу, и Гитлер в знак уважения провожает министров до двери — он читит древний обычай.

Через несколько часов он принимает Германа Раушнинга, президента сената города Данцига, с которым любит поболтать. В своей гостиной, окруженный близкими друзьями, он дает волю своему языку и даже позволяет себе пройтись по поводу близкой смерти маршала Гинденбурга. Его речь, полная презрения и гнева, течет нескончаемым потоком.

«Они просчитались... они думали, что мне пришел конец... но они жестоко просят счета. Они еще меня не знают. Они презирают меня, потому что я вышел из народа, из отбросов общества, как они говорят, потому что

у меня нет образования, а мои манеры и методы шокируют их куриные мозги...»

Гитлер громко смеется. Они — это фон Папены, фон Гинденбурги, фон Бломберги — все эти юнкера и выпускники военных училищ, члены «Херренклуба».

«Будь я из их круга, я бы уже давно был великим человеком. Но я не нуждаюсь в том, чтобы они подтвердили мое величие, мои таланты. Отсутствие субординации в СА давало мне много преимуществ, но у меня остались и другие. Я знаю, что надо делать, если дела пойдут плохо».

Гитлер продолжает говорить, а Раушнингу становится все страшнее и страшнее его слушать. Один из старейших друзей Гитлера, его безоговорочный союзник, он вдруг понимает, что его собеседник одержим манией власти и что на пути к ней его ничто не остановит. Каждый успех увеличивает веру Гитлера в свои исключительные способности и презрение к другим людям. Фюрер встает; его монолог становится еще более страстным.

«Они плохо представляют себе реальное положение дел, эти безмозглые карьеристы с их убогим бюрократическим мышлением. Ты заметил, — спрашивает Гитлер, — как они дрожали и унижались передо мной?»

Гитлер не может скрыть своей радости — радости человека, который всего добился сам и получил власть над теми, кто медленно, но верно поднимался по ступеням иерархической лестницы.

«Я опрокинул все их расчеты. Они думали, что я не осмелюсь нанести удар, что я испугаюсь. Они думали, что поймали меня в свои сети, что я игрушка в их руках. Они смеялись за моей спиной, считали меня конченым человеком, потерявшим поддержку своей партии».

Лицо Гитлера сияет восторгом, а губы искривила мстительная усмешка. «Я задал им трепку, которую они запомнят надолго. То, что я потерял, разгромив СА, я тут же вернул, избавившись от всех этих феодальных заговорщиков и авантюристов вроде Шлейхера и его друзей».

Итак, фюрер сумел повернуть ситуацию в свою пользу. Он пожертвовал людьми, на которых раньше опирался, — Ремом, Штрассером и штурмовиками, — но сумел также избавиться от угрозы со стороны определенных консервативных кругов. Смерть многих правых и левых противников позволит ему достичь абсолютной власти.

«Планам этих господ в элегантных костюмах не суждено осуществиться! — кричит он. — Когда старик умрет, им не удастся отодвинуть меня в сторону... Ну, давайте же, герр фон Папен и герр Гинденбург, я готов к следующему раунду борьбы».

Папен прекрасно понимает, что за внешней любезностью Гитлера скрывается презрение и враждебность. Он еще пытается бороться, противопоставив нацистам свое влияние. Сообщив Гитлеру о намерении уйти в отставку, он едет на Бендерштрассе. Военное министерство все еще находится под усиленной охраной, словно в любую минуту ожидается переворот. Во дворе устроены баррикады, опутанные колючей проволокой, а многочисленные часовые вооружены до зубов. В коридоре вице-канцлер встречает одного из адъютантов генерала Фрича — «старого знакомого еще с тех счастливых времен, когда я участвовал в стипль-чезе». Он посмотрел на меня, как на привидение. «О боже, — наконец произносит он, — где вы были?» — «Как видите, — ответил я, — я все еще жив. Но мы должны положить конец этому свинству».

Вице-канцлера отводят в кабинет Вернера фон Фрича, его друга, но генерал может рассказать ему только о том, что он уже знает, — об убийстве Шлейхера и его жены.

«Фрич признался, — вспоминает Папен, — что все хотели, чтобы рейхсвер вмешался в развитие событий, но Бломберг наложил на это категорический запрет.

Что касается Гинденбурга, Верховного главнокомандующего вооруженными силами, то с ним никто не мог связаться. Более того, президента, скорее всего, неверно информировали».

Фрич конечно же не мог не знать, что в распоряжении СС были представлены грузовики, оружие и казармы рейхсвера, что Коричневый дом в Мюнхене охраняли военные и что 2 июля в офицерских столовых рекой лилось шампанское — офицеры праздновали гибель Рема. Генерал фон Вицлебен даже выразил сожаление по поводу того, что армии не позволили участвовать в расправе над штурмовиками. «Я хотел бы участвовать в этой операции!» — воскликнул он, подняв бокал за будущее германской армии.

Но консерваторы из рядов рейхсвера бессильны что-нибудь изменить. Когда власть Гитлера была еще слаба, они выбрали союз с ним, а когда ситуация изменилась в его пользу, им осталось только смириться с этим. Папен писал Гитлеру возмущенные письма, требовал освобождения своих коллег, но Гитлер был тверд. 13 июля, выступая в рейхстаге, он заявил: «Я принимаю на себя всю ответственность за то, что произошло». Папен написал ему, что не явится на заседание парламента, но разве это могло что-нибудь изменить? Здание Оперы заполнено нацистами — среди них очень много тех, кто трясется от страха, — и речь фюрера часто прерывается бурными аплодисментами.

Рядом с пустым креслом Карла Эрнста сидит принц Август-Вильгельм фон Гогенцоллерн, которого подвергли очень жесткому допросу, как руководителя СА и друга Эрнста. Одетый в форму, он выражает самый искренний восторг, вставая несколько раз, когда Гитлер выкрикивает свои заявления. Фюрера слушает по радио вся нация, а в Тиргартене собирались толпы народу. «Я велел расстрелять руководителей мятежа. Я велел также прижигать гнойник, порожденный внутренним и внешним ядом, до тех пор, пока не задымится живая плоть.

Я также приказал расстреливать на месте тех, кто пытался оказать сопротивление при аресте».

Принц Ави хлопает изо всех сил — он охвачен страхом и спасает свою жизнь.

Сколько людей, сидящих сейчас в красных креслах в залитом ярким светом зале Кроль-оперы, испытывает те же самые чувства? А сколько людей отказались от своих убеждений и предали память убитых товарищей, склонившись перед торжествующей властью Гитлера? И разве сам Гитлер не чувствует презрения к этим людям, готовым ради спасения собственной шкуры отказаться от всего, что было им дорого? Он знает, что теперь они будут делать все, что он им прикажет, даже если его решения будут неверными или слишком поспешными.

В первые недели июля Папену наносит визит доктор Ламмерс, Государственный секретарь канцлера. Разговор проходит в вежливой форме. От имени фюрера Ламмерс предлагает Папену занять пост посла в Ватикане. Естественно, поясняет он, если Папена не устроит размер содержания, он может назвать любую сумму, которая покроет все его расходы. Папен хорошо понимает, о чем идет речь. Гитлер привык обращаться с людьми весьма грубо.

Пораженный до глубины души, Папен взрывается от гнева. «Неужели вы думаете, что меня можно купить? — кричит он. — Ко мне еще никто не обращался с таким гнусным предложением! Идите и скажите это своему Гитлеру». И Папен выпроваживает посланца из дома. Тем не менее меньше чем через месяц после этого он становится послом Третьего рейха в Вене.

Но не деньги заставили его пойти на этот шаг. В ночь на 25 июля на его вилле раздается бешеный стук в дверь. В ночной тьме стоят три эсэсовца. После «ночи длинных ножей» Папен понял, что закон в Германии бессилен защитить человека от произвола. Дверь открывает его сын с револьвером в руках. Но эсэсовцы явились вовсе не за тем, чтобы убить Папена, а чтобы сообщить ему, что фю-

рер, находящийся в Байрейте, требует, чтобы Папен немедленно позвонил ему. В два часа ночи такая просьба кажется очень странной, и Папену становится не по себе — вдруг это просто уловка, придуманная для того, чтобы заманить его в телефонную будку, а потом преспокойно расстрелять?

Но трубку и вправду берет Гитлер.

— Господин фон Папен, — нервно говорит он, — вы должны немедленно выехать в Вену, в качестве моего полномочного посланника. Ситуация угрожающая. Вы не имеете права отказаться.

Папен ничего не знает о том, что произошло сегодня ночью в Вене. Австрийские нацисты решили устроить в Вене свою «ночь длинных ножей». Подстрекаемые инспектором нацистской партии Хабихтом, они пытались захватить власть в стране и без колебаний убили канцлера Дольфуса.

25 июля 1934 года, меньше чем через месяц после кровопролития в Германии, снова убийства. Может быть, кто-нибудь дергает Гитлера за руку? Поразительно — Третий рейх еще не успел оправиться от шока, вызванного ликвидацией Рема, а Гитлер уже ввязывается в новое рискованное предприятие — аншлюс. Впрочем, все, что произошло в течение этих трех недель, проистекших после встречи Гитлера с Муссолини, ничего, кроме удивления, вызвать не может. Возможно, кто-то хочет воспользоваться событиями в соседней стране, чтобы свалить Гитлера? Но скорее всего, попытка совершить в Австрии переворот — просто преждевременное выступление местных нацистов.

Но путч провалился, а Муссолини сосредоточил на границе в Альпах свои войска. Гитлеру пришлось отступить. Известие о смерти Дольфуса он получил, слушая в Байрейте оперу «Золото Рейна», которая привела его в экстаз.

«К концу представления, — вспоминает Фриделинд Вагнер, сидевший рядом с ним, — фюрер пришел в такое сильное возбуждение, что на него было страшно

смотреть. Но хотя ему с трудом удавалось скрывать свою экзальтацию, он позаботился, чтобы, как обычно, заказать обед в ресторане. «Я должен появиться на публике, — сказал он мне, — иначе все подумают, что я во всем этом замешан».

Но по мере того как из Вены поступают новые сообщения, фюрер все больше и больше сникает. Когда он звонит Папену, его голос звучит как голос человека, припертого к стене. «Это — новое Сараево!» — истерически вопит он. Он просит Папена приехать к нему в Байрейт, чтобы спасти Германию от гибели.

В Байрейте Папен встречается с Гитлером, Герингом, Геббельсом и Гессом. Нацисты в тревоге, Гитлер клянет глупость и грубость австрийских нацистов, из-за которых он оказался в таком ужасном положении. Он умоляет Папена, ради блага Германии, принять его предложение и немедленно отправиться в Вену. Папен уступает и соглашается оказать услугу нацистам. «Уступив просьбе Гитлера, — пишет он, выгораживая себя, — я мог послужить еще родной стране, при условии, что мне будут даны определенные конкретные гарантии». Естественно, Гитлер соглашается на все его условия. Он знает, что есть моменты, когда надо уступить. Так что Папена сорвавшего не золото, а ложная идея о том, что, служа Гитлеру, он служит Германии. Еще раньше, в январе 1933 года, когда нацисты захватили власть, мысль о служении своей стране заставила Папена пойти на сотрудничество с ними, теперь же, в июле 1934 года, он снова руководствовался этой же идеей. Между тем в промежутке между этими событиями был сожжен Рейхстаг, в лагерях Дахау и Бухенвальд выстроены бараки для заключенных, убиты Шлейхер, Юнг, Бозе и Клаузенер, а во время «ночи длинных ножей» нацизм показал свое истинное лицо — грубое лицо безжалостного убийцы, и Папен все это хорошо знал.

Через некоторое время из Дахау вернулся Чирский с обритой наголо головой, и Папен на кладбище, в при-

существии фрау Бозе и ее детей, произнес траурную речь над могилой своего коллеги, погибшего от рук людей, которых иначе, чем бандиты, не назовешь. И тем не менее Папен согласился служить им, поскольку ему хочется верить, что он служит Германии. Он также понимает, что, живя в Вене, — а потом он уедет еще дальше, в Анкару, став послом в Турции, — он будет в безопасности. В душе Папена, как и у многих других немцев, страх смешался с иллюзией, что в конечном счете и сделало нацизм таким сильным.

Нацистский рейхсвер

15 июля в цветущей местности к северу от Берлина немецкие войска проводят маневры. Особенно эффективными, лучше всех обученными и укомплектованными новым оружием оказались соединения, созданные в самое последнее время. На французского военного атташе учения произвели огромное впечатление: германская армия быстро становится силой, с которой нельзя будет не считаться. Кроме всего прочего, она безраздельно предана Гитлеру. «Все немецкие офицеры, — пишет в Париж французский атташе, — а также правительственные служащие, с которыми мы жили, и те солдаты, с которыми нам удалось поговорить, единодушно одобряют действия Гитлера. Мы почувствовали, что они гордятся триумфом рейхсвера».

Для них «ночь длинных ножей» представляет собой не что иное, как победу генерала Бломберга над Ремом. Им не хочется вспоминать, какую роль сыграли при этом эсэсовцы, которых суровая необходимость заставила стать палачами. Вне сомнения, военные гордятся, как ловко им удалось использовать Черную гвардию для устранения своего соперника, а самим сохранить неподкупность и верность коду чести, принятому в рейхсвере. В конце концов, Шлейхер и Рем погибли не от

рук военных. Гитлер искусственной лестью сумел перетянуть Офицерский корпус на свою сторону, а разгромленные штурмовые отряды заставил подчиниться армии. В военных делах сейчас за СА отвечает генерал Рейхенау, но реорганизацией их займется другой человек.

«Один из офицеров рейхсвера, чьи антинацистские взгляды мне хорошо известны, — пишет французский военный атташе, — говорил мне и многим моим коллегам: «В прошлом году в армии было, вероятно, шестьдесят процентов нацистов, несколько недель назад, я думаю, процентов двадцать пять, зато сейчас не менее девяноста пяти».

Простые солдаты, под влиянием пропаганды своих офицеров и приказов Бломберга, превосходят в своем рвении даже офицеров. В середине июля Гитлер, инспектируя маневры, проезжает мимо длинной колонны пехотинцев. Середина лета, фюрер едет в открытой машине; солдаты в своих тяжелых шлемах обливаются потом. Вдруг в их рядах раздаются радостные крики — солдаты узнали фюрера, и крики становятся все громче и сильнее. Молодые парни выражают свой восторг от встречи с Гитлером. Обсудив этот случай с офицерами рейхсвера, французский военный атташе отмечает: «Подобная спонтанная демонстрация чувств вовсе не характерна для германской армии; она поразила даже офицеров».

Итак, Гитлер сумел завоевать сердца людей — за ним идет молодежь, его действия одобряет армия, он держит под контролем партию, СС и СА. Вскоре, словно по заказу, начинается агония президента рейха, маршала Гинденбурга. События сменяют друг друга в быстрой последовательности, словно история вдруг решила ускорить свой ход, но в Берлине, Париже и Лондоне многие еще отказываются это понимать. Гинденбург при смерти, и завещание, составленное им под влиянием Папена, по которому в Германии должна была быть восстановлена монархия, становится пустым звуком еще до того, как Гинденбург испускает последний вздох.

1 августа в Канцелярии поспешно собирается Совет министров. Председательствует Гитлер. Он соглашается принять закон, который вступит в силу в момент смерти президента, согласно которому он соединит в своем лице функции президента страны и канцлера. Трепеща от мысли, что долгожданная победа уже так близка, Гитлер едет в Нейдек. Старый аристократ лежит на своей твердой, жесткой постели, постели прусского солдата. Оскар фон Гинденбург вводит канцлера в комнату умирающего.

— Отец, пришел канцлер, — произносит сын маршала.

Гинденбург открывает глаза, но не узнает Гитлера. «Возможно, — с иронией пишет Папен, — он подумал, что канцлера, явившегося проститься с ним, зовут Папен». Но эта унизительная ошибка совершенно не трогает Гитлера. Гинденбург при смерти, и ничто уже не сможет помешать ему стать следующим президентом рейха.

2 августа в девять часов утра артиллерийские залпы, прозвучавшие с регулярными промежутками, извещают немцев, что ветеран Садовы и Седана, прусский солдат, присутствовавший в Зеркальном зале Версала при прощальном обращении Германской империи, маршал фон Гинденбург, президент рейха, скончался. Папен сразу же отправляется в Нейдек и несколько минут сидит у спартанской походной кровати, на которой «лежало тело маршала. Его руки были сложены на Библии, а лицо отмечено печатью мудрости, доброты и решительности, которые так меня восхищали».

Через несколько часов после сообщения о смерти Гинденбурга становится ясно, что нацисты хотят превратить его похороны в помпезный спектакль для масс, во время которого народ приобщится к духу нацизма и отречется от своей воли, поскольку передает президентскую власть в руки фюрера. Когда Папенносит фюреру письмо Гинденбурга, которое, по сути, является его завещанием, Гитлер заявляет: «Наш президент,

кончину которого мы все горько оплакиваем, адресовал это письмо лично мне. Позже я решу, стоит ли предавать его гласности, а если стоит, то когда». Папен просит Гитлера, чтобы письмо было опубликовано немедленно, но в конце концов снова вынужден подчиниться воле Гитлера. А что ему еще оставалось делать? Президент Гинденбург умер 2 августа в девять часов утра; акт, объявляющий Гитлера его преемником, был фактически принят вечером 1 августа, а к 9.30 2 августа рейхсвер уже присягнул на верность новому главе государства.

Так соглашение, сформулированное, как мы полагаем, на борту линкора «Дойчланд» в Балтийском море, было выполнено: Рем казнен, Гинденбург мертв, а Гитлер стал его преемником.

Вечерние газеты выходят в траурных рамках. Они публикуют рассказы о жизни покойного маршала и часто цитируют первую строчку похоронного марша германской армии *Ich hatt' einen Kamaraden*.

Офицеры на полосах газет рассказывают о героическом прошлом своего покойного командира. Одновременно газеты публикуют текст новой присяги, которую, по приказу генерала фон Бломберга, должны принести все военнослужащие рейха.

«Клянусь перед Богом беспрекословно повиноваться руководителю рейха и немецкого народа Адольфу Гитлеру, Верховному главнокомандующему вермахтом. Клянусь быть храбрым и всегда готовым пожертвовать своей жизнью, чтобы не нарушить эту клятву».

В тот же день, 2 августа, офицеры и солдаты во всех воинских частях рейхсвера начинают приносить эту присягу. Они клянутся в верности фюреру — сначала офицеры, потом солдаты поротно. Новобранцы, полные энтузиазма, у которых от волнения перехватывает дыхание, салютуют нацистскому флагу. Для них, как и для многих офицеров, воспитанных в убеждении, что нарушать торжественную клятву нельзя, новая присяга олицетворяет

цетворяет собой связь, которую они не имеют права разрывать. Но одновременно она же послужит для них и защитой, когда они будут маршировать по покоренной Европе, подчиняясь воле фюрера.

Итак, Гитлер, как он и обещал Раушнингу, выиграл второй раунд схватки. Получив телеграмму Бломберга, в которой тот сообщал ему, что «офицеры, сержанты и рядовые вермахта торжественно поклялись в верности фюреру и канцлеру рейха», он понял, что победа эта окончательная.

Теперь ему осталось только выполнить одну обязанность — быть главой на похоронах Гинденбурга, пройти за гробом старого солдата, перед которым будут приспущенны флаги и знамена всех полков рейха, произнести пророческим тоном фразу о том, что фельдмаршал отправится прямо в Валгаллу, и провести 19 августа пленбиссцит, в ходе которого восемьдесят восемь процентов немцев одобрят уже вступивший в силу закон, объявляющий его главой государства.

И наконец, 20 августа он сможет послать благодарственное письмо генералу Бломбергу. Армия сдержала свое слово и поклялась ему в верности. Он этого не забудет.

«Поскольку офицеры и солдаты, — напишет Гитлер, — поклялись хранить в моем лице верность новому государству, я буду считать своим священным долгом всеми силами защищать само существование и целостность вермахта и выполню завещание старого маршала, совпадающее с моим собственным желанием, доверив армии роль единственного защитника нации».

4 сентября фюрер в Нюрнберге празднует свою победу. В огромном Луитпольдском зале, украшенном тысячами флагов со свастикой, Гитлер идет по центральному проходу. Оркестр исполняет «Баденвейлерский марш», а зал сотрясается от криков «Хайль Гитлер!». Фюрер медленно поднимается на трибуну. Кто теперь вспоминает о сером рассвете в мюнхенском аэропорту Обервиценфельд, и лес, через который он ехал в Бад-Висзее?

Быть может, Адольф Вагнер, в кабинете которого в то субботнее утро 30 июня Гитлер оскорбил Шнейдгубера и послал его на казнь? Но Вагнер здесь, рядом с фюрером. Он зачитывает заявление, которым открывается съезд нацистской партии.

«Заложены основы жизни Германии на ближайшую тысячу лет. Благодаря нам кризис XIX века завершен. В ближайшую тысячу лет в Германии не будет революций».

Впервые на съезде партии рядом с фюрером сидят члены Верховного командования рейхсвера, а в зале присутствуют офицеры штабов всех крупных военных соединений. Сотни офицеров с прямой осанкой, на лицах которых застыло бесстрастное выражение, пришли сюда, чтобы продемонстрировать всей стране, что армия решила официально связать свою судьбу с нацистской партией. Вечером, когда члены гитлерюгенда распевают на улицах песни, офицеры пьют за вечную Германию, за новый вермахт, который в новом рейхе непременно станет душой страны, какой была до этого прусская армия.

20 июля 1944 года

Другое время, другая ночь, десять лет спустя. За смертью Рема, Шлейхера, Вильгельма Эдуарда Шмидта, ни в чем не повинного мюнхенского музыкального критика, последовали смерти миллионов других людей. Гестапо и СС уже не присылают урны с прахом погибших их семьям. Теперь этот прах поднимается в нависшее над Дахау, Бухенвальдом и Аушвицем небо. Другое время, другая ночь — из своей штаб-квартиры Вольфшанце («Волчье логово») Гитлер обращается к немецкому народу.

«Я обращаюсь к вам сегодня для того, чтобы вы, во-первых, услышали мой голос и узнали, что я не пострадал и нахожусь в добром здравии, а во-вторых, чтобы проинформировать вас о самом ужасном преступлении, которого еще не знала немецкая история. Небольшая

клика честолюбивых офицеров, столь же безответственных, сколь и глупых, организовала заговор, чтобы уничтожить меня и членов Верховного командования вооруженных сил. В нескольких метрах от меня взорвалась бомба, подложенная графом фон Штауфенбергом... Я получил несколько царапин и ссадин. Я считаю, что меня спасло само Провидение, ибо миссия моя еще не завершена... на этот раз мы сведем с ними счеты так, как это умеют делать только нацисты».

Так начинается новая «ночь длинных ножей». В городах рейха, лежащих в развалинах, по-прежнему свирепствуют СС, гестапо и СД — организации, чья власть резко возросла в июне 1934 года. Теперь они во много раз сильнее, чем прежде, ибо их сила питается бесчисленными преступлениями. В эту новую «ночь длинных ножей» убито не менее 4980 человек, а тысячи брошены в концлагеря. И жертвами ее стали те самые офицеры, которые в 1934 году думали, что победа досталась им.

Среди них — рейхсмаршал Эрвин фон Вицлебен. В ночь с 2 на 3 июля 1934 года он праздновал победу рейхсвера над СА, сожалея, что ему не довелось принять участия в расправе над штурмовиками. Теперь он сидит на скамье подсудимых, лишенный даже права носить ремень. Партийный судья Фрейзлер орет на него: «Что вы все время поддергиваете брюки, Вицлебен? Неужели вы не можете сделать так, чтобы они не спадали?»

Вицлебен, Хепнер, Штифф, Хаген, Хаазе, Бернардис, Клаузинг, Йорк фон Вартенбург — все эти генералы и офицеры, командующие войсками и простые лейтенанты вермахта — приговорены к пыткам и казням. Их повесили на струнах от пианино, которые медленно затягивали, чтобы продлить мучения, — смерть осужденных наступила только через двадцать пять минут. Фюрер прислал кинооператоров, которые должны были снять казнь заговорщиков на кинопленку. На головах несчастных черные мешки, но ноги их хорошо видны, и зрители могут наблюдать, как извиваются в конвуль-

сиях их тела. Все они — офицеры рейхсвера, те самые люди, которые 30 июня 1934 года позволили убить Шлейхера, Бредова и Клаузенера, которые клялись в верности Гитлеру, а потом, в другую июньскую ночь, десять лет спустя, решили его убить. Во всех странах Европы в могилах лежат миллионы их жертв, которых убили так, «как это умеют делать только нацисты».

Во время «ночи длинных ножей» они были уверены, что победа осталась за ними, точно так же, как фон Папены и фон Гинденбурги думали, что это не нацисты, а они выиграли в результате выборов 1933 года. Они не учли, что нацизм нельзя держать на руке, как ручного сокола, надев ему на голову колпачок. Они ошиблись, полагая, что, догнав жертву и убив ее, он послушно вернется к хозяину. Они не понимали, что нацизм черпал свою силу из кровожадных мифов, выпустив на свободу и манипулируя темными инстинктами, гнездящимися в глубине души каждого человека. Они не понимали, что новый порядок, который установили нацисты, с его символами, воплями, парадами и убийцами, означал возврат к первобытному варварству, сила которого увеличивалась во сто крат благодаря достижениям современной науки. Они забыли, что это варварство имеет одну только цель — установление своего господства на всей земле.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1.</i> Жизнь Бека до 1933 года	5
<i>Глава 2.</i> Созида́тельный труд в 1934—1937 годах	15
<i>Глава 3.</i> Гитлер раскрывает свои политические намерения	51
<i>Глава 4.</i> Свержение генерал-полковника барона фон Фрича	68
<i>Глава 5.</i> Борьба руководителя Генерального штаба в 1938 году	82
<i>Глава 6.</i> В отставке	136
Приложение	153

Ферстэр Вольфганг
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ФЮРЕРУ
Трагедия руководителя
немецкого Генштаба
1933—1944

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгелая*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.12.2007.
Формат 84×108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 11,36.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 3559.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNP0L@D0L.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.
E-mail: kursk-2005@yandex.ru www.petit.ru

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
БИОГРАФИИ

Вольфганг Ферстер

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ФЮРЕРУ

**ТРАГЕДИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ
НЕМЕЦКОГО ГЕНШТАБА**

1933–1944

Профессор Вольфганг Ферстер, основываясь на личных записках генерала Людвига Бека, воссоздает обстановку внутри немецкого Генерального штаба накануне Второй мировой войны. Рассказывая об основателе вермахта, начальнике Генштаба и участнике Первой мировой войны, Ферстер показывает, как глубоко он осознавал огромную меру ответственности перед страной и прекрасно понимал, какие страшные последствия повлечет война и для проигравших, и для победителей. Бек открыто критиковал сосредоточение всей полноты власти в руках Гитлера. Оппозиция рассматривала генерала как возможного главу государства в случае устранения фюрера с политической арены. После покушения на Гитлера и провала Июльского заговора он был арестован и покончил жизнь самоубийством.

Документальная основа книги воссоздает объективную картину внешнеполитической обстановки и ситуации, сложившейся в верхних эшелонах власти Третьего рейха.

ISBN 978-5-9524-3421-9

9 785952 434219

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®